

Игорь Станович

Почти порнографический роман
Лего по Фрейдду

Почти порнографический роман Лего по Фрейду

Жанр произведения: Роман

[Произведение написал автор BookVox Игорь Станович \(Ильин\)](#)

[Ссылка на публикацию](#)

Игорь Станович

Почти порнографический роман

Лего по Фрейду

...и наказал Бог Россию богатством недр земных, жадностью властей предержавших, а также склонностью к долгому запряганию у прочего населения, попытки же компенсировать всё это быстрой ездой только усугубили сие наказание...

«Сказания крайних лет» из летописи последней цивилизации

Предисловие

Я всегда с юмором и даже издёвкой относился к слову «ПИСАТЕЛЬ», особенно в тех случаях, когда люди сами себя так называют. И четко соблюдал подслушанный от кого-то из них постулат, что ежели можешь не писать, то лучше и не пиши. Это было странное, пограничное время на стыке формаций. Тревожное, мутное и многообещающее. СССР был ещё «скорее жив», но уже в крайней стадии болезни. В последней части этой крайней стадии, как при алкоголизме, за которой следует либо кончина, либо госпитализация в психиатрическое отделение со строгим надзором. Потому что больной за себя не в ответе и натворить может всё что угодно. Некое подобие больнички и получилось из когда-то целой страны. На неё навалились всем миром и трогательно подложили под «вечные ценности» недавно чуждого нам образа жизни со всеми его атрибутами, начиная от рыночной экономики и бога по имени ДОЛЛАР, заканчивая прагматикой отношений в стиле «я начальник – ты дурак, ты, начальник, зарплату прибавь...». Однако понятие дружбы ещё не развилось до западного «хав ар ю, май френд» и соцсетишного «зафрендиться» с тысячами таких же «общающихся» «бро». Слово «друг» имело иное, менее «фастфудное» и попсовое значение. Будучи на заре этих времён «простым читателем», я открывал книгу и пытался понять: человек, решившийся изложить на бумаге свою историю, действительно руководствовался этим правилом и не мог не выразить свои мысли на бумаге? Или преследовал ещё какие-нибудь цели, интересы? Читателей тогда было значительно больше, нежели писателей, о чём нельзя сказать в наше время. Это были странные люди, одержимые жаждой книгодобычи любыми доступными методами, в том числе и сдачей во вторсырьё макулатуры, за двадцать килограмм которой давали талон на приобретение убогого шедевра западной литературы типа «Женщины в белом». Читать (иметь) книги было модно. Но не у каждого изыскание книги предусматривало обязательность её прочтения. Иметь в своей библиотеке «макулатурный» томик было престижно. Престижность обладания собственной библиотекой доходила до маразма, выпускались даже книжные полки, имитирующие целые собрания сочинений с картонными корешками литературных томиков. За этими корешками находилось полезное пространство, где можно было хранить вещи, заначки денег и бухла. Литература и водка, а

чаще портвейн были неотделимы друг от друга. Трезвенник, разбирающийся в литературе, вызывал в лучшем случае недоумение и удивление. В худшем - подозрение в принадлежности к органам. А за найденную у вас распечатку «Одного дня Ивана Денисовича» могли дать восемь лет тюрьмы. Печатные машинки продавались только по предъявлении справки из милиции с последующей постановкой на учёт как множительное устройство (пардон, это было немного раньше). Супермаркетов не было, тогда они назывались магазинами «Продукты», а те, что побольше, - гастрономами. Бутики - магазины «Одежда» или «Галантерея». Купить в них что-либо получалось лишь при наличии у вас знакомых среди работников торговли или при большом везении оказаться в данном месте в данный момент, то есть в тот, когда продавцам необходимо было что-то выбросить в свободную продажу, ибо за ними существовал надзор. А пускать «на сторону» весь товар, был риск спалиться. Престижность профессии ПРОДАВЕЦ достигала огромных высот. Слово «олигарх» ещё не вошло в наш лексикон, но те, кто через пару десятков лет будет именоваться сим гордым званием, уже начали формироваться как «акулы капитализма» под более скромным понятием - «фарцовщики». Народ курил «овальные» сигареты «Прима» за четырнадцать копеек пачка. И «Дымок» за шестнадцать, которые были покруглее. Вероятно, за дизайн стоившие дороже на две копейки. Люди посостоятельнее употребляли «Пегас» и «Яву» в мягкой пачке за тридцать копеек. Совсем богатые - «Яву» в твёрдой за сорок. А достававшиеся по блату «АПОЛЛОН-СОЮЗ» оценивались безумно дорого у спекулянтов - по рублю. Кстати, две копейки тогда были деньгами. Их даже откладывали в отдельный карман, потому что, опустив двушку в телефонный аппарат, можно было один раз позвонить без лимита времени, «... просто так, для общения...». Таксофоны на улице имелись двух видов. Старые, куда двушка проваливалась, и при определённой ловкости её можно было вернуть, резко ударив по рычажку, на который вешалась трубка. А также новые, куда монета вкладывалась и проваливалась в том случае, если на другом конце брали трубку. Такой был более универсальным и мог проглотить две монеты по одной копейке. Умельцы зубными свёрлами от бормашины просверливали в них дырочку и привязывали тонкую леску, за которую можно было вытянуть денежку обратно. Единый проездной на все виды транспорта на месяц стоил шесть рублей (!). А турникеты метро пропускали пассажира за пятак, солидную, большую и тяжёлую монету, которая также ныкалась в отдельный карман на чёрные дни. Кружка пива в «стоячках» наливалась из автомата с народным прозвищем «корова» и стоила двадцать две копейки. Для забористости её «женили» с полтинником водки, доливая втихаря из спрятанной в кармане чекушки. Портвейн «Сахра», «777», «Агдам», жуткое яблочное пойло с символическим названием «Лучистое», которое в народе называли коньяк «Три червя», был

уделом студентов и доминошников во дворе на скамейке. Алкашей по большей части называли бичами (бывший интеллигентный человек). Бомж (без определённого места жительства) не был явлением массовым, ибо противоречил конституции СССР, по которой советский человек просто обязан был иметь прописку и, соответственно, место, где он проживает. Эпоха массового мошенничества и отбора квартир у наивных и зазевавшихся ещё не наступила. В «Продуктах» и «Гастрономах», можете себе представить, не давали разовых пакетов для того, чтобы отнести продукты домой. Во-первых, не так много приходилось носить, во-вторых, основной покупкой было молоко в пирамидальных пакетах-тетраэдрах, а их острые углы могли порвать любой полиэтилен. Что удавалось добыть, транспортировалось в хозяйственных сумках или сетках с этнически креативным названием АВОСЬКА. Маленькие пищевые пакетики без ручек хозяйки стирали и сушили вместе с бельём на верёвке. Что интересно, в магазинах ничего не было, однако люди были прилично одетыми, и холодильники у них не пустовали. В народе ходила шутка про две главные проблемы советских хозяек: где взять продукты и как бы похудеть. Вот такой парадокс развитого социализма, понявшего, что развиваться дальше у него нет ни желания, ни возможностей и пора бы уже на покой. Но он ещё трепыхался, пытаясь оклематься и принять более цивилизованный и прогрессивный вид различными реформными новшествами. Именно тогда возникли термины, ставшие позже международными, ПЕРЕСТРОЙКА и ГЛАСНОСТЬ. Эх, знали бы мы... Но мы не знали, потому и не подстелили не то что соломки... Ведь падать мы не собирались. Мы собирались выходить на свободу. Из-за железных занавесов, Берлинских стен, томов ура-патриотических соцреалистических нетленок, погибающей экономической формации. Слово «демократия» пахло зеленью и первыми весенними цветами, а не воняло гнилой лживостью и банальным разводом. Мы до дыр вчитывались в истрёпанные, засаленные номера журнала «Америка», как в откровения Нострадамуса, ведь мы скоро будем жить точно так же. Точно так же хорошо! Ну... почти так же. Но для этого надо ещё немного поднатужиться, слегка подтянуть пояса и впрячься в работу. Применить смекалку, нашу русскую смекалку, что многие и сделали в своё время, а именно – пошли в бандиты и предприниматели. Подсуетились вовремя с «прихватизацией». Засовывая за батарею отопления свой партбилет, не забыли положить туда же до лучших времён документки из обкома и прочих мест службы. Компромат, списки «хороших» и «нужных» людей. Не все задумывались об олигархическом будущем. Ведь мы стояли на пороге перемен. Мы получали самое ценное, что могло быть на свете, – СВОБОДУ. Ещё даже не представляя себе, что же это за зверь такой. И никому тогда не приходила в голову мысль, что мы просто не знаем, что нам с ней делать. Сие понятие мы представляли себе несколько в другом ракурсе. Но мы знали, что справимся, вернее, думали

так. Трудности нас не пугали. Что могло быть хуже и тяжелее, чем жизнь в условиях тоталитарного общества? Но... всё когда-нибудь случается в первый раз. И нашему поколению несказанно повезло. Такого опыта не имело ни одно в истории. Ведь на долю моего поколения выдалась и хрущёвская оттепель. И брежневские заморозки с гололёдом и очередями. И андроповская изморозь. И горбачёвский ураган межсезонья. И беспредельные ельцинские грозы с градом и очередями девяностых годов, но уже автоматными. И распутье медвепутья. Много было, но главное – относиться к этому с юмором. Вот именно для таких читателей я и написал эту книжку. Не в погоне за званием писателя, как упоминал выше. Надеюсь, она многим напомнит об их молодости или юности. Даже если вы и не рождались в СССР, но вам интересно, как же всё тогда происходило. Как складывалась жизнь ваших старших братьев и отцов. Не в описании официоза и маститых мастеров слова, а изнутри, так сказать, от участников процесса. Кто-то удивится, узнав в ком-либо из героев себя или знакомого. Кто-то скажет, что автор сбрендил и несёт фигню, не достойную благородного общества, ибо такого быть не может, потому что не может быть никогда. Но скажу честно: книга художественная, однако основана на множестве исторических и биографических фактов. Хотя не без сочинительского же вымысла. Смог ли я передать дух того времени? Будем надеяться, что да, хотя каждый решит это для себя сам. В каждом времени есть личностные и специфические нюансы. Возможно, когда-то историки откопают сию нетленку в развалинах цивилизации той, которую знаем мы, для них это может стать интересной справочной литературой. Ну, с богом. Как говорят в Гоа: «Бом!!!»

Креатив наказуем

Да здравствует «Макдоналдс», сеть бесплатных туалетов, благоухающих свежестью... Только запах в зале для приёма пищи надо бы дезодорировать.

Кабинет, который Юрий выделил Илье для работы, находился на самом верхнем этаже. Вернее, это был уже не этаж, а чердак. Стены стояли вертикально только до метра от пола, а далее под углом становились крышей, в которой проделали довольно большие наклонные окна. Они находились по обе стороны ската крыши, поэтому в солнечные дни, редко-редко устанавливающиеся в Москве,

кабинет нагревался, становилось жарко, душно и ужасно светло. Солнце било в глаза, и прятаться от него приходилось, загораживая окно большим, в человеческий рост, плоским клоуном, стыренным как-то ночью от бигмачной – филиала всемирно известной сети столовых «Макдоналдс». Об этой хулиганской выходке даже сообщалось в криминальных хрониках по телевидению: «В районе Северное Бутово совершён акт вандализма, от ресторана «Макдоналдс» ночью украден фанерный символ ресторана быстрого питания – жёлто-красный клоун, так любимый посетителями, которые фотографировались с ним». На самом деле Илья его просто купил у одного из работников. Заведение функционировало круглосуточно, стоящий на улице фанерный истукан заставлял наивных детишек разводить своих родителей на посещение этой забегаловки, что ужасно нервировало Илью. У него тоже подрастал сын, который также западал на беззастенчивые ухищрения рекламного отдела вышеупомянутого предприятия общепита. На ночь клоуна заносили в помещение из-за боязни, что кто-то его испортит. Но никому в голову не пришла мысль, что его могут попросту украсть, причём сами же работники. Илья подъехал в час ночи, договорился с узбеком, убирающим территорию вокруг, дал ему тысячу рублей, и тот не стал заносить истукана в помещение, а засунул его в джип, который Илья предусмотрительно поставил за угол, вне зоны видимости камер наблюдения. Приперев в контору, он довёл «рыжего» до ума: приделал к его улыбке вампирские зубы с подтёками крови и повесил надпись: «Как же я люблю детей!!!». Теперь этот добродушный парень служил ему верой и правдой то в качестве ширмы, то вешалкой для одежды, то доской объявлений и напоминаний, так как к нему можно было прикалывать записки, то укрытием от вялого московского солнца. Кабинетом эту каморку тоже можно было назвать условно. Мансардный этаж считался техническим, там хранили канцтовары, стояли серверы. Сисадмины устроили тут комнату отдыха с курилкой, старыми диванами для общения, стеллажом с посудой, столиком, за которым было удобно пользоваться этой посудой. И большой упаковкой презервативов, так, на всякий случай («...а что, а вдруг...»). Красивым шрифтом на упаковке было выведено сакральное: «Самое лучшее нах...». С телефонной линией и интернетом в кабинете Дабла проблем не было. Кстати, прозвище Дабл досталось Илье от его друга, а ныне ещё и начальника Юрия. По паспорту он был Ильёй Ининым, а дикция представителя осетинского народа, коим являлся господин Юрий Вокакнахов, пробуксовывала, плохо справляясь с таким сочетанием гласных и согласных букв. Вот он и упростил себе задачу, назвав друга простым, но ёмким прозвищем, имея в виду сдвоенные буквы «и». Подобное рабочее место Илью вполне устраивало. Тем более что в обязанности советника председателя правления по креативным вопросам, как он сам обозвал свою должность и даже запечатлел это на визитной карточке, не входило обязательное отсиживание восьмичасового рабочего дня, как то было

заведено у офисных работников. Ему давал задание непосредственно Юрий Валентинович, и, каким образом оно выполнялось, значения не имело, главное, чтобы дело было исполнено. Иногда, когда готовилась большая программа, как то: организация корпоративного празднования Нового года или мальчишник по поводу двадцать третьего февраля, каморка служила «явкой», «штаб-квартирой». Тогда он оставлял в ней для связи кого-нибудь из помощников, обычно молодую девушку, которая сидела на телефоне, отвечала на звонки и записывала поступающую информацию. Впрочем, с развитием мобильной связи в этом не было большой необходимости. По штатному расписанию сотрудники ему не полагались. Но во время подготовки большого проекта оплату ассистента можно было включить в смету мероприятия, дать заработать хорошему человеку, да и лишние руки с ногами не мешают. Особенно если эти ноги были женскими и длинными. Необязательно же лично исполнять курьерскую работу. И бумажки отвезти, и деньги передать директору артиста – всё это можно было поручить помощнику, но Илья предпочитал помощниц. Поэтому в перерывах между большими программами он не так часто появлялся у себя в офисе. Если в нём была нужда, Юрка сам вызывал. А раз в неделю они всё равно общались вне работы. Если погода позволяла, Вокакнахов собирал по выходным друзей на природе возле своего дома в Серебряном Бору. Если не позволяла, то действие перемещалось в баню или ресторан, что находились рядом, на территории пляжа № 2, которым заведовал брат Юрия, Дзамхот. Произносить осетинское имя согласно канонам национального языка русскому человеку было сложно. Посему друзья звали начальника пляжа и всего находящегося на нём просто Джан или Джаник. Во владения Юрия входила даже часть набережной, где он устроил беседку с кострищем посередине и опускающимся сверху на цепях мангалом. Тут же имелись два гидроцикла, небольшая яхта, водные лыжи и другие атрибуты благосостояния современного человека высшей степени успешности.

На календаре тогда случился понедельник, день не самый удачный в понимании русского человека. И абсолютно не предназначенный, по мнению Инина, для посещения офиса. Он принципиально устраивал себе в этот день выходной, считая, что лучше поработать в воскресенье или субботу, чем переться через всю Москву на службу в понедельник. И работалось в этот день хуже, и народ был какой-то злой после выходных, расстроенный преддверием грядущей пятидневной рутины. И дороги по понедельникам были более загруженные. Хотя сейчас в Москве трудно вывести закономерность образования пробок в зависимости от дня недели, ну, разве что летом в вечер пятницы можно с уверенностью утверждать об их наличии. Возможно, эта привычка осталась с тех пор, когда он ездил на дачу к теще. Чтобы миновать пробки, они с женой отправлялись туда вечером в субботу, а возвращались так же вечером в

понедельник. Юрка позвонил вчера и дал распоряжение явиться к десяти часам в офис.

– У меня будет для тебя задание, и надень, что-нибудь приличное, галстук не стоит, он на тебе как седло на корове, а вот пиджачок какой-нибудь обязательно и брюки, а не эти твои галифе панковские. Будет совещание, и сам ПЕРВЫЙ нас посетит.

Первым в конторе называли Алахвердова. Если Юрий Валентинович в народе звался бог, то Алахвердова воспринимали как полного абсолюта. Конечно, это была не самая корректная шутка, но для тысяч сотрудников компании это даже шуткой не выглядело. Вот такой «звериный лик» капитализма властвовал в конторе, при этом люди были до соплей рады трудиться здесь благодаря зарплатам и престижности.

Илья приехал заранее, чётко соблюдая озвученный дресс-код, поднялся в свой «скворечник» под крышей, чтобы оставить там верхнюю одежду и взять для солидности блокнот с ручкой, как требовал этикет от собравшегося на совещание сотрудника. Время позволяло поковыряться в бумажках, приколотых к Василию, как звали в народе его фанерного клоуна, чтобы освежить в памяти список намеченных дел, покурить и даже закинуться булочкой с чаем.

Позавтракать он не успел, торопясь на «клизмацию», как опять же в народе назывались совещания у начальства, происходящие каждый понедельник. Слава богу, Илью это не касалось непосредственно, а лишь только когда его на них вызывали. Тем более что он представлял себе, о чём пойдёт речь у начальства – о проведении новогоднего вечера, а подготовка его ещё не началась, следовательно, провиниться он пока не успел по-любасу. В остальном же все прочие задания были исполнены, и Инин чувствовал себя в безмятежной безопасности по части начальского гнева. Рекламный билборд он разработал ещё неделю назад, причём в течение пятнадцати минут, такое вдохновение его обуяло. Плакат вышел не просто замечательный, Илья им очень гордился и считал вершиной своего творчества, если таковым можно считать придумку рекламной заманухи для страховой конторы, в которой он трудился. Основной деятельностью «Ониойла», одной из крупнейших в мире нефтяной компании, как и отражалось в названии, считалась добыча и последующие манипуляции с нефтью. Дело это было, естественно, хлопотное, нервное и до недавнего времени смертельно опасное. В разухабистые девяностые, времена малиновых пиджаков и килограммовых мобильных, полегло немало народа, пытавшегося приобщиться к разделу некогда народного достояния, добываемого из недр страны. Бестормозной российский юмор даже утверждал, что человек в нефтяном бизнесе, разменявший четвёртый десяток лет, точно может считаться

долгожителем. А большой бизнес, большие деньги должны быть под бдительным присмотром. Ими надо управлять и заботиться о них, тем более что чаяния эти очень неплохо вознаграждались со всеми вытекающими... Этим и занимался Юрий Валентинович Вокакнахов, возглавляя экономические службы «Онионефти» под названием инвестиционно-финансовый дом (ИФД) «Состояние», в народной терминологии – «прачечная», «постирочная» или «отмывочная» нефтяного бабла. В него входили управляющая компания, пенсионный фонд, страховая компания и ещё с десятков обслуживающих основной бизнес служб. Вот для страховой компании Илья и делал рекламный продукт, призванный зазывать простого смертного чего-нибудь застраховать в этом заведении, а не в каком-либо другом. Компания купила телефонные номера, начинающиеся на пять семёрок, а последние две цифры были ноль один, ноль два и ноль три. Соответственно, желающий застраховать своё недвижимое имущество мог позвонить по телефону, оканчивающемуся на ноль один по ассоциации с пожарной службой. Страхование автотранспорта отдали ноль два. А медицинское удовлетворилось телефоном, оканчивающимся на ноль три. Подобную ностальгическую мультку и требовалось отобразить в рекламном плакате. Но не так, по тупому и без фантазии, как это выглядело сейчас, а доходчиво, с интригой, и чтобы от звонков отбоя не было, как обозначил в задании Юра. Инин впрягся в дело с воодушевлением, его первый раз допустили до серьёзной рекламной работы, и отнёсся он к ней с творческим энтузиазмом и вдохновением. За пятнадцать минут курения у себя в «скворечнике» он наваял в компьютере несколько вариантов, но все они казались ему неинтересными, пресными и примитивными. И вдруг его как осенило, он закрыл глаза и чётко увидел плод своих душевных терзаний в готовом виде. Картинка была такой ясной, как будто ему показали фотографию. По дороге на работу он постоянно обращал внимание на встречающиеся билборды и перетяжки рекламного содержания, а уж относящиеся к его родной конторе знал наизусть. Как только Третье транспортное кольцо (ТТК) пересекало Кутузовский проспект и Москву-реку, если ехать с юга, по внутренней стороне, слева над железнодорожными путями и промзоной, на стене дома как раз красовался один такой. И вместо обычного, серого и безвкусного в фантазии его ясновидения висел тот, который родило сознание. На белом фоне были графически один под другим изображены пожарный с брандспойтом, милиционер с полосатой палкой и скорая помощь с мультяшным доктором рядом. Перед ними стояли цифры ноль один, ноль два и ноль три соответственно. От крупно написанных пяти семёрок под углом к ним вели стрелочки, чтобы было понятно: это телефонные номера. Крупно под логотипом компании красовалась надпись: «ЛУЧШЕ ДЛИННЫЙ И СЕГОДНЯ, ЧЕМ КОРОТКИЙ И ПОТОМ...». Илья воспринял видение как знамение, тут же изобразил всё это графически в компе и переслал на адрес Вокакнахову. С тех

пор прошла уже неделя, рекламные щиты были изготовлены специально обученными людьми и водружены на места их постоянной дислокации. Илья сегодня убедился в этом по дороге на работу и был весьма горд своим произведением. Ещё до выходных ему рассказывали, что количество звонков увеличилось в разы, а судя по тому, с каким настроением звонили люди, его креатив не только работал, но и вызывал у населения неподдельный интерес к столь необычно поданному продукту, которым барыжила контора, выплачивающая ему заработную плату. Это воодушевляло.

Дохлёбывая крепкий чай вприкурку с сигаретой, он глянул на часы в мобильном телефоне и засобирался вниз, на третий этаж, где находился конференц-зал. На лестничной площадке между третьим и четвёртым этажом стояли руководители департаментов и отделов, в чьи обязанности входило присутствие на ежепонедельничных пятиминутках. Некоторые сосредоточенно курили, прокручивая в голове предстоящие вопросы-ответы, некоторые разговаривали между собой и пытались шутить, брызгая в рот жидкость для освежения дыхания и вспоминая выходные. Народу было много, над лестничными пролётами стоял монотонный гул. Илью встречали улыбками, люди относились к нему с симпатией. Да и за что было его не любить? Вдруг гул прекратился, непринуждённо-напряжённое общение перешло в гнетущую тишину, лица окружающих окаменели. Это могло означать только одно – в подъезд вошёл ПЕРВЫЙ. То ли с КПП предупредили о его появлении, то ли народ почувствовал энергетику приближающегося хозяина, но лица у всех стали каменными и бледноватыми. С улицы появились два телохранителя необъятных размеров в одинаковых пиджаках, сшитых по заказу, и маленький человек между ними с жёстким и колючим взглядом.

- Где Вокакнахов?

Это был первый признак плохого настроения и крайней степени раздражения босса, когда он называл Юрия по фамилии. Обычно он упоминал его имя, на крайняк вместе с отчеством, ибо не у всех получалось с первого раза произнести мудрёную кавказскую фамилию.

- Он сам видел свою рекламу? Кто завесил город этой порнографией, кто автор? Позовите мне этого клоуна сюда, я хочу на него посмотреть, в глаза ему посмотреть.

Из дверей зала показался Юрий Валентинович, лицо его было серьёзным, но глаза, как всегда, с затаённой иронией.

- Здравствуйте, - произнёс он совершенно спокойно. - Все уже собрались.

– Собрались!.. Какой мудака у тебя наружкой занимается, вы чего, куклами резиновыми торгуете или фаллоимитаторами? Это что за секс-шоп? «Лучше длинный и сегодня...» – на всю Москву, на всю страну, чёрт побери... Мы серьёзная организация, мы основа экономической безопасности России, а ты мне херами весь город разукрасил... Ты в своём уме?

– А по-моему, удачно получилось, продажи за неделю на двадцать семь процентов поднялись.

– Да насрать мне на твои продажи... Мне что, с тебя деньги нужны? Ты здесь для чего поставлен, зарабатывать, что ли? У тебя какие задачи? Деньги мои считать, мне прибыль от тебя не требуется, мы нефтяные деньги не знаем куда девать! Я еду в одной машине с президентом, мы решаем серьёзные задачи, и тут ему на глаза попадается это позорище, он аж... Минуту смеялся, сначала опешил, потом смеяться начал. А ты видел его когда-нибудь смеющимся? Не улыбающимся, а именно смеющимся, громко-громко, до слёз? И я первый раз. Лучше бы я этого не видел, не к добру это, смеющийся президент. Ты что, в гроб меня загнать решил?

Юрий, не мигая, выдержал вопросительный взгляд Алахвердова.

– Мы отлаживаем работу страховой компании, завоёвываем рынок, пока всё получается, и я не увидел в этом рекламном ходе никаких подвохов. Но если вы считаете такой ход неприемлемым, то я немедленно дам распоряжение всё исправить. Но повторяю: я не вижу в этой рекламе ничего некорректного.

– Не видит он... Кто автор? – сказал босс уже более спокойно, видимо, ему необходимо было вылить на кого-нибудь накопившийся негатив, или это просто у него был такой стиль общения по понедельникам, чтобы «карась в пруду не скучал». – Покажи-ка мне этого эротомана.

– Да вот он, Илья Инин, вы, кстати, хвалили его за прошлый новогодний вечер.

– Ах, вот ты какой, северный олень, – произнёс олигарх. – Ну, спасибо, удружил. Значит, так, больше к рекламной работе ни ногой, ни рукой. Пусть свои капустники устраивает. Скоморохи, они в самодеятельности хороши, а имидж бюджетобразующей компании страны – дело государственное и политическое. А что это за вид такой у сотрудника? Почему не в костюме на рабочем месте? И тут самодеятельность? Распустились. Ещё раз увижу на рабочем месте в таком виде... это будет последняя минута вашего пребывания в компании... Всех касается. – И Алахвердов пошёл в зал, сделав останавливающий жест монолитным секьюрити. Юрий повернулся к Илье.

– А ты на сегодня свободен, как видишь. Надеюсь, что только на сегодня, ещё ничего не закончено, но раз сказал «Занимайся самодеятельностью», значит, непохоже, что прикажет уволить. Молись, а я буду помалкивать. Не зря ты предлагал поставить у входа в зал бочку с вазелином, чтобы всяк сюда входящий задницу мазал. Накаркал ты, брат, на свою голову... или жопу. – Он призывающе махнул съёжившемуся невдалеке Сергееву. – Андрипуля, срочно звони, чтобы демонтировали его шедевры, мухой давай. Новый текст возьми в рекламном отделе, они там какую-то писульку готовили, только мне сначала покажи, я утверждать буду.

Илья поднялся к себе. Странно, но ему не было даже обидно. Конечно, жалко загубленную идею, но «жираф большой, ему виднее», да и кого они этим обделили? Его, что ли? Пусть им хуже будет, раз не врубаются. И не надо пугать своей франшизой, у нас на каждый лизинг свой факторинг найдётся! А мы своё стырим на корпоративчиках. От них-то не отлучили. Да и куда они денутся, в слишком интимные вещи надо быть посвящённым. Такое количество личной информации об элите нефтяного бизнеса России, их вкусах и пристрастиях, ориентации, новому, непроверенному человеку так, с кондачка, не доверишь. А он, Илья, уже давно «в материале» и по поводу сексуальных предпочтений в том числе. Сегодня вряд ли уже получится разговор с Юркой, да и лучше не появляться никому на глаза. Недаром в народе понедельник не любят... А, пошли они все в жопу, расстраиваться по этому поводу. И вообще, бросить всё и уехать в Урюпинск или лучше на Гоа? Нет, заколбасим Новый год, бабок срубим, тогда и посмотрим. Раз на сегодня свободен, так фиг ли он тут делает? А не ломануться ли в поисках приключений, раз поработать не довелось? Илья залез в записную книжку мобильного, где у него на букву «ф» были занесены телефонные номера девчонок, зарабатывающих себе на жизнь, если выразиться протокольным языком представителей правоохранительных органов, «торговлей собственным телом». Выбор этой буквы в телефонной книжке объяснялся очень просто: на сленге мужского населения страны, пользующегося этим видом платной услуги, проститутки назывались феями.

Демократия не отменяет контроль, особенно направленный на повышение уровня жизни члена общества. Важен научный подход, а у них даже статистические данные по количеству оргазмов на душу населения отсутствуют.

Фиг знает откуда

Он располагал целым каталогом тружениц интимного фронта, так как в его обязанности входило обеспечение корпоративных мероприятий подобным боевым контингентом. На каждую вечеринку девчонки набирались

соответственно уровню гостей. Если это были работники попроще, среднее техническое или менеджерское звено, так они вообще оставались без спецобслуживания. Начальникам отделов приглашались подружки по одной цене. Управляющим департаментов – из другой ценовой категории. Совету директоров – уровнем ещё выше. Ну а буграм, «большим пацанам» и учредителям – модели из рекламных агентств по категории VIP или, как они звались в народе, выпи или мандели с ценником за час, превышающим минимальный прожиточный уровень москвича. Модельных агентств с таким параллельным направлением приработка по Москве насчитывалось немало. Но Илья старался не расплытаться и сотрудничал только с одним под названием «Звёзды». Обращаться в разные смысла не имело, ибо все по большому счёту пользовались примерно одной базой данных девушек. С хозяйкой «Звёзд», Светланой, у него сложились весьма трогательные отношения. Это была очень ухоженная дама слегка за сорок с потрясной фигурой, от которой просто веяло сексом. Илья просматривал анкеты, изучал фотографии, отбирал предварительно кандидаток. Потом назначался день просмотра. На кастинг приглашались заказчики, конкретные конечные пользователи. Те определялись со своим выбором, и тогда утверждался список. Количество девушек всегда рассчитывалось по схеме: на каждого гостя по одной выбранной им плюс две запасных на форс-мажорный случай. Резервистки получали оговоренные заранее деньги независимо от своего трудового вклада, то есть задействования в проекте. Коэффициент трудового участия (КТУ) в данном случае не учитывался. Их роль обсуждалась заранее, в качестве запасного игрока они могли быть привлечены как дополнительные силы на случай, если кто-то из спецконтингента приболеет или гостю захочется дополнительного обслуживания двумя и более представительницами этой исторической профессии. С девушек собирались документы, если необходимо было оформлять визы для выезда контингента за границу. Или назначался день и час сбора, если само действие происходило в Москве или поблизости. Но бывало несколько раз, когда неудовлетворённые выбором заказчики интересовались у Ильи, а нельзя ли пригласить ту блондинку по имени Света вместо девушек из списка с анкетами? Это был очень тесный мир. Девушки из таких агентств занимались не только проституцией, но и впрямь снимались для обложек журналов, в эротических календарях, рекламировали одежду на показах. Так сказать, исполняли и официально обозначенные в названии обязанности агентств. Но естественно, основные заработки таких контор складывались из заказов девушек в качестве работников сексуального фронта. Каталог Инина составлялся весьма подробно, с фотографиями, ТТХ (тактико-техническими характеристиками): рост, вес, размер груди, перечисление услуг, оказываемых клиенту, вплоть до того, что в презервативе или без одного исполняется минет,

дополнительные опции типа анального секса, владения straponом, садомазо-обслуживания потребителя. Но анкетами он пользовался лишь при подборе девушек на вечеринки. В записную книгу заносились те, кто понравились ему самому и с кем у него сложились не только служебные взаимоотношения. Как говорится, «трохе для сэбэ». Он не любил слово «проститутка». Как, впрочем, и «фея». И называл их просто «девчонками». Илья не считал вышеозначенную профессию чем-то ужасным или постыдным, все зарабатывают на жизнь как могут. У этих женщин сложилось так. А кто нынче не проститутка? Все мы чем-то торгуем, продаём свои способности, возможности, талант. Так почему не сдавать в аренду тело? Чем оно лучше мозгов, физической силы или совести? Всё дело в моральных устоях, привнесённых в мозги человеческие, а иногда торговать пиписькой гораздо честнее. Конечно, в любой работе встречаются мастера, а есть халтурщики. Девки по разным причинам приходят в этот бизнес. Кто-то по зову природы... «А за это ещё и деньги платят». Кто-то по нужде и от безысходности. Есть элита и просто опустившиеся личности. Есть нимфоманки, люди, любящие это дело и отдающиеся ему, зарабатывающие нормальные деньги на содержание себя, своих семей. А есть те, которые думают, что если ничего не умеешь, так можно пойти на МКАД и там в карманах для отстоя фур промышлять минетом по пятьсот рублей, чтобы «набомбить» на дозу или бутылку. Так что Илья относился к «профессиональным» девчонкам с уважением, а некоторых даже по-своему любил и иногда обращался к ним «по личным вопросам». Вообще-то, в таких щепетильных делах, как сексуальная удовлетворённость, лучше иметь дело с профессионалом. Хотя... на вкус и цвет не всё минет. Слово «ПРОФЕССИОНАЛИЗМ» Инин тоже не любил, оно всегда ассоциировалось у него или с хоккеем-футболом, или с киллерами, или как раз с проституцией. Ему казалось, если человек что-то сделал своей профессией и ушёл в это дело с головой, упёрся в него, то он обделяет самого себя. Ограничивает своё развитие дальше, оттачивает профессионализм, копая «от забора и до обеда». Наверное, многим это нравится, это почётно и уважаемо, и слава богу, но лично для себя он такого не пожелает. Ведь в мире столько всего интересного. Наверное, поэтому и в жизни у него так складывалось, что, затеяв какое-то дело, как сейчас говорят, проект, он запускал его, отлаживал. А когда тот начинал работать и жить своей жизнью, то становился ему скучен и тяготил. Илья с лёгкостью бросал его и увлекался чем-нибудь другим, новым. С точки зрения карьеры и «перспектив обогащения» это было неправильно и глупо. Но что он мог с собой поделать, жизнь почему-то всегда выставляла ему обстоятельства, когда он поступал именно так. Так он бросил свой собственный бизнес, пять лет строившийся с нуля. Влезал в сложившийся рынок продавцов ингредиентов для пищевой промышленности. А когда его фирма отвоевала свой сегментик в этом тесном и душном круге и стала известной среди изготовителей

колбасы и других как бы мясных продуктов, ему всё это стало скучно и в падлу.

Не имей сто друзей, они потом соберутся и тебя отымеют.

Народная мудрость

Контора поработала ещё какое-то время по инерции и начала загибаться. У неё накопились долги, и компаньон выставил ему условия – кто-то один должен остаться, взяв на себя все обязательства по кредитам, а другой – освободить его от совладения бизнесом. Первым порывом Илья обиделся и начал искать пути выхода из этого положения таким образом, чтобы не остаться внакладе. Вытащить из фирмы свои деньги, коих он туда вложил немало, ибо всегда отдавался делу целиком и полностью. Он воспринимал свою контору как семью, детище и часть проживаемой ныне жизни. В трудные для фирмы времена он выплачивал сотрудникам обещанную зарплату, беря из кассы на свои нужды лишь прожиточный минимум и деньги на бензин. Тем более ему было обидно, что его компаньон по бизнесу занимался совместной фирмой «левой ногой». Сергей являлся замдиректора по логистике в известной крупной конторе, барыжащей «ножками Буша». Ни времени, ни задницы его на «два стула» не хватало. Поэтому он появлялся на совместном с Ильёй предприятии редко. А занимался только организацией и логистикой поставок грузов. Никаких других обязанностей на его плечи Илья взвалить не мог. Да и не видел он в этом большого смысла и нужды. Того, что Серёга делал, было достаточно, весьма полезно и выгодно. Ибо вся эта логистика под шумок переключивалась на плечи сотрудников основного места работы Сергея Геранского, его подчинённых. Иной раз их совместная фирма «Вегетон» вообще ничего не платила за доставку контейнеров с продукцией. Так как грузились они на зафрахтованный работодателем Сергея корабль. Подобная халява оправдывала все пофигистские настроения компаньона и его редкие появления в совместном офисе. Но когда речь заходит о разделе имущества, человек раскрывается в разных ракурсах. Некоторые из них со стороны выглядят неприятно. А некоторые просто отвратительно. Не миновала сия чаша и наших партнёров. Они так переругались и рассорились на почве спасения хотя бы каких-нибудь активов, что доходило до угроз и обращений к «крышам». Сейчас, вспоминая то время, Илья радовался, что все остались живы и не дошло до серьёзных разборок. Есть Бог на свете! Испытывает он нас! И наблюдает сверху (хотя почему только сверху?), проходим мы его испытания или остаёмся прежними балбесами. А потом ещё и выводы делает, как же нас после этого применить в его божественных планах. И надобно ли это вообще? Вовремя «взяв голову в руки», они оба с Сергеем подумали, решили разойтись с миром и без членовредительства для всех заинтересованных сторон. Илья покинул список учредителей, передав свою

долю в «Вегетоне» Геранскому. А тот взял на себя все долговые обязательства компании. С небольшой уступкой со стороны Инина о том, что из суммы долга будут вычтены деньги, перечисленные Юрием Вокакнаховым фирме в качестве дружеского вспоможения на развитие. Деньги эти в понимании нормального, не обременённого олигархическими запросами человека были немалые. Они составляли пятьдесят тысяч очокурившихся американских президентов.

Брутальность его в сексе заключалась в том, что он никогда не мылся перед ним.

Шутка

Но для Юрки они не имели принципиального значения. Ибо по подсчётам специально обученного человека, который вёл финансовые дела «большого пацана», его зарплата только в «Ониойле» составляла два миллиона «гринофантиков» в год. К этому стоило добавить бонусы, премии за заключение контрактов, годовые, проценты с этих контрактов и ещё заработки на частных проектах и частных бизнесах. Короче, если скрупулёзно посчитать количество рабочих дней в году, помножить их на восемь часов, положенных по КЗОТу, Вокакнахов «зарабатывал» в час десять тысяч уёв американского замеса. Много это или мало, судить было не Инину, хотя его сие коснулось непосредственно, так как долг в «полтишок» следовало бы отдать... когда-нибудь... потом... если захочет. Но нормальному человеку подобные цифры вряд ли говорят что-то конкретное. Для среднестатистических граждан страны, живущих от зарплаты до получки и наоборот, такие деньги не отождествляются с реальностью. Человеку, мечтающему о новом авто или запланировавшему ремонт в квартире и берущему кредит на недостающую сумму, совершенно монопенисуально, чи мильён, чи миллиард, чи сто тыщ получает кто-то там за час, за день или за большой промежуток времени. Один хрен деньги фантастические и нереальные. Ясное дело, что обладатели подобных заработков на нормальных людей (а самих их считать нормальными довольно затруднительно) смотрят с неким непониманием. И это образно сказано, они их считают не совсем чтобы людьми, скорее, воспринимают как рабочий материал, инструмент, которым можно зарабатывать деньги. И даже если жизнь их в новом качестве сложилась не так давно, а в России всё происходит быстро и спонтанно, вернее, происходило, на данном этапе всё уже поделено и распределено, остальное население не воспринимается ими как люди. Хотя многие из них не так давно дорвались до денег, считай, власти и, казалось бы, должны помнить о своей комсомольско-фарцовой молодости и гастритном студенчестве. Но деньги – страшная вещь, их

сила бездушна и делает из людей порой совершенно не гуманитарных существ. Юрка не был исключением. Как и всех богатых пацанов, на головы которых свалилось сказочное богатство, его периодически колбасило в разных направлениях и плющило во всех плоскостях. Он являлся человеком, который ещё в детстве определил себе, что он будет БОГАТЫМ! Трудно сказать, как он себе всё это представлял, рождаясь на свет в горной деревне в Южной Осетии, в СССР в середине шестидесятых годов прошлого столетия. Имея в родителях маму – преподавателя школы и папу – директора этого же учебного заведения. Посему можно было семью Вокакнаховых назвать деревенской интеллигенцией, интеллектуальной элитой в ауле районного масштаба, на три месяца в году отрезанного от «большой земли» снежными заносами на перевале. Когда представитель гордого кавказского народа спустился с гор в Москву, чтобы поступить в Бауманку, он очень плохо говорил по-русски, хотя и окончил школу с золотой медалью. Чему, в общем-то, имелось вполне логичное объяснение, если учесть род деятельности родителей и должности, ими занимаемые. В СССР были квоты практически на всё. В том числе и на количество медалистов, а также абитуриентов из национальных меньшинств, принимаемых в престижные московские вузы. Это сейчас его фотография красуется на стенде почёта академии имени Баумана как выпускника, внёсшего чего-то там во что-то такое. На самом деле он действительно вносил туда немало хорошего. Но по большей части это были деньги. Вокакнахов являлся одним из главных спонсоров академии. И как сам он называл свою меценатскую деятельность, внёс непомерный вклад в фонд повышения благосостояния преподавательского состава своего бывшего и любимого вуза. Так что в те застойные времена было не столь важно умение изящно изъясняться на русской мове представителям национальных меньшинств при поступлении в высшее учебное заведение. Особенно если выпускник имел в аттестате одни пятёрки. Даже если аттестат сей был выдан в школе горного аула непосредственным родителем абитуриента. Наоборот, при всех равных у представителя плохо говорящего на русском языке народа было преимущество перед носителем титульного языка страны. Впоследствии Юрку метало в разные стороны. Пока не наступила на просторах Евразии «Великая эпоха РАЗВОЖДЕНИЯ». Первые большие деньги, как и многим в подобной ситуации, «снесли ему крышку». Это было ещё в самом начале девяностых. Он купил квартиру на Таганке, машину себе и своему брату. Но больше всего возросшее благосостояние «вскрыло» его жену. Позже, уже в наше, недавнее время, близкие друзья, вспоминая те годы, прикалывались над Аллой, цитируя её бессмертные слова по поводу того, как Юрин брат выпросил на субботу их машину: «...и ты представляешь, мы всей семьёй поехали в Лыткарино купаться на карьеры, как простые инженеры, на такси!» Заметьте, то была середина девяностых, подобная социальная прослойка – инженер –

самоликвидировалась и извелась как класс. У нас была свобода, народ побросал свою государственную службу, ибо оплатой её нельзя было прокормиться даже собаке, не говоря уже о семействе человека. Страна была развалена, промышленность умирала, её агонизирующий полутруп планомерно добивали спонсоры с Запада и внутренние «засланцы». Всё, что возможно было продать за границу, туда же и перемещалось. Поколение постарше помнит всеобщую озабоченность, когда по крупным городам России носились взмыленные «новые русские» и продавали друг другу то красную ртуть, то соли кадмия, то противогазы ПГ-7В и многое другое, не менее таинственное и более сказочное. Продавали, как сейчас сказали бы, виртуально. Вживую никто ничего этого не видел и руками не трогал. Зато все продавцы уверяли, в том числе и себя самих, насколько это ликвидный товар и как удачно его можно продать «в заграницы». Люди с серьёзным видом изучали стопки плохо различимых из-за многократного ксерокопирования пачек документов, удостоверяющих наличие товара где-то на складах в Вене или Амстердаме. Подписывали десятками соглашения о вознаграждениях за посредничество в продаже. Известный сатирик даже написал сценку из жизни, как делался бизнес в те времена. Встречаются два бизнесмена, один предлагает другому прикупить у него вагон колготок, другой отказывается, но соглашается на бартер – сменять на колготки вагон мочевины. Бьют по рукам и расходятся, один думать, где достать колготки, другой, в поисках мочевины. Ах, это сладкое слово «бартер», как много чаяний отзывалось в слиянии этих простых букв в столь замысловатое, штампованное, импортное слово, суть которого выражалась русским языком так: бабок нет, давай меняться. Доходило до абсурда, это бодренькое словечко давалось домашним питомцам в качестве имени. Хорошо, что никто не догадался присвоить его человеческому детёнышу. Сейчас представители того поколения с подобными именами были бы нарасхват у дирекций трейдовых компаний. Умелый пиар-менеджер мог бы очень выгодно использовать такого сотрудника в популяризации своей компании и её деятельности. У директора кинотеатра «Спутник», что находится недалеко от шоссе Энтузиастов, на столе, наверное, до сих пор в качестве груза, чтобы сквозняком не сдувало бумаги, лежит килограммовая болванка алюминия высочайшей чистоты. Некогда дальний родственник Вокакнахова украл его с завода в Таджикистане, вернее, вовремя вывез под шумок гражданской войны, чтобы не пропало. И прислал в Москву сделать маленький гешефт. Алюминий имел маркировку АААА, что обозначало его наивысшую чистоту. Стоимость одного килограмма котировалась в коридоре от тысячи долларов до полутора. Одна беда, продать его было нереально, так как годовая потребность в металле подобной чистоты в мире составляла около двухсот килограмм. А у Юрки в подвале лежала почти тонна, способная обеспечить всю мировую электронную промышленность на годы вперёд. На

бумаге счастливый обладатель таджикского алюминия был уже миллионером. Однако покупатели почему-то не выстраивались в очередь за такой ценностью, продаваемой даже за полцены. И тут спустя время сработал принцип Провидения или фатальной неотвратимости. Коли определено человеку что-либо на его жизненном пути, то обязательно случится. А человек своими действиями и помыслами может лишь приблизить или отдалить руку Провидения. Все мы движемся по Коридору Жизни в едином направлении, от Рождения к Смерти. И то и другое – самые естественные вещи на Земле. И всё, чему положено произойти в Жизни Человека, всё и произойдет. Вот только идти по тому коридору можно разными путями, в этом Человек хозяин своей Жизни. Можно бежать по нему, а можно ползти. Можно метаться из стороны в сторону, ломаясь в различные попадающиеся двери, а можно чётко следовать к той единственной, к которой у тебя имеется ключ. Можно передвигаться короткими перебежками, зигзагом и пригибаясь в укрытиях, а можно идти во весь рост к намеченной цели, зная, что дойдёшь до неё в конце концов, невзирая ни на что. Даже не представляя порой, в чём же заключается эта цель. Что из этого правильно, и как Человеку действовать, каждый решает для себя сам и действует в меру осознанности и присущих ему качеств. Как говаривали ранее, в меру своей образованности и испорченности. А о совершенных ошибках и их последствиях, как правило, люди узнают уже слишком поздно. В этом и заключается разница между глупыми, умными, талантами и гениями. В степени осознания и понимания правильности своего пути и возможности изменения направления в случае ошибочного курса. Эх, если бы все хотя бы врубались и правильно оценили ошибочность или верность проживаемой ими Жизни, тогда бы на Земле наступил Рай.

Когда Юрий уже отчаялся, тут и вступил в действие принцип Провидения.

Первый шаг в Юриной «задумке по жизни» стать сказочно богатым человеком напрямую был связан с краденым таджикским алюминием. Нет, он не смог его продать, он поступил гораздо креативней! В те годы народ изгалялся в бизнесово-творческих порывах, как только мог. Государство вводило законы и различные правовые акты. Но «на ракеты и антиракеты антиантиракеты летят...». Русская, вернее, постсоветская смекалка изобрела простой и, казалось бы, лежащий на поверхности метод заработка – невозвратный кредит. Лучше всего такие схемы работали с государственными банками и кредитными организациями. Ибо старый советский принцип «всё вокруг народное, значит, ничьё» вполне сочетался с простым человеческим желанием хапнуть денег, да ещё так, чтобы совесть, у кого она пока противилась коммерческой беспринципности, чувствовала себя спокойно. Не у человека же крадёшь, а у государства, а оно нам по жизни должно, ибо... сами себе разъясните почему.

Находился в банке человек, или он сам находил заинтересованных, оформлял кредит на «левую» фирму или контору-однодневку. Изначально никто не собирался возвращать сей кредит. Но чтобы всё выглядело как можно более законно и не вызывало подозрений, в обеспечение денег вносился залог, якобы покрывающий ссуду в случае её невозврата. Банковскому работнику «отчинялся откат», «бабло дербанилось» между участниками ко всеобщему удовольствию. В Юриной ситуации документы, подтверждающие стоимость партии алюминия, были весьма солидны и красноречиво правдивые. А ящики с отливками можно было потрогать руками и спокойно сдать на ответственное хранение в закрома банка. Так Вокакнахов заработал свой первый миллион долларов. И пошло-поехало. Свалившиеся с неба деньги он удачно прокрутил, заработав различными методами ещё большие деньги. Его брат Джан, также выпускник Бауманки, видимо, по примеру брата тоже не пошёл в инженеры по её окончании, а завёл несколько коммерческих ларьков на задах ЦУМа. Ларьки располагались прямо напротив первого в Москве магазина настоящих американских джинсов фирмы «Super Rifle». Чтобы купить там штаны, как говорили когда-то, наиболее вероятного противника, люди ехали из других городов России и бывшего СССР. Необходимо было занять очередь рано утром, приехав на Кузнецкий мост с первой электричкой метро. Вероятность, что ты станешь счастливым обладателем синих вытирающихся трузеров, была далеко не стопроцентная. Ведь и продавцы, и дирекция магазина являлись людьми, нормальными, только что бывшими советскими, простыми людьми, жаждущими жить не хуже, чем производители одежды заморских пастухов. А как можно было заработать денег, имея лишь оклад и смешные премиальные? Естественно, пустив товар налево, вернее, прямо, то есть прямо через дорогу, отдав на реализацию в «кооперативный ларёк». А коммерсы, или барыги, или «новые русские» независимо от национальности могли барыжить их по любой так называемой «коммерческой цене». Что они и делали в тридцати метрах от грустящей очереди, ведущей в буржуазный магазин. Но только за совсем другие деньги. Братья Вокакнаховы вели рядом с ЦУМом совершенно легальный, узаконенный бизнес. Ну, вернее, узаконенный и почти легальный. Совершенно легального в России девяностых годов не было ничего! А чем больше обходных путей и тропок вокруг законов использовали коммерсы, тем активнее им приходилось охранять его. Как только у кого-то заводились некие деньги, отличающиеся по количеству от общепринятых зарплат, сразу находились желающие поделить эти деньги по некой ими определяемой справедливости. Ведь каждый здравомыслящий понимал, что честным путём заработать большие деньги невозможно, значит, обладателю их есть что скрывать от закона. Следовательно, ему дешевле будет поделиться, чем подпадать под статью или пулю. В компанию желающих поделиться с новыми нуворишами их деньгами

входило очень много товарищей. Начиная от министра экономики, произнесшего бессмертное «Делиться надо», ментов, серьёзных бандитов, гопоты, почуявшей беспредел, местных рэкетиров и заезжих гастролёров. Барыга независимо от его благосостояния и размеров бизнеса обязан был вставать под какую-нибудь крышу, если свой бизнес не избран им в качестве метода самоубийства. Мало кто ухитрялся избежать визита представителя какой-нибудь группировки с вопросом: «Под кем работаете...». И братья не были исключением. Если бы большое торговое предприятие в самом центре Москвы не имело солидного прикрытия, рассказ этот можно было бы не продолжать просто за отсутствием предмета разговора. Для иллюстрации обстановки тех лет следует привести нашумевший пример, некогда вызвавший и смех, и слёзы. Представляете, каково было обеспечение наших доблестных правоохранительных органов? На неделю патрульному газику заливали пятнадцать литров бензина. Машина в рабочем состоянии оставалась одна на всё центральное отделение милиции. У второй были сломаны все четыре скорости, позволяющие двигаться автомобилю вперёд. Работала только задняя... А тут вызов. Ехать-то надо. Наряд из четырёх бравых милиционеров прыгает в «бобик» и начинает объяснять водителю, который и так уже свернул себе шею на сто восемьдесят градусов, как ему сподручнее маневрировать при движении задним ходом. Дело как раз происходило в районе Кузнецкого моста... днём... Хорошо, что погоня не понадобилась.

В крышевики уходило огромное количество правоохранителей, ибо развал системы дошёл до того, что зарплату их на государственной службе правильнее было бы назвать пособием, чтобы с голоду не умирали, нежели вознаграждением за работу. Уходя в бандиты, они пользовались моментом, когда можно было срубить «реальные бабки», не предпринимая активных телодвижений. Они имели хорошие связи по обе стороны баррикад, то есть закона. А профессиональный опыт общения с криминалом атрофировал у них многие человеческие чувства и эмоции. Это был свой довольно примитивный, но овеянный романтикой мир. Это были герои своего времени, отображённые в километрах киноплёнки и попсово-коммерческом творчестве. От эпических сериалов вроде «Бригады» до сопливых песенок типа «...мама, я бандита полюбила...» в исполнении девичьих эстрадных групп. Иной раз бандиты с погонами были гораздо серьёзнее и жёстче пацанов без них. Имея в семейном бизнесе такую замечательную сеть сбыта практически любого легального товара, было бы глупо не пользоваться ей. А при наличии довольно солидных по тем временам оборотных средств, неожиданно приплывших в руки благодаря предприимчивому родственнику из Таджикистана, сеть эту можно было неплохо наполнить товаром. К тому же родственник затерялся позже в перипетиях гражданской войны на своей родине, чем и освободил Юрия от такой неприятности, как возврат денег. Что бы ни делалось, как говорится, а кому

война и «мать родна»... если дожить до её окончания. Так и пошло развитие бизнеса у братьев Вокакнаховых. Следующим достижением его была удачная операция по взиманию с должника вагона дефицитнейшего в те времена товара – видеокассет, также реализованного через коммерческие ларьки. Но Юрию этого было мало. Он видел себя не ларёчным кавказским торгашом, а солидным бизнесменом, стоящим у руля большого бизнеса государственного значения. Надо было с чего-то начинать, и начало должно было плавно ввести его в круг сильных мира сего. Что и произошло в конце концов. Тогда-то он и задумал создать дело, сущность которого видел в страховом бизнесе. В середине девяностых понятие «страховая компания» в умах людей, которые были «в теме», ассоциировалось не с чем иным, как с бандитской конторой. Зачем платить кому-то, когда можно закольцевать на себя сразу несколько направлений деятельности, пусть часть из них и будет не совсем легальна. Это примитивные боевики организовывались, вернее, их организовывали в ЧОПы, «наманные» пацаны учреждали страховые компании и застраховывали всё, что плохо лежало. Сделки, контракты, имущество – «страхуем всё» позиционировалось такими конторами. Каковы были гарантии этих страховок и чем заканчивались страховые случаи, то был вопрос отдельный и к бизнесу отношения не имеющий. Понятное дело, что в девяносто процентах случаев никакие декларированные обязательства таких компаний не исполнялись. Их смысл был получить плату за страховку, а дальше... каждый выкручивался на своё усмотрение и связи среди «серьёзных людей». Такие страховые крыши имелись у многих организаций, начиная от ларька и заканчивая банком или машиностроительным заводом. От уровня конторы зависел и уровень страховщика. Если это был кооператив или частный предприниматель, то и крышевали его пацанчики, сбрасывающиеся на новую салонную бэу (BMW) всей бригадой с последующим графиком пользования крутым братвамобилем. Это были обычно небольшие группировки районного масштаба по имени своего района и называвшие себя. Они могли расти и развиваться до определённого момента. Сливаться в более крупные. Или быть уничтоженными конкурентами, правоохранителями. Всё это именовалось сменой формации, первоначальным накоплением капитала или переделом собственности. Короче, на Руси шло «поступательное движение» в сторону демократических реформ. Она уверенным шагом, практически бегом ломанулась в крепкую семью цивилизованных государств, которую там с нетерпением ждали, ибо очень хотелось приобщиться к тем природным богатствам, которые не давали покоя развитой цивилизации. Но главная радость мировой общественности заключалась в привлечении России как глобального рынка сбыта всей той шняги, которая производилась на земном шаре в огромных количествах. Таких, что покупателей в мире уже на всё то добро не хватало. А непуганое население

обрешеченного прежде железным занавесом соцлагеря, выглядывавшее на Запад из воротника костюма фабрики «Большевик», и само добровольно готово было плоды цивилизации принять или променять, как те дикари, за стеклянные бусы и огненную воду с гордым названием спирт «Рояль». Существовали также и прикрития из совсем уже серьёзных спецслужб. Естественно, чем большими деньгами ворочала фирма, тем солиднее бандюги крышевали её. Значительно позже, когда Юрий Валентинович возглавлял уже экономические службы нефтяной компании «Ониойл», когда уже не крыши ему «забивали стрелку» по поводу «под кем работаете, ребята», а сам он выбирал и рокировал их, его идеей было организовать «крышевое» обслуживание своего предприятия сразу несколькими серьёзными объединениями крышедателей. Поручить различные вроде как непересекающиеся направления. И периодически аккуратно их срамливать между собой. Несильно, чисто «в рабочем порядке» и по мелочи. Это в рамках стратегии Вокакнахова не давало нагнать и влезать в дела концерна. Главное – завалить их якобы работой и занять, чтобы не было времени на борзоту. В прикритии его принимали участие люди с очень большими звёздами на погонах. Это были братья Агушевы, старший являлся тогда действующим президентом одной из кавказских республик, другой – её премьер-министром. Современный нормальный человек немного удивится такому совместительству должностных инструкций, однако времена были постные, голодноватые, почему бы ребятам не подзаработать денег в свободное от президентства время? Видимо, бедность республики, которой они управляли, уже и украсть-то ничего не позволяла. Всё успели сделать предшественники. Не идти же с шапкой двум первым лицам руководства, тем более что братья были боевыми офицерами ещё аж Советской армии в генеральских званиях. Как звучала местная инсайдерская шутка, «генерал Агушев – почётный президент, а по нечётным „стрелки разводит“, работая крышей у нефтяников»! Хоть придумали сию фенечку в нефтяном офисе, но за основу был взят старый советский анекдот про чукчу-академика. Однако, ко всеобщему удовольствию, ребята были при деле, получали свои относительно большие деньги, которые не являлись столь значимыми для конторы. Ведь имена двух вождей республиканского масштаба играли авторитетную роль в деле обеспечения безопасности концерна, особенно среди охочих до абрековских заработков «лиц кавказской национальности».

Илья вышел из офиса, традиционно угостил сигаретой охранника шлагбаума, движением фокусника засунув её тому за ухо.

– Хватит, наработался на сегодня, открывай, поеду я от вас нах...

– А чё так далече? – засмеялся тот. – И быстро как-то... Болеешь, что ль, со вчерашнего? Первый в конторе, знаешь?

– Дык потому и сдрискиваю отсюда, задолбал ваш Первый, это он вам Первый, а у меня первый – Валентиныч, вернее, это он вам Валентиныч, а мне – первый и единственный. И почему чем выше начальник, тем у него крепче уверенность, что, независимо от пола, у всех людей имеется общий половой орган по имени МОЗГ, и ему обязательно надо его всем трахать? Открывай уже, гроза бомжей и хулиганов. Говорила мне мама не ездить по понедельникам на службу, блин, не слушал... Понедельник у девчонок лучше проводить... причём с воскресенья... и по пятницу от них не вылезать, – бубнил Илья себе под нос, заводя двигатель джипа и несильно озадачиваясь тем, слышит его стоящий у пульта управления шлагбаумом бывший десантник или нет. Инин перебирал в уме кандидатуры девушек, представляя себе их фотографии из недавно просмотренных анкет.

Иногда полезно знать, кто находится по ту сторону презерватива!

Народная мудрость

Нет, на Матросова он сегодня не тянет. Примерять бушлат и лезть на амбразуру настроения не было. На языке ходоков, то есть тех, кто пользуется услугами проституток, Матросовыми звались первопроходцы, кто шёл к новой девушке, не известной большому количеству пользователей. А сам поход - «накрыть амбразуру». На ресурсах и форумах, касающихся этой темы, ходоки или доны (ещё одно гордое звание) писали отчёты по своим тестам, где характеризовали девушек и выставляли им оценки. Оценки присуждались за ассортимент, набор услуг, а также качество их исполнения, наличие гелей-шмелей в душевой, дезинфицирующих средств типа хлоргексидина или мирамистина, называемых на сленге донов КЖ, то есть культовая жидкость. Изначально, когда он только-только «въезжал» в сию тему, Илью коробило от того специфического языка и общего потребительского отношения к женщинам, что присутствовали на интим-сайтах. Естественно, Инин почитывал отчёты и лазил по подобным сайтам, зарегистрировавшись там под оптимистическим ником Проктолог Гембл. Сам он боготворил женский пол, который мужики эгоистично называли слабым. Если начать разбираться с привлечением так называемой мужской логики, то это ещё вопрос, какой пол считать слабым. Да, ежели отталкиваться от возможностей представителей того или иного пола в отношении тупого выкапывания канавы «от забора и до обеда», тут дамы вряд ли могут конкурировать с джентльменами. Возможно, за исключением классических представительниц, описанных в стихах, которые могут в горящую избу впереться и хобот слону на

ходу оторвать. Для всех остальных случаев, как говорится в рекламе, «есть MasterCard» в лице брутального и небритого мужика. И хотя заслугу наличия у девушки бабла на том самом «Мастеркарде» мужики по большей части приписывают себе, женщины в деле «шинковки капусты», то есть заработка денег уже не отстают от сильного некогда в этом вопросе пола. Хорошо это или плохо, каждый определяет для себя сам в меру воспитанности и испорченности. Везде можно отыскать и минусы, и плюсы. Однако это именно так и происходит в наше время, и, чем обернётся в будущем, также существует немало мнений.

Илья же всегда относился к женщинам с неким трепетом. Видимо, на подсознательном уровне чувствуя, что именно ЖЕНЩИНА несёт в себе то БОЖЕСТВЕННОЕ, что даёт ей возможность быть источником ЖИЗНИ. ЖЕНЩИНА – это ПРИРОДА, считал он, а МУЖЧИНА – подспорье БОГА в той глобальной сверхзадаче, которую он творит в этом МИРЕ. Мужчины думают, живут мозгами и простейшей, элементарнейшей логикой, женщины – сердцем, маткой и интуицией. Женщина ближе к природе, она часть её, а возможно, и сама ПРИРОДА. Мужики же являются лабораторией, «подопытными кроликами» Создателя, на которых он отработывает свои эксперименты по совершенствованию самой ЖИЗНИ и живых существ. Совершенствованием это можно назвать условно, потому что Бог уже «сломал себе голову», пытаясь всеми своими божественными средствами не дать развалиться то, что он создавал на протяжении тысячелетий. Человечество, возомнив себя шибко умным, настолько грубо и тупо полезло в его божественные дела своими примитивными науками и мелочными помыслами, что встал уже вопрос о самом существовании его на планете Земля. Для того чтобы сохранить человечество, Бог пошёл на радикальные меры вплоть до мутаций организмов, чтобы подогнать выживаемость индивидуумов под ту внешнюю среду, которую цивилизация сама себе создаёт вроде как для процветания и улучшения условий той самой ЖИЗНИ. Если новшество природы проходит успешную обкатку на мужском организме, тогда сие усовершенствование идет в серию. То есть применяется и на женщине. Ибо она механизм в разы более сложный и тоньше организованный. Соответственно, слабых, проблемных мест, где может поломаться, у неё больше. Именно потому, что она – НОСИТЕЛЬ ЖИЗНИ. А мужчина – СОЗДАТЕЛЬ, спусковой механизм возникновения ЖИЗНИ. Кто из них главный, споры ведутся уже вечность и продолжаться будут, наверное, столько же. Если, конечно, не наступит матриархат. Ибо все попытки возвысить МУЖЧИНУ вызваны именно тем, что миром на протяжении долгого времени правит сильный пол. И делает это со стороны силы за счёт женщин, угнетая и принижая слабый. Более того, существует мнение, что это мужское доминирование есть не что иное, как защитный механизм, данный человечеству природой, другими словами, Богом для увеличения возможностей мужчины выжить и донести свой генофонд до

любимицы Бога – женщины. Инин часто внутренне копался в этой теме, пытаюсь уяснить для себя правильность понимания вопроса. Его необычная половая самокритичность выражалась в простом и симпатичном анекдоте на тему «кто самый умный», смысл его заключался в следующем.

Решил Бог устроить вечеринку по поводу юбилея рая, как раз в этот час ему исполнялась круглая дата, а именно ВЕЧНОСТЬ. Какой же праздник без подарков его любимым деткам, Адаму и Еве? Подозвал он их и говорит:

– Есть у меня для вас подарки, каждому по одному, выбирайте. Первый из них – это писать стоя, кому достанется?

Адам:

– Мне, мне! – Схватил подарок и побежал. Тут напишет, там под райскую яблоню помочится, здесь на кущи испражнится. Посмотрел Бог на это дело и говорит:

– Извини, Ева, второй подарок по замыслу тебе причитается, название ему УМ, но этот обормот мне так весь рай обоссат, прости, его тоже мужчине отдать придётся!

Не задави мужик своим «авторитетом» тёток, дык они же изведут его как класс. А потом будут лить крокодиловы слёзы на могилке и придумывать, как же теперь без этого придурка обходиться. Примеров тому море, начиная с религиозных заморочек, ведь религии придумывались тоже мужчинами и с вполне конкретной целью – ВЛАСТЬ, один из разделов которой поставить женщин на то место, которое они занимают сейчас. Но сравнивать два этих пола совершеннейшая глупость, все сравнения будут некорректны и абсурдны. Мы две части единого целого, и вряд ли вменяемый человек может вам с уверенностью сказать, какая сторона монеты лучше, орёл или решка? Они (мы) просто разные, и они (мы) просто есть. Мы не в силах обойтись друг без друга в макромасштабе, на божественном уровне. Хотя в индивидуалистическом люди могут изгаляться, как только в голову им приходит. Некоторые вполне обходятся и без женщин, находят методы, но это уже какое-то извращение, как считал наш герой! Илья к подобным не принадлежал. Во время споров на сию тему, которые периодически вспыхивали в компании друзей на уикендовских посиделках, он чётко отстаивал мнение о главенстве женщины. За что гордо присвоил себе звание феминист. Как написано в толковом словаре, «...в наше время каждый порядочный человек стремится быть феминистом, даже если он женат!» Илья был женат. И как всякий здоровый мужчина, не мог не обращать внимания на привлекательных представителей противоположного пола. Вот, в принципе, главная причина его феминизма «...и по привлекательной цене». Он настолько

был уверен, что человек по природе своей просто не может быть моногамным, что сумел доходчиво разъяснить это своей жене, которую безумно любил.

Покинув стоянку родной конторы, Илья не стал выезжать на Красную Пресню, а повернул налево, на «кривую» дорожку, к Столярному переулку, где можно было парконуться возле бани и спокойно, без лишних глаз, полистать папку с анкетами девчонок для окончательного выбора сегодняшней программы. «А то советами замучают хомячки офисные, какую кандидатку выбрать. Работать надо, а не завидовать тем, кто по бабам ходит в рабочее время!» Конечно, можно пользоваться смартфоном для просмотра анкет в интернете, но Илья терпеть не мог эти модные девайсы. Гораздо лучше распечатать на принтере фотографии: и чётче, и нагляднее. Один спорный момент присутствовал во всем этом деле, а именно наличие такого каталога пришлось как-то вразумительно объяснить жене Ольге. Но с этой проблемой он справился, развесив ей по ушам о специфике своей работы и необходимости выполнения наказа начальства о привлечении на вечеринки подобного рода спецконтингента. Вот он и отслеживает появление новых кандидатур. Хорошо ещё, удержался ляпнуть, что настоящий, ответственный мастер своего дела должен быть весьма разборчив, учитывать пожелания начальства, лично снимать пробы и дегустировать, дабы отобрать лучшее и потрафить боссам. Да, примерку бушлата сегодняшним днём он отмёл сразу, ибо хотелось чего-то знакомого, чтобы именно отдохнуть, расслабить голову на женской груди и забыться в оргазме. А не тратить силы на нахождение общего языка и совместной волны с незнакомкой как в постели, так и в «межпалочном» трёпе. Не то было настроение. Перебирая фотки, он почувствовал напряжение и истому где-то внизу живота и понял, что находится на верном пути. Рекламные фотки возбуждали своей нагламуренной откровенностью, но Инин знал, что верить им надобно с большими допусками. В двадцать первом веке живём. Во времена бессовестного капитализма и рыночной вакханалии. Надобно продать товар, и все методы становятся хороши для достижения сей цели. Даже набебекалово с использованием чужих фотографий. А уж возможности «фотожопы» ныне на такой высоте, что из свиноматки получится Клаву Шифер забубенить. Вот по этой причине лучше сиська первого размера в руках, чем... тут уж каждый подставляет своё. В смысле лучше уж поехать к проверенной подружке, а не западать на фотожопную секс-бомбу. Слава богу, таких у Ильи было несколько заначек, но более всех он привечал Маринку. От добра добра не ищут. Пожалуй, это самый стабильный, душевный и симпатичный вариант из всех опробованных им. К тому же она вошла в уникальный список исключений из его правил не ходить более одного раза к одной и той же фее. «Значит, нам туда дорога, значит, нам туда дорога... Мытная улица... – пропел он мысленно и добавил: Всё-таки я немного нимфоман, то есть феминист», – потом нажал кнопку вызова абонента,

занесённого в память телефона на букву «ф» под именем Ф Марина, где первая буква являлась сокращением от слова «фея».

– Здравствуй, солнце! – торжественно продекламировал он в трубку с нотками грусти, когда в динамике послышался знакомый девичий голосок. Сказалось студенчество в ГИТИСе, где он отучился три курса на актёрском отделении у Олега Павловича Табакова, пока тот не выгнал его. Вернее, посоветовал уйти самому в случае отсутствия убеждённости в будущем благосостоянии от профессии. «Если нет уверенности, что актёрством сможешь зарабатывать на не просто бутерброд с маслом, а с икрой, причём чёрной, тогда вали из профессии!»! Тогда Олег Павлович дал ему три дня на размышление, и теперь Илья готов был пасть ему в ноги с благодарностью за наставление на путь истинный. Впрочем, подобные высказывания из уст мэтра услышал не он один, что несколько смикшировало разочарование «по жизни» от разрыва «со сценой». Этот дежурный актёрский приём призван был обозначить Маришке высокую степень того, насколько Илья соскучился по собеседнице. – И никто меня «не любит, не жалеет, неужели я нисколько не...» Блин, нет, так про себя говорить нескромно, конечно же, ты начнёшь меня утешать, говорить, что я красив, строен, богат. Что я блондин ростом метр восемьдесят. А я ведь и поверю, так как очень тебя хочу. Короче, ты меня уже ждёшь?

– Так-так-так, – наигранно ответила девушка на другом конце эфира. Ясно было, что она узнала Илью. Это тем более понятно, что его номер занесён ею в телефонную книжку в раздел «постоянники», то есть частые гости, с которыми складываются особые отношения. – Вы, наверное, не туда попали, это министерство культуры.

– Ну, слава богу, что не прачечная и не уячечная, – ответил он, вспомнив, что как раз в прошлую встречу рассказывал ей анекдот своей молодости, цитату из которого она только что произнесла. – Я соскучился, хочу ласки, тепла и любви. Мне грустно и плохо, сегодня понедельник, начальник – сука, настроение – жопа, гаишник оштрафовал, даже онанизмом заняться без виагры не могу, нужна срочная сексуалогическая помощь.

– И всего-то? А столько слов... Приезжай, конечно, зая. Через сколько будешь?

– Ну, я на Пресне, если на Третьем транспортном без пробок в твою сторону, минут сорок...

– Даю тебе час, с запасом... Мне ещё подготовиться надо, вдруг тебя на анал раззадорит, – хихикнула девушка.

– Ок, цалу-у-у-у-у, тебе ничего не купить по дороге?

– Ты про вино? Нет, у меня занятия завтра, да и время раннее, куда там алкоголь. К тому же и мешает он процессу!

– Логично, пьянству бой, цалу, цалу, цалу, до встречи! – затянул он, в уверенности, что подготовил девушку к своему визиту, теперь она настроится, и ему перепадёт безумный, крышесносный секс. По крайней мере, так он себя уверял, и иногда это срабатывало, настраивало его самого на развратную волну. Илья нажал педаль газа и медленно начал вклиниваться в вереницу машин, плетущихся к перекрёстку с Пресненским Валом.

Вялотекущая, как начальная стадия шизофрении, езда по московским дорогам в рабочее время суток доставляла Илье некое садомазохистское удовольствие. Обычно, но не сейчас. Передвижение по пространству Москвы всегда ассоциировалось у него с каким-то преодолением, с борьбой человека против неких потусторонних сил. И это точно не силы природы. Скорее, техногенный оживший монстр творил это противостояние, определяя правила и диктуя условия. Причём вся инициатива сосредотачивалась в его руках. Ничего не зависело в этой игре от человека. Он, человек, был всего лишь пешкой, ну, может быть, другой, более значимой, фигурой, но никак не творцом, от воли которого что-либо зависело на этом игровом поле. Даже конечный результат. То есть доберётся персонаж от точки А до пункта Б на карте его судьбы. Даже если ему выпало в этот день быть счастливым, ни один субъект этой действительности не сможет с уверенностью гарантировать точность прибытия индивидуума по назначению в этом макрорукавнике под футуристическим названием мегаполис и нарицательным для миллионов людей именем Москва. Инин относился к Москве с уважением, но не любил её. Впрочем, он был не одинок в своём отношении к городу. Огромное количество москвичей его поколения испытывали примерно такие же чувства. Возможно, то было возрастное. Каждая генерация своё время держит за эталон и чурается прогресса, несущего изменения в его жизнь. И неважна общепринятая оценка этих изменений, даваемая последующим поколением. «В наше время» всё равно было лучше, потому как привычнее и роднее, а сейчас... И так уже тысячелетия. Илья отвлёкся от постоянно лезущих в голову мыслей на сию тему. Они всегда приходили к нему во время топтания по ТТК. Сейчас манёвры в пробке не давали ему вожаемого адреналина во время рискованных перестроений. Сегодня бы ему добраться побыстрее и уткнуться носом в Маринкину грудь второго размера. Господи, как же он хочет ощутить этот запах. Запах женщины, тонко дополненный девичьей молодостью, духами и кондиционером для белья, которым она пользуется во время стирки. В Маринке Илью возбуждало практически всё. От классической формы бюста до непропорционально длинного второго после большого пальца на ноге. От слегка ехидной улыбки до

рельефной, почти бразильской попки. А когда он вспоминал её интимную стрижку в стиле «Гитлер капут», управлять автомобилем приходилось скорее силой воли и коленкой, нежели руками. И что-то постоянно отвлекало между ног, мешая ходу руля. Быстрее бы уже закончилась эта дорога, как говорят гаишники, «повышенной опасности».

До съезда с Третьего кольца на Варшавку он доскакал относительно быстро. Съезд также был свободен. По дороге к девушке осталось только одно неприятное в автопробковом смысле место. Только нестандартный многоканальный перекрёсток возле Даниловского рынка. Но и тут было некритично с учетом того, что на календаре зиял обыденностью даты понедельник. Вот и Мытная улица, где фейка Маринка снимала однушку. Инин как-то мельком в разговоре заводил речь о её биографии. Но во-первых, было не совсем корректно домогаться у девушки дополнительных личных данных. Во-вторых, такая инфа ему была абсолютно по барабану, так как он не собирался использовать свою подружку в служебных целях. Делиться Машкой, как он любил её называть, с пузанами и буграми по службе ему было запаadlo. Ну, если, конечно, она сама не попросит его дать ей подзаработать. В этом случае желание девушки – закон. Тут у него не разыграет эго и мужское самолюбие, типа как это другой мужик будет трахать его женщину. Тут уж, как говорят американцы, ничего личного, чисто бизнес. Сведения, почерпнутые им при их близком общении, его вполне удовлетворяли. Особенно с учётом того, что некоторые представители этой реликтовой профессии не собираются посвящать ей всю свою жизнь и шифруются, дабы не навредить будущей карьере. А зарабатывать на жизнь приходится постоянно, ибо необходимо обслуживать свои физиологические и прочие потребности, некоторым – оплачивать учёбу, а некоторым – семью и детей. Форсировать события и выведывать больше он не собирался. Если их связь продлится дольше, то там и видно будет. Захочет сама, изложит, что посчитает нужным. А пока он довольствовался минимальной информацией о том, что она студентка третьего курса какого-то не самого последнего института. По диплому будет юристом. Когда он первый раз услышал о её будущей профессии, то долго смеялся. За его трёхлетний стаж работы на поприще удовлетворения потребностей «больших пацанов» корпоративными забавами это была уже четвёртая проститутка с зачёткой по сей специальности. Форумы интимно озабоченных россиян пестрели большим количеством шуток на тему. Народ не мог пройти мимо такого знаменательного факта, что будущая система правосудия и юриспруденции великой державы формируется в борделях из бойцов сексуального фронта. Но видимо, связь тут не прямая. Это общая тенденция, а не мода среди путан. В различные времена появляется мода на ту или иную специальность. Вот народ и прётся табуном в определённый вуз. Со временем мода поменяется, и ряды проституток могут

начать пополняться студентками, не в обиду им будет сказано, педагогических институтов. Или будущими управленцами. Говорят, что и сейчас, если копнуть прошлое некоторых знаковых персонажей из различных советов типа федерации, маячащих на экранах телевизоров... ох, лучше этого не делать. Многие догадываются, как строились успешные карьеры в советские времена, достаточно историй попало в прессу и интернет. Особенно продвижения политиков женского рода, вышедших из комсомольских райкомов, обкомов и прочих омов различного значения.

Как точно рассчитано время. Свернув с Мытной на улицу Лестева, он углубился во двор, чтобы припарковать машину как можно ближе к Маруськиному окну, дабы иметь возможность наблюдать за своей хондой. Так он чувствовал себя спокойнее, ведь ему по статусу полагалось ездить на «крутой тачиле», обязательно джипе и непременно чёрного цвета. Таков был этикет пополам с понтами у людей его рода занятий. Места в районе Даниловского рынка последнее время славятся тем, что тут снимает жильё приезжий люд из некогда братских республик, чтобы пешком добираться до места работы на самом рынке. А улица Лестева считалась в народе заповедником фей. Сегодняшний объект вожделения Ильи переехал сюда недавно. Маринкин фейский стаж не превышал ещё года. Она не рекламировалась на специализированных сайтах. Инин познакомился с ней на форуме знакомств, коих развелось немерено на просторах интернета. На них подавались объявления о знакомствах различной направленности. Девушки искали мальчиков и наоборот. Мальчики искали девочек. А семейные пары – и тех и других и супружеские пары до кучи. Сексуальные отношения в современном демократическом обществе имели весьма разностороннюю направленность. Были анкеты, где фотографии окаймлялись розовым цветом. Такой цвет обозначал, что автор её ищет себе пару на коммерческой основе, то есть с вознаграждением. Именно такая страничка Марины и попала Илье на глаза. Девушка готова была встретиться на пару часиков за вполне культурные деньги, но у неё не было своего «места имения», то есть квартиры, где можно было бы воплотить сие безобразие в жизнь. Маришка была девушкой на выезд. Инин так запал на обычные, бытовые фотки девицы, что тут же набрал её номер. Они сговорились встретиться в гостиничке недалеко от метро «Таганская» с нежным названием «Мишель», где у Маши были преференции как у постоянного клиента. Девуля часто пользовалась ей и потому имела специальную карту, по которой арендовала номер без предъявления каких бы то ни было документов. Но это было полгода назад. Сейчас она уже решила на съём квартиры, дабы не отпугивать клиентов дополнительными расходами на «места имения». Она решила найти золотую середину между ценой, качеством, доступностью подъезда и удалённостью от центра. Достаточно большая конкуренция салонов и

индивидуалок наблюдалась в здешних дворах, что обуславливалось хорошим сбытом специфических услуг. Так что в этом районе Москвы сложился вполне приличный рынок фей. В зависимости от настроения и степени спермотоксикоза Илья звал Марину по-разному. Она могла быть для него Машей, Марусей или конкретно Маринкой. К тому же быть уверенным в подлинности имени феи невозможно. По большей части проститутки не рекламируют свои услуги под истинными именами. Обычно они берут творческие псевдонимы. По крайней мере, в отношении конкретной девушки одно из них точно было настоящим. Во всяком случае, он так считал с её слов, а не верить оснований не находилось. В анкетах на сайтах, рекламирующих услуги торговцев своим телом, одна и та же девушка могла выставляться под разными именами и даже адресами. В конкретном случае можно было почти без обмана писать и Марина, и Маша, и Маруся, недалеко отступая от истины в связи с похожестью. Квартира девушки являлась, что называется, «рабочей». То есть она снимала её исключительно для своего бизнеса. Поэтому вся обстановка была довольно аскетичной, без излишеств. Сама же жила где-то в Чертаново то ли с матерью, то ли с обоими родителями, Илья не вдавался в подробности. Маришка была москвичкой, что являлось большой редкостью в бизнесе. Она не принадлежала к категории фей, которые пишут слово «спОсибо» через «о», используя проверочное слово «СПОНСОР». Обычный контингент фей составляли приезжие из обеих зарубежных. Но в основном попадались из ближнего. Дальнее представляли чаще всего негритянки и иногда азиатки.

Набрав на домофоне по памяти знакомые цифры, он не услышал ответа, а сразу щелчок открывающегося замка. Девушка знала, кто у двери. Илья прошел тамбур подъезда и взлетел на третий этаж без лифта по причине его отсутствия в старых пятиэтажках. Дверь квартиры приоткрылась без лишнего шума. В неё-то он и протиснулся как можно тише, чтобы не привлекать внимания соседей.

– Вот она, жизнь! – прошептал Илья, соответственно недавней фантазии засунув нос в разрез Машкиной кофты, блаженствуя от запаха юного тела и балдея от ощущения тепла и здоровья, распространяющегося от девицы. Он чувствовал лицом жёсткие швы кружевной синтетики лифчика, столь контрастно подчёркивающие натуральность тяжёлой молодой груди. «На ближайшую пару часов это всё моё», – пронеслось у него в голове. Они стояли в микроскопической прихожей, прижавшись друг к другу. Его руки лежали на полушариях её попки и теребили скользкую атласную ткань верхней накидки. «А всё остальное – гадство на букву „б“».

– Может, пройдем уже в комнату или на кухню? – промурлыкала она томно с внезапной хрипотцой. – Чаю тебе сделать?

– Ну его, водички бы холодной.

Марина заперла на щеколду дверь, машинально глянув в глазок. Они прошли на кухню, ненамного отличающуюся от прихожей по размеру, где на столе уже стоял приготовленный бокал, на котором красовалась надпись: «Илья». Это вызвало улыбку у «первоисточника», он внимательнее стал разглядывать посуду, взяв бокал в руки.

– Где раздобыла?

– Отгадай с трёх раз? Ну естественно, на углу в «Даниловском» купила, специально для тебя, никому его не даю, чисто твоя индивидуальная посуда. Кстати, и чай хороший для тебя приготовила, зная, какой ты привередливый. Не тампонный на ниточке, вот, пуэр пятилетний настоящий. Фу, как ты его пьёшь, какашками же козьими пахнет! – по-простому выразилась девушка, нюхая открытый пакет. Её щебетанье можно было назвать милым, если совпасть с её настроением своим. Если оказаться с ней на одной волне. Но что Илью просто потрясло в фее, так это интуитивное, на энергетическом уровне чувствование партнёра. Так ощущать мужчину может только настоящая женщина. Это одновременно должно быть и врождённым даром, и приобретённой способностью. Но у девушки её возраста не может физически накопиться столь большого опыта общения с мужиками ни в плане секса, ни вообще. Откуда у двадцатилетней девчонки такое? Она чётко врубалась в его настроение и замолкала, когда в этом была необходимость, и позволяла себе инициативу, когда вдруг улавливала, что он хочет именно этого. И становилась покорной девочкой, готовой служить своему господину, если схватывала брутальные взбрыкивания его эго. По поведению как в бытовом общении, так и в постели то была мудрая, опытная, взрослая женщина. Уж Илье было с чем сравнить. «И угораздило же её податься в проститутки? Какого хрена?» – удивлялся он. Но не спрашивать же у девушки, это казалось некорректным. У него даже возникали мысли, а не снять ли ей нормальную квартиру, не взять ли на содержание. Так поступали многие его знакомые. Обзаводились любовницами, селили их в съёмные хаты и наведывались по мере надобности. Естественно, жёны тех были уверены в многочасовой занятости супругов и постоянных командировках по делам фирмы. Но сам Илья считал такой вариант семейной жизни неприемлемым, ибо он был нечестным. В любом деле всегда должны быть некие ограничения и допустимая степень. И тем более во вранье. «Врать надо только тогда, когда не врать просто невозможно», – решил он для себя. Посему ходить к девчонкам-профессионалкам перепихнуться разок в неделю, просто замалчивая сам факт измены, это не криминал. А вот любовниц заводить, шашни мутить, квартиры снимать – никогда... Тем более это надо предпринимать какие-

то дополнительные телодвижения, придумки изобретать, а оно нам надо? Лени-то раньше нас родилась.

– Дык с этого и начинай, так и говори, что пуэр у тебя сегодня имеется. Давай-ка я сам заварю, шибко этот напиток для любви сподручный, волшебное он на либидо воздействие оказывает, только заваривать его особым методом надобно! – продекламировал Инин с какой-то самому ему показавшейся странной интонацией, скорее, близкой к старому славянскому стилю общения. И уж точно не имеющей отношения к Китаю, откуда родом был этот специфический чай. – Кстати, я у тебя сегодня спонтанный ведь. Время-то есть? Ты сегодня как? Не занята?

– Нет, – она опять поперхнулась, и в голосе снова появилась хрипотца. – Я даже телефон уже выключила, по голосу твоему поняла, что ты надолго сегодня. С тобой вообще уже нельзя ничего планировать наперёд, если решишь озарить своим вниманием бедную девушку. Да ещё такой весь, в расстроенных чувствах. Ой, а что это там у нас такое твёрдое?

Рука её прошлась по его ширинке, молния которой уже наполовину разошлась от давления изнутри.

– Фи, какая ты пошлая, делаешь мне грязное предложение или уже пристаёшь по-взрослому? Ай, хрен с ним, этим чаем! Дай уже, наконец, полотенце, я в душ на минутку, – отстранился он и стал стягивать через голову рубашку.

– В ванной лежит. Синее твоё. Помочь? – Она наблюдала со стороны, пытаясь сообразить, как себя вести, чтобы не напрягать мужчину, который на несколько часов становился её. И не имело значения, происходило это в силу должностных инструкций или по иной причине. Он приехал отдохнуть и явно старается скрыть гнетущее его состояние. Этот мужчина, который несмотря на возраст, статус являлся клиентом и оставлял на столике немалые деньги, будил в ней какие-то странные чувства. Странные и абсолютно непрофессиональные. Нет, это не было сексуальным возбуждением, которое женщина может испытывать к представителю противоположного пола. Не сверхзадача ублажить «папика» «по самые гланды», чтобы подсадить на свой фирменный минет и раскрутить на последующее содержание. Не чутьё самки, уловившей дух тестостерона, исходящего от самца. Не почитание ученицей своего секс-гуру и учителя. Она ловила себя на совершенно неподходящем в данном случае ощущении, абсолютно не знакомом ранее. Нахождение рядом этого мужчины возбуждало в ней какое-то подобие материнских чувств, желание заботиться об этом странном, очень прикольном парне, который годился ей в отцы. Её даже посещала мысль: вот если бы он сделал предложение, она, наверное, не

отказалась бы. Любое предложение от замужества до сожительства. Похоже, что с таким мужчиной она смогла бы ужиться. Но если бы не обстоятельства их знакомства, его осведомлённость о её приработках, их теперешние взаимоотношения, а также его семья... Об этом можно только мечтать. Хотя в истории и сохранились примеры, когда клиенты женятся на проститутках.

– Что помочь? – не понял он. – Яйки ополоснуть? Я большой мальчик и не такой толстый ещё, «зеркальной болезнью», когда их только через зеркало увидеть можно, не страдаю пока. Дотянусь как-нить. Иди уже в койку, там жди. Вот где точно твоя помощь понадобится. Сам не справлюсь.

Он стоял перед ней уже совершенно голым. Рубашка, брюки и весёленькие трусы, украшенные спереди рисунком в виде объёмной головы слона, валялись прямо на полу. Илья высвободил из одежды ноги, перешагнул, чмокнул её в лобик и ушёл в дверь ванной комнаты, предоставив девушке выбирать, как же поступить, повесить шмотки на стул или от греха оставить всё как есть.

Непропорционально большая для старого дома ванна да и вся ванная комната претерпели серьёзный ремонт, который в русском народе незатейливо обозвали евро. Илья включил оба крана на смесителе, отрегулировал по температуре и уселся под чуть тёплыми струями воды. Машулька всегда намывала ванну перед его визитом, изучив привычки. Довольно большую часть денег на приведение квартиры в порядок ей выделил именно он. Потому было логично, что она испрашивала его пожелания относительно ремонта и отделки. Можно даже говорить о том, что ванная комната являлась его проектом. И подсветку, и расположение зеркал утверждал он лично. Пока его расслабляло блаженством под струями чуть тёплой воды, свет вдруг погас. Инин было собрался крикнуть Марии о неисправности, как дверь отворилась, озарив ограниченное пространство клином дневного света, и тут же захлопнулась, напустив полумрак. Марина стояла перед ним голой, из одежды на ней в свете мерцающей от колебания воздуха свечи поблёскивала лишь золотая цепочка на талии. Она медленно поставила икеевскую «таблетку» с горящим фитилём на стиралку. Её руки легли ему на грудь, голова находилась на уровне солнечного сплетения. Она едва коснулась губами его сосков и медленно стала опускаться ниже, видимо вспомнив, что он не любил прикосновения к ним из-за щекотки. Губы и язык скользнули по влажной груди ниже, сделали несколько круговых движений в районе пупка. Язык углубился в него. Струя воды из лейки душа уже казалась ласковой волной. Вода ощущалась отдельным живым организмом, окутывающим всё его тело. Шум струи перевоплощался в фоновый гул, в него стали примешиваться ещё какие-то посторонние звуки. Глухо отдавались в голове вырывающиеся пузыри воздуха, стремящиеся к поверхности. Они

бракованной линзой поднимались вверх, прорываясь сквозь голубовато-зеленоватую толщу воды. Илья слышал трескучие звуки работы регулятора, порциями выдающего дыхательную смесь в его лёгкие. Он погружался всё ниже, на глубину, плавно паря в толще воды вдоль стенки каньона. Предаваясь чувству полёта в чуждой и манящей среде невесомости, он парил над бездной бесконечности. Где-то сбоку сквозь воду проглядывало тусклое солнце икеевской свечи, стоящей на стиральной машинке. А может, на борту катера, с которого он только что спустился в воду и начал погружение.

Жидкокристаллические цифры глубиномера медленно и беззвучно мигали и мельтешили, накручивая отсчитываемые сантиметры, метры толщи воды, нарастающие между ним и атмосферой Земли. Уши закладывало. Он боролся с этим, как учили, продуваясь и двигая челюстью. Звуки начинали гудеть уже не в ушах, а непосредственно в голове, насыщая мозг азотом и эндорфинами. Из-за глубины краски поблекли. Уже полностью пропал красный цвет. Илья ощупывал выступы, касался стены, мимо которой скользил вниз. Прикосновения были тёплыми и влажными. Длинные ленты водорослей гладили его кожу сквозь гидрокостюм. Тело становилось невесомым и как будто чужим. Кудри анемон и мягких кораллов шевелились течением и пестрели взбаламученной перхотью стаек мелких серебристых рыбёшек. Створки полураскрывшейся устрицы сверкнули жемчужиной в полумраке камней подводной стены и, дразня, показали ему язычок моллюска между ними. Течение усиливалось. Любопытная мурена, раздувая жабры, высунулась из своей пещерки, испугалась и, скользнув между его ног, исчезла в соседней. Его понесло течением дальше. Он уже не понимал куда, вниз ли, а может, в сторону, прямо в гущу волос горгоны Медузы, вдруг повернувшейся к нему ликом, глядящим из огромного колышущегося пучка ламинарии. Илья стал запутываться в волосах, они забирались под гидрокостюм, лезли под маску на лице, в нос и сковывали ноги невесомыми путами. Подводный компьютер на руке предупреждающе заверещал, сигнализируя о предельной глубине и критическом снижении давления в баллоне с дыхательной смесью. Руки не слушались его. Нож никак не нащупывался, он просто не мог дотянуться до икры ноги, где крепились ножны. Волосы-ленты окутали и спеленали его тело. Дыхание жгло трахею. Пульс выстукивал в висках сигнал SOS: три точки, три тире, три точки... и снова три точки, три тире, три точки. Компьютер уже не трещал, а заходился надрывными очередями, как отбойный молоток в руках неумелого гастарбайтера. Надо было всплывать, но путы прочно держали его. Надо бы отстегнуть грузовой пояс и попытаться всплывать, невзирая на критическую глубину и опасность кессонной болезни. Но руки не слушались его. Он видел со стороны своё сопротивляющееся тело, но ничем не мог себе помочь. И тут он понял, что сопротивление бесполезно. Оно и не было никогда полезно, в нём не улавливалось никакого

смысла. Надо принять и отдаться тому, что происходит с ним. Отдать себя в руки Провидению, Судьбе, Карме или Богу... Или Женщине? Наконец он сумел дёрнуть пряжку грузового пояса. Тот соскользнул вниз, прощально мелькнув в водорослях, и исчез в чёрной пустоте глубины. За ним последовали сброшенные баллон с жилеткой компенсатора. Куда-то делись и гидрокостюм, и компьютер. Он всплывал, совершенно голый проходя через разность чередований термоклиньев. Ему было то холодно, то жарко. Наверху расплзлось всё ярче и ярче светило. Воздуха в лёгких уже совсем не осталось. Он задыхался, с надеждой отсчитывая каждый сантиметр до спасительной поверхности. Голову разрывали пузырьки азота, возомнившие себя благородными составляющими игристого шампанского, и гормоны. Успеть бы... успеть бы. Ещё совсем немного. Ещё усилие... и вот она, поверхность. Он понимал, что не выдерживает и начинает пытаться дышать под водой, отчего та набирается в лёгкие. Он уже терял сознание. Ещё чуть-чуть. И тут его выкинуло на поверхность. Оказавшись в привычной среде, он судорожно вздохнул, крик вырвался вместе с ним на воздух. Взрыв произошёл в черепе. Активный кислород ворвался в его лёгкие, окисляя молекулы азота, пережигая газовую смесь тримикс, которой он дышал на глубине, и выгоняя остаточный адреналин. Он ничего не чувствовал... кроме счастья. Счастья ЖИЗНИ... И какое-то грустное опустошение с отголосками тревоги. Он стоял уже почему-то в комнате возле измятой кровати и валяющейся на полу скомканной простыни. Он видел себя в зеркале шкафа, стоя сбоку от него вполоборота. Девушка сидела на полу перед ним на коленках, смотря в глаза лукавым вопрошающим взглядом. Сам он был весь мокрый. На её лице также виднелась влага. Глаза и лицо блестели. Из кухни, где осталась его одежда, дребезжал забытый в кармане штанов невыключенный мобильник. «Надо бы к местному участковому заехать сегодня, - подумалось Илье. - Пообщаться насчёт Машки. Скажу ему, что племянница тут моя живёт, квартиру сняла, студентка. И денег дать парню, чтобы поглядывал и не обижал девчонку сам и другим не давал. Визитки у меня с собой. Правда, когда их даёшь, ценник сразу в два раза вырастает. И почему менты думают, что раз в нефтянке работает человек, то баблом уже печки топить может. Если бы... А, хрен с ним... Один раз живём-то, чего жалеть»!

Когда Илье вышел на улицу, уже вечерело. Тяжёлый, густой дух разогретого за день города аллергенно щекотал ноздри. Нет, отложит он визит к участковому, не до общения сегодня с блюстителями. Ему бы до дома дочапать в целости и сохранности. Ноги тряслись, в них чувствовалась такая тяжесть, будто он только что вышел из спортивного зала после месячного пропуска тренировок. Чем же он мог так напрячь сегодня мышцы? Это что же такое сегодня происходило? Голова

была под стать ногам, мутная, с заглуженной оперативной памятью. Он даже слов сейчас не подберёт для общения со «свистком». С ментами, вообще, надо уметь общаться. Их как истинных представителей земли русской «умом не понять», их чувствовать надо! А для этого нужны моральные силы, ему же эта девица снесла сегодня всю чуйку! Нет, не сможет он сегодня найти с участковым общий язык. Чёрная Хонда послушно мигнула аварийкой, приветствуя хозяина в ответ на нажатие кнопочки сигнализации. Илья сел на водительское сиденье боком к рулю, свесив ноги. Немного посидев и отдышавшись, перетащил руками трясущиеся конечности внутрь машины и блаженно растёкся по сидушке, закрыв глаза. Желания тронуться не возникало, к тому же пока это было опасно. «Сейчас немного побалдею, – подумал он, – а потом...» Он ощущал приятную и немного болезненную пустоту в паху. Илья специально не стал умывать лицо, чтобы дольше сохранился Маруськин запах и вкус. Если менты остановят, наверное, решат, что он обдолбанный в хлам. Точно, ксивы надо положить поближе, чтобы не искать их трясущимися ручонками.

Он медленно выехал из двора... и, «здрасте, посрамши», прижался к бордюру возле машины ДПС со стоящим рядом молодым лейтенантом и торжественно поднятым жезлом в его руке. «Так, а вот и продавец полосатых палочек», – подумал Инин про себя. А вслух сказал в открытое окно:

– Добрый день, не подскажете, сколько стоит сегодня проезд по этой улице?

– Здравствуйте. Старший лейтенант Мусаров, – прозвучало в ответ казённое приветствие, строго оговоренное должностными инструкциями. – Документы ваши предъявите, пожалуйста.

Изучение прав заняло доли секунд.

– Страховка имеется?

– Странный вопрос. Конечно, тем более что я сотрудник страховой компании. Вот, полное каско, полнее не бывает. – Илья протянул инспектору файл с полисом.

– Вы, Илья Игоревич, себя хорошо чувствуете? – пристально глядя в глаза, продолжал полицейский.

– Нормально вроде. Хотя если бы вы не остановили, то лучше бы было. Я как людей в форме увижу... у меня сразу давление подпрыгивает. Будто у трансформатора становится – двести двадцать на сто десять, – придерживался избранной манеры общения Инин. – Того гляди гипертонический криз начнётся, а у меня ни таблеток, ни корвалола.

– Ничего, скорую вызовем, тут и Морозовская рядом, и Первая градская недалеко, – принял игру служивый. – Заодно и тест на алкоголь пройдем. Кстати, я вас раньше нигде не мог видеть? Уж больно лицо знакомое, Илья Игоревич.

– Дык в телевизоре, товарищ старший лейтенант! Вы «Золотой патефон» смотрели последний? Я его организатор, на «Русрадио» работаю. Недавно большое интервью со мной повторяли. А с алкоголем у меня полные лады. Восемнадцатого мая исполнилось девять лет, как бросил. Во как! Чем и горжусь! Так что надо бы меня того... отпустить до дому, до хаты.

– Сейчас дыхнете, и посмотрим. Так вы где всё-таки работаете? То на «Русрадио», то в страховой, вы бы определились.

– Да не надо ко мне приноховаться. Я и впрямь не пью. А работа у меня праздники людям устраивать, я не шучу. Пьянки-гулянки, концерты, корпоративчики. Числюсь при этом в страховой компании, я не трындю. – Усталость вдруг отчетливо дала о себе знать.

– Ба, брат, да ты от бабы едешь! С перетраха, что ли? От тебя девкой за версту несёт! – вдруг перешёл на «ты» лейтенант, сработал старый приём Инина под кодовым названием «возлюби мента, как самого себя». Смысл его заключался в том, что служивые тоже люди, но относящиеся к миру через призму своей профессии, одна из составляющих которой ответный негатив со стороны оппонента. Ты отнесись к нему по-человечески, полюби его, только искренне, а не показушно, и получишь позитив в ответ.

– Вот это нюх, во учуял! Ты раньше кинологом не работал? Собаки тебя след брать не учили? От женщины я еду, от женщины с большой буквы! Чего и всем желаю! – Илья довольно ловко забрал доки из рук лыбящегося лейтёхи.

– Женат? Ну езжай, езжай. Вот артисты! Сейчас тебе жена тест устроит! Опырь-террорист!

– Жена у меня солнце и сокровище! Она самая великая женщина! И заметь, все буквы в данном случае большие, вот! А мне как порядочному мужу её ещё трахать сегодня предстоит. Как я это сделаю, пока не знаю, но «пацан сказал, пацан сделал», так что не отверчусь! А родная полиция мне дополнительные стрессы устраивает. Ты бы передал по рации, чтобы меня не останавливали ваши, номер машины им скажи, чтобы не тормозили. Я по Варшавке поеду, в Бутово.

– Варшавка – это не наш участок. Удачи тебе. Езжай отсюда, не мешай работать. У нас доходы не как в шоу-бизнесе, а девчонку тоже в «Макдоналдс» сводить

надо! – засмеялся старлей. – Удачи тебе!

– Бог в помощь! «Подружка моя, передай по рации, три недели у меня нету менструации!»! – пропел он в открытое окно и нажал клавишу стеклоподъёмника на дверце!

Он знал её всего-то вечность, а может, целых пять минут.

Часть 2. На Волгу

Знаменит он был тем, что считал себя знаменитым. Распространённая тенденция

– Вика, найди мне, пожалуйста, Инина, – сказал Юрий Валентинович своей помощнице по громкой связи.

– А вот он как раз в приёмную зашёл. Ему пройти? – ответила секретарь.

– Отлично, запускай.

Илья тем временем уже стоял между двойными дверями входа в огромный кабинет шефа, приветствуя его поднятой рукой на манер Леонида Ильича Брежнева:

– От лица работников пиаристического труда разрешите передать вам... и...

– Здоров, бездельник! Ты чего это без звонка или протелепал, что я на месте?

– У меня в твоей конторе и без тебя дел хватает, вон как работой завалили. В шортах ходить можно, а я уже Новым годом занимаюсь. Хорошо, что чухнулся вовремя, еле успел «Атриум» в «Балчуге» застолбить на двадцать седьмое декабря. Ещё бы недельку протормозили с решением по площадке, не знаю, куда бы подались праздник отмечать. На Волгу, наверное, всех везти пришлось бы. А что? Домики эмчээсовские возьмём в аренду раскладные, самолёт в головном офисе попросим, благо добра этого завались, и недорого выйдет со своим-то еропланом! Я к тебе сегодня чисто выразить своё почтение, поздороваться, так сказать. Мне ещё на въезде директор шлагбаума про все диспозиции больших пацанов доложил. И что ты у себя, и что Ведун должен нагрнуть. И что Женьку Вакулова с днём рождения жены поздравить сегодня

надобно. У нас руки длинные, мы всё про всех знаем! Работа, понимаешь, у нас такая! А ты хотел «о делах наших скорбных покалякать»?

– Ну, скорби сегодня не будет, не заслужил ты её пока. А вот на Волгу я тебя хотел зазвать. Поедешь на выходные?

– Аск! Офкоз! Когда же я от такого отказывался! А-а-а... девчонки? С собой берём, или Юрий Иванович угощает? И вообще, кто ещё летит-то?

– Блин, от тебя сразу столько шума, как цунами в кабинет ворвалось, ты умеренней, умеренней! Летим мы с тобой, ну, мож, ещё Колька Муратов подключится. Я Кристинку возьму, а вы с Колькой как хотите. Можете с собой брать, можете местных. Тогда надо определиться, Иванычу давать отмашку, чтобы распорядился?

– Дай-ка подумать, а то экспромт получается, я сейчас в раскоряке немного. Неожиданно как-то.

Обычно организацией таких поездок занимался как раз Инин. Будь то «выездная сессия» на Волге или «совет директоров» в Испании. Все подобные мероприятия планировал и компоновал он лично. А тут получалось, что можно расслабить голову и не заморачиваться. Все заботы возьмёт на себя вице-губернатор Царицынской области, Юрий Иванович Серов. Не лично, естественно, главнокомандующий областью всё-таки. У него крепкая и солидная команда. К тому же случай тут не официальный, круг тесный, все свои, друзья.

Сама так называемая база «Ониойла», как звали её местные жители, была не чем иным, как личной дачей Вокакнахова. Небольшой по олигархическим меркам, всего-то на пятнадцать номеров. Усадьбой или поместьем такое, конечно, не назовёшь, но денег Юрка в сию фазенду угрохал немерено. В комплекс входила баня, куда ж без неё! Ангар для различных видов средств передвижения как по воде, так и по суше. Юрка купил два катера, один из которых вполне можно было обозвать яхтой. Несколько гидроциклов, восьмиколёсную амфибию «Арго» и ещё кучу различных приبلуд, призванных сделать отдых посетителей более насыщенным и комфортным. К обслуживанию этого хозяйства были привлечены местные жители из близлежащего хутора. А возглавляло бригаду лицо по имени Степаныч. Лицо было круглое, как, впрочем, и обладатель сего лица. Он весь был плотненький, упитанный, с бронзовым волжским загаром рыбака. Казалось, ткни его булавкой, и оболочка Степаныча лопнет, забрызгав чёрной икрой окружающее пространство. Кроме своих комендантско-куркульских обязанностей он являлся «главным по баночкам». То есть снабжал гостей икрой осетровых рыб, расфасованных в пол-литровые

стеклянные банки. Что замечательно, браконьерством Степаныч добычу осетра не считал. И к окружающему миру относился с претензией, будучи уверенным, что весь мир ему по жизни должен. Единственное исключение составлял хозяин дачи. Юрий тут считался чем-то одного уровня с апостолами из христианского учения. Ну и, конечно же, Юрий Иванович Серов, вице-губернатор, человек «Ониойла» на Южной Волге, лоббист и проводник идей нефтяного концерна в правительстве региона. Эти были Степанычу не должны, они были ему обязаны. И если бы не их статус, ох он бы им... объяснил, как руководить областью, концерном, да, пожалуй, и всей Вселенной!

Юрий Иванович был дядькой на десяток лет старше наших героев, к тому же обаятельнейшим человеком. С ценнейшим опытом работы в обкоме партии ещё в расцвет эпохи застоя СССР. Своё продвижение по партийно-бюрократической лестнице он начал чуть ли не со школьной скамьи. Вернее, с комсомольской юности в райкоме ВЛКСМ большого волжского города. Тогда этот промышленный центр на великой русской реке назывался по-другому, по-советски. Серов был незаменимым человеком для нефтяной конторы. Он вырос в этом городе на виду у тех, кто теперь стал называться городской элитой. Знали его все, начиная от администрации, то есть «отцов города» до бизнесменов различной ширины, высоты и долготы. Ну а про богему и говорить нечего, она всегда пасётся недалеко и кормится с рук власти. Посему и крутится вокруг, дабы побольше намазать перед высокими очами и услужить. Так что Юрий Иванович Серов был истинный хозяин города в хорошем смысле этого слова. Даже в России такое иногда случается! Соответственно, для него в городе Царицыно не существовало чего-либо невозможного, в разумных пределах, естественно! Запросы, пожелания, привычки он просекал в людях своего круга сразу! Если необходимо было организовать релакс для президента концерна или принять зарубежную делегацию, да так, чтобы потом иностранцы всю жизнь вспоминали экстрим русского, волжского гостеприимства, тут без вопросов. Надо привлекать к делу Серова, и всем от него будет счастье. Впервые Илья познакомился с Иванычем пару лет назад. Когда Юрка Вокакнахов первый раз зазвал его со всей семьёй на рыбалку под Астрахань. Это был некий экскурс в нравы провинциального города, где жизнь подчинялась строгой иерархии, основанной на почитании «центровых», то есть людей из центра – Москвы. В столице, конечно, всё было не менее утрировано. Но Инин не так часто связывался с подобным церемониалом, ибо считался ближайшим другом четвёртого по значимости акционера в «Ониойле». А это было равносильно статусу самих акционеров, ну, может, несколько ниже, хотя и не столь принципиально. Обычно он бывал весьма занят на подобного рода мероприятиях, потому, за стол к начальству и большим гостям присаживался ненадолго и только по приглашению, дабы не обижать подвыпивших бугров

отсутствием к ним внимания. Но статус есть статус, и друг большого начальника, естественно, не воспринимался гостями как обслуживающий персонал, коим Илья являлся на самом деле. В первое их знакомство Юр Иваныч прислал из Царицына небольшой самолёт, принадлежащий «Ониойлу», чтобы компания не летела рейсовым. Инин взял на рыбалку выходного дня свою семью – жену Ольгу и сына. Чартерный самолётик доставил их в аэропорт Астрахани, далее компанию перевезли на спортивную базу гандбольного клуба «Динамо Астрахань», где по прибытии начался грандиозный банкет. Илья на тот момент ещё не завязывал с горделивым российским пьянством. Алкоголь ещё не приближал его к той страшной черте, к которой многих незаметно приводит. Постоянные возлияния он считал своей неповторимой идентичностью и визитной карточкой, как, впрочем, это происходит у большого количества русских людей. К сожалению, таков наш менталитет, с которым каждый борется в одиночку. И мысль о глобальной беде, приносимой алкоголем, приходит лишь после конкретных «звонков» «сверху». Если, конечно, этот сигнал успеет прийти до окончательного ухода из жизни зависимого. Тогда Илья принимал на грудь и мог делать это в немереных количествах, особенно на отдыхе. Юрий Иванович же никогда не пьянел, хотя участвовал в возлияниях активно и даже являлся главным «банкующим», то есть организатором и заводилой, постоянно всем подливающим. После, когда Инин раз и навсегда завязал с пагубной страстью, он стал значительно более наблюдательным, ибо мозги его не затуманивались водкой. Тут-то он и заметил нехитрые приёмы вице-губернатора. Стараясь всем как бы вроде угодить и обо всех позаботиться, он усиленно подливал народу в рюмки. По логике, с одной стороны, если гостей в условиях большой публичной пьянки напоить, то сразу снимается множество проблем. С другой – появляются новые, типа отнести пьяное тело поспать, вытереть за ним блевотину и тому подобное. Но такую техническую работу, естественно, выполняли за гостями специально обученные люди, а не вице-губернатор огромной промышленной области. Сам же Юр Иваныч, как заметил Илья его приём, «ловким движением руки» аккуратно выплёскивал свою рюмку себе как бы под мышку. Причем получалось у него это настолько ловко, что складывалось впечатление, будто в тренировках по этому виду спорта он провел не один год своей чиновничьей карьеры. А куда было деваться старому с девятнадцати лет коммунисту, решившему посвятить свою жизнь служению народу на поприще бюрократического делопроизводства? Естественно, такой ценный советский опыт давал ему определённые преференции как по жизни, так и на работе. Такие кадры ценятся всегда, при любой власти и формации. Такие люди не зависят от политической направленности власти, будь у руля хоть коммунисты, хоть олигархи, хоть фашисты. Руководить и управлять громадным хозяйством, таким, как страна, может далеко не каждый, как думают обыватели,

подстрекаемые извне или искренне убеждённые. Такие кадры, как Юрий Иванович Серов, решают практически всё, как гласила советская поговорка. Поэтому такие люди должны быть всегда, и они есть всегда и цениться будут вечно, по крайней мере, пока жива эта Цивилизация на планете Земля.

У нас, русских, всегда так: то водка с мороза, то пиво от жары. А портвейн и вино, так, с горя али радости...

Историческое наблюдение

Та, первая, поездка на Волгу, легла в основу вновь закладываемой традиции проводить активный выездной отдых. Именно поэтому были приглашены Юркины друзья вместе с семьями. У самого дядюшки Вока, как прозвали его знакомые, отношения со своей семейной половинкой уже разладились. А в тот определённый момент переживали стадию «разжопного» обострения, как классифицировал Илья подобное состояние семейных отношений. Юрка поехал без женщины, к тому же взял с собой пятилетнего сына. Жён Юрий Иванович специально зазывал, для того чтобы они воочию, лично убедились: «безобразия тут не нарушаются», нравы не разлагаются, девки в компании отсутствуют, всё чинно и благообразно. Пьянство – неотъемлемая часть расслабухи по-русски – за грех не держалось, главное, чтобы без баб. База находилась в самой дельте великой русской реки. Скорее, место это следовало называть Северный Каспий, нежели Волга. Руслу, протоки, заводи тут переплетались в сложные лабиринты. А общая ширина составляла аж двести километров. Флора и фауна представлялись огромным разнообразием и количеством видов. Именно поэтому в сих местах и организовали рыбацко-охотничьи уголья для большого любителя и ценителя подобного времяпрепровождения, а по совместительству, генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Дабы добираться в эту глушь было сподручнее, базу оборудовали парой вертолётных площадок, несколькими жилыми домиками, укомплектовали штатом обслуживающего персонала, подогнали агрегаты для углубления дна. Специально оборудовали ямы, куда собиралась рыба всех видов и сортов. Так что тут можно было проводить мастер-классы по ловле рыбы, её приготовлению и, естественно, поеданию различными традиционными и не очень методами. Со временем и перестройкой, а также завершением цикла жизни генерального секретаря и существующей при нём экономической формации база стала разваливаться и приходить в упадок. Тут-то и подключились к ней предприимчивые обладатели честно вложенных ваучеров. Базу возродили, сделали из неё пятизвёздочную, обозвали незатейливо «Лотосом» и стали брать деньги за постой,

соответственные звёздности статуса. В тёплое время года клиентов тут хватало. «Простых инженеров», едущих сюда на такси, было достаточно. «Такси» летало из Астрахани, затрачивая всего минут сорок в один конец, и приземлялось на отреставрированную вертолётную площадку, помнящую ещё Леонида Ильича Брежнева. Из гостей запомнился действующий посол, представляющий Россию в одном из арабских государств. Отпуска у послов, как рассказал он сам, длительные, от двух до трёх месяцев в зависимости от страны и, соответственно, тяжести несения государственной службы в ней. Сам он получал два месяца, один из которых проводил тут, на «Лотосе». Раз в неделю к нему навевалась жена проверить, всё ли в порядке. Также при нём находился помощник, в обязанности которого входило... Да что только не входило. Вернее, входило всё, кроме разве что... того единственного, ради чего и появлялась с такой периодичностью жена. Видимо, смена ориентации никак не могла ужиться с должностью представителя державы на международной арене, иначе и от жены посол отказался бы на этот месяц. Когда он попался на глаза первый раз, Илья решил, что это случайно заплывший в обход охраны местный бомж из соседней деревеньки. Синяки под глазами делали его похожим на Крошку Енота из мультика. Руки «лица страны» не могли удерживать стакан, не расплёскивая. Инин сразу присвоил ему имя Тень Отца Гамлета, что, естественно, саббревиатурировалось до ТОГ.

– О, новенькие! – дыхнул посол перегаром на вновь прибывшую компанию. – За Волгу, за Сталинград, за рыбалку! Стаканы в студию!

Он помахал рукой в сторону барной стойки, расположенной в углу кают-компания. Хотя по-русски такую комнату правильнее было бы назвать гостиной.

– Ты кем будешь, товарищ? – задал наивный вопрос Илья, не сильно ориентируясь по ранжиру в периферийных взаимоотношениях власть имущих.

– Я? Посол, – удручённо ответил тот, философски подняв вверх палец.

– Посол? Куда посол? Нет, ты нам налить обещался, куда это ты, посол?

И тут на выручку подоспел Юрий Иванович с несколькими гранёными стаканами советского образца в руках:

– Это наш посол Советского Союза! То есть России на Ближнем Востоке. – Расставив на журнальном столике водочные приборы и дружески обняв за понурые плечи нетрезвого мужика, воскликнул губернатор: – Ты как, Ларионыч? Елена Викторовна давно приезжала? Что-то ты на упыря походить начал, ну-ка, давай отметим сегодня встречу, и завтра чтобы огурцом с нами рыбалить поутру.

– Замётано, мой губернатор, – прищурил глаз сотрудник МИДа и вытащил из кармана мокрых штанов початую бутылку коньяка «Мартель», заткнутую свёрнутой в пробку квитанцией об оплате его номера. – Сейчас вот это замартелим и сразу на рыбалку, па-а-ардон!

– Не, Ларионыч, у нас сегодня утро рано началось, в шесть часов, к тому же с водочки. Мы вашу иностранную зелёнку не употребляем, мы русские люди, я казак донской в девятом поколении, мы беленькой припорошимся.

– Только коньяк! И только с лимоном, остальное всё неблагородно и напоминает пьянство! – парировал тот, пытаясь извлечь зубами затычку из горлышка. – Я вам не алкаш какой фуйню разную жрать!

И тут он не обманывал. Посол действительно не пил ничего другого и впрямь закусывал исключительно лимоном. За всю историю его заграничной службы на ниве международных отношений, работая в различных качествах и должностях, человек этот не пил ничего кроме коньяка. Из алкоголя, имеется в виду. И с этим напитком у него были очень странные взаимоотношения, как, впрочем, и с самим принципом употребления сего благородного пойла. Из двух месяцев положенного отпуска, как уже говорилось, один он проводил на базе «Лотос». А в течение второго приходил в себя от первого. Он в принципе не пил алкогольные напитки и даже коньяк в рабочее время. Амбассадорил-то он в исламской стране, употребление алкоголя в которой категорически не приветствовалось. А у местных жителей так вообще каралось смертной казнью. То есть во всё прочее, кроме отпуска, время, он даже не нюхивался в бухло. В нерабочее же жена привозила его на Волгу, селила в номер, который заполнялся коньяком и лимонами в количествах достаточных... Приставляла к государственному лицу лицо ответственное в виде его помощника, который следил за всеми возникающими у шефа проблемами, как то: иссякание напитка или лимонов, не по чину отношение к нему со стороны и так, на всякий случай. Всё время заточения посол находился в оперативном запое. В течение месяца он бухал коньяк, пожирал лимоны и немного кушал прочую еду, чтобы не исхудать до смерти. За этот срок самоизоляции он доходил до состояния начальной стадии белой горячки. После чего приезжала Елена Викторовна и при помощи адъютанта упелёвывала невменяемого муженька. Грузила его в вертолёт и под наблюдением привезённого с собой доктора эвакуировала на «большую землю». А именно в больничку, где его подлечивали, стригли, брили, делали массажи, переливание крови и ещё целую кучу медицинско-восстановительных процедур, дабы не потерять ценнейшего работника российской внешней политики. Сейчас как раз подходило время посольского «дембеля», до выхода на безалкогольную свободу оставались считанные дни.

Именно эта поездка и спровоцировала в Юре Вокакнахове неукротимое желание обзавестись собственной точкой отдыха на Волге, дабы не зависеть от причин, не зависящих от него самого и его решимости. На обратном пути в астраханский аэропорт он и дал знаковое, историческое повеление - базе быть! И строить её на землях, входящих во владения Юрия Ивановича Серова. Так и заложен был первый камень в долгую и насыщенную всевозможными перипетиями внеслужебную жизнь больших и серьёзных людей. Вице-губернатор выделил землю, назначил специально обученного человека и обозначил цели, которые были достигнуты в течение года. База вышла на загляденье. Местный люд обрадовался такой экспансии центровых пацанов в их обыденную реальность. Дача Юркина предоставляла им не только разнообразие в информационно-культурном аспекте, наполняя окружающую среду необычными и качественно другими людьми. Она ещё обеспечила некоторое количество рабочих мест, что в условиях периферийности региона было немаловажно для сверхуважительного отношения к новым хозяевам жизни. Люди из ближайшего хуторка, служившие при базе, выстраивались вдоль дороги, приветственно махая подъезжающим иномаркам. Юр Иванович за пару километров до места прибытия кортежа давал по мобильнику отмашку. Ритуал встречи был обязателен, независимо от времени суток. «Война войной, расписание расписанием, а порядок должен быть!» – таков девиз губернатора, он являлся его жизненным кредо, и отступить от него ни на шаг у хозяина области не было ни малейшего желания.

В областях, как принято говорить, «на местах» люди живут несколько по-другому, нежели в столицах. Здесь изменения происходят медленнее, если вообще происходят на значимом историческом отрезке времени. Тут, в отличие от муравейника мегаполиса, где народ может не знать имени своего соседа по лестничной клетке, человек всегда на виду. Особливо коли человеки эти публичные. А публичность и должности складываются исторически, династически и просто по дружбе. Серов являлся классическим примером элиты крупного промышленного, но всё же не центрального города. Чем дальше от центра, тем трепетнее отношение к старине, традициям и больше сопротивления новшествам. Как бы сейчас сказали с негативным подтекстом, люди там живут всё ещё «по-совковому». Ведь на этой совковости сформировались поколения. И не факт ещё, что всё в совке было плохо. Юрий Иванович был убеждён: далеко не всё! И старался из прошлого взять как можно больше этого хорошего да и перенести на почву сегодняшнего дня. Так он и делал, опираясь на свой жизненный опыт, поступал в соответствии со своей логикой и пониманием правильности жизни. Те, кто впервые посещали вотчину Юрия Ивановича, проходили некий ритуал посвящения. Губернатор лично водил экскурсию по историческим и знаковым местам. Иногда для этого специально выделялось время, или она проходила в цейтноте. А порой предлагалось

приехать раньше на сутки, дабы не суетиться. Но чаще всего традиция воплощалась по дороге на базу. Самых почётных гостей он обязательно привозил на пяток минут к своей маме. Считалось, что если губернатор познакомил с мамой, то это чуть ли не кровное породнение с его фамилией. Это было очень почётно. Мама Юрия Ивановича была маленькой чистенькой старушкой в странной шапочке, связанной из красной самовалаяной шерсти её же руками. Мама была очень старенькой и совсем глухой. Она жила в центре города в большой квартире с сиделкой, оплачиваемой сыном, на значительном удалении от его особняка. Но сын каждый день, независимо от напряжённости государственных дел, навещал её. Иногда привозя с собой компании. Обязательным итогом посещения мамы было одаривание ею гостей носками собственной вязки. Количество связанных носков за всю её трудную трудовую жизнь исчислялось, вероятно, цифрой с четырьмя нулями. Илья со временем выделил у себя дома отдельную полку для них в шкафу. Мама вязала носки всегда, делая перерывы на сон и приём пищи. Поэтому сиделке и сыну она не доставляла особых хлопот, главное, чтобы в доме была вода, какая-нибудь еда и килограммы различного цвета мотков шерсти. Как и всему её поколению, ей выдалась суровая, не сильно радостная и счастливая жизнь.

Илья колебался. Его волновали мысли о том, что он скатывается к обыденности, стандарту поведения «успешного мужчины». Семья, жена, не отягощённая восьмичасовым рабочим днём, сидящая с ребёнком дома. Хорошая, сносно оплачиваемая работа. К тому же под руководством и патронажем друга, что, естественно, расхолаживает и развращает во всех смыслах этого слова. Ни один наёмный работник в глубине души не согласен с достаточностью оплаты работодателем своих услуг. Со временем даже у супероплачиваемых работников возникает чувство неудовлетворённости зарплатой. И уверенность в том, что уж он-то точно достоин большего. Исключение составляют сотрудники, у которых имеется возможность дополнительно чего-нибудь подукрасть. В зависимости от размера возможностей некоторые и на саму заработную плату могут не обращать внимания. Ну, походы мужского организма средних лет к женщинам, берущим деньги за любовь, он неловкостью для семейных отношений не считал. Зов природы, мать её... Блин, и придумала же она такую зависимость от этих баб! Но вляпываться в классику – заводить любовницу для борьбы с коварным либидо? Неужели он такой же, как все? Ведь все мужики вокруг придерживаются алгоритма: семья – святое, муж – кормилец и добытчик, живёт ячейка общества как «сыр в масле», так что можно себе позволить и женщину на стороне. Как это всё примитивно и совково. Нет, себе он даёт слово только один раз примкнуть к примитивности мужского сообщества, к этому брутальному быдлечеству, то есть взять с собой на Волгу Маринку и более – ни-ни, ни разу, ни

полпраза, даже думать об этом забудет.

Кончил – дело, гуляй смело!

Лозунг в публичном доме

Созвонившись с Юркиным водилой, Илья забил стрелку прямо на Ленинградке, возле Путевого дворца. Как раз в глубине от шоссе находился один из филиалов империи Вокакнахова, где размещались службы одного из профильных департаментов, отвечающих за какой-то конкретный вид страхования. Тут у Инина имелось некое невзрачное дельце, но суть заключалась в том, что на территории можно было попользоваться стоянку и бросить тут свою «ласточку». Ведь вылет должен был состояться из Шарика, то есть Шереметьево. Так что ехать остальным предстояло мимо. Тут-то и решили застолбить точку сборки. Илья доделал свои делишки, обсудил стратегию раскрутки очередного проекта и забрал аванс. Потом он прогулялся до смердящего на шоссе потока машин, начало и конец которого скрывались в бесконечности. Как будто гигантский червь из пессимистической фантастики проделывал себе ходы в толще города, вырываясь на разгорячённую асфальтовую поверхность, зарываясь в жёлтый свет глубины тоннелей. Всё это рычало, дребезжало, воняло, выпускало могучую, еле сдерживаемую агрессию усталости от трудовой недели, медленно-медленно перемещаясь в душном пространстве. Пятница, шесть часов вечера, Ленинградское шоссе, направление движения – от центра. Илья созвонился со всеми участниками предстоящего приключения. Время он назначил с запасом, на полчаса раньше логистически рассчитанного срока, необходимого для того, чтобы добраться в Шереметьево-1, пройти регистрацию и... ринуться навстречу водке, икре, приятному общению у полуночного костра и свербящему в фантазиях разврату. Как ни странно, первым появился ягуар Вокакнахова. Подружки явно не торопились.

– Ну, блин, ты орёл, знаешь, как на латынь это слово переводится? AQUILA! Короче, окуила твоя голова? Ты где стрелки забиваешь? Хоть бы подальше от конторы отошёл. Здесь находится наш отдел разбора страховых случаев, – сразу наехал шеф, но, впрочем, по-пятничному, беззлобно. – Сотрудники домой собираются, а их начальник с Ининым блядей поджидают. Нормально!

– Я тоже тебя приветствую, – отрезал Илья. – Давно, сударь, вас стало волновать отношение сотрудников?

– В принципе оно меня не волнует, но всё ж неудобно как-то.

– А ты всё на меня вали. Скажи в понедельник на летучке, что Инин – маньяк, поехал на рыбалку с двумя девицами, заперся там на яхте и вернулся на берег перед самым вылетом обратно. Я ведь перед Ольгой всё на тебя валю, что ты с женой разводишься, вот и бес у тебя в ребре завелся. А меня в приказном порядке заставил лететь, хоть я и сопротивлялся. Но работа есть работа, вот и прусь с тобой и твоими девками, дабы шефчика ублажить.

Юрин водитель, привыкший к подобному стилю общения шефа и его друга, с улыбкой переводил взгляд с одного участника диалога на другого, не произнося ни слова. Он славился чётким соблюдением субординации, благодаря чему мог гордиться длительностью стажа на одном месте работы. Не каждый шофер-охранник похвастается занесением себе в заслуги подобного постоянства.

Пока они так смеялись, коротая ожидание, появилась Маринка. Она подошла явно от метро «Динамо». Кристина позвонила, что немного задерживается в пробке, но делает это уже совсем недалеко. Инин чмокнул девчонку в щёчку, посадил себе на колени на заднем сидении ограниченного пространства представительской машины. Юрий сидел спереди, рядом с водителем, что не противоречило этикету, ибо был без костюма с галстуком, а в «пятничной» форме одежды. Внутренний устав фирмы позволял приходить на работу без костюма в последний рабочий день недели. Но сидеть шефу рядом с водителем в «спецовке», как называл костюм с галстуком Вокакнахов, являлось нарушением церемониала.

– А чё так узко тут? – спросил Илья, устраиваясь вместе с подругой.

– Так ведь машина начальская, для большого босса, на заднем сидении восседать должно в одиночку. Посередине видишь ящик, это бар. Но тебя то мало должно волновать, в завязке ты наш.

– Неправильная тачила, некомпанейская, ни за что себе такую не куплю. Как это, машина большая, а места мало сзади чисто жопу приладить и шляпу на соседнюю сидушку.

– Это точно, во-первых, она стоит столько, что тебе не наворовать и за год. Разве что «Газпром» на твои корпоративки подсадить. Но там своих ухарей хватает, которые буратин газовых доят. Во-вторых, сами англичане говорят про свой автопром – рухлядь. Только сбрендивший патриот на них ездить может и «большие пацаны» в России. На сервис, как по графику, – раз в три месяца, сыпется, сука, особенно рулевая тяга летит постоянно. Вот спроси у Анатолия, как он с ней дрочится.

– А чё говорить-то? Юр Валентиныч, давно пора менять тележку, солидная, но геморная она. Мерина тоже не советую, он для водилы удобен, но сейчас мерседесы – удел бандитов и торговцев шаурмой, – вставил по просьбе шефа свою реплику шофёр.

Маринка сидела в узком пространстве, ощущая жесткость, ехать таким образом длительное время было бы неприятно. Она была мыслями в себе, что-то тревожное ворочалось внутри. Марина впервые согласилась на такой выезд. Если бы не обаявший её персонаж, стрёмно ввязываться в подобную авантюру. Но Илье она доверяла и доверялась, и решила, что самое время поддаться на уговоры.

– Юр, не забудь напомнить, чтобы я рыбы домой набрал. Могу ведь и протупить с такой рыбалкой, – он указал взглядом на Маринку. – Вспомнил прикол, Христенко рассказывал, ну, артист такой у Петросяна сейчас работает, сосед мой. Ты, Юр, его знаешь. Он вообще ведь рыбак на всю голову. И компания у него такая же. Короче, обсуждают они свои рыбацкие дела. А девушка то ли гримёр... неважно, рассказывает, что у неё муж тоже рыбак знатный. Каждые выходные рыбалить ездит. И рыбу, говорит, такую хорошую каждый раз привозит. Иногда даже живую. Карп называется. Но, говорит, больше одной не ловится чего-то. Те её спрашивают, типа, далеко ездит-то? Наверное, далеко. С двумя ночёвками.

– Не понял. А где это он карпа ловит по три дня и только одну рыбку славливает? – удивился Юрка.

– Дык и они не смогли понять, и жена, видимо... Ну, раз до тебя не дошло, то жена его точно не врубится никогда. Берёшь звонок другу? Как же хорошо, что существует на свете женская логика даже у мужчин кавказской национальности! А, понял наконец! Да, совсем недалеко находится рыбный магазин, а в доме напротив живёт любовница! Для особоодарённых разжёвываю! – Они посмеялись ещё, Маринка с полуулыбкой расслабилась, откинув голову на плечо Ильи. Кристина так и не подъезжала. Сотрудники группами и стайками потянулись к чреву станции метро «Динамо». Они вопросительно вглядывались в содержимое ягуара и тут же отворачивались, заметив примечательный автомобиль шефа, делая вид, что не обратили внимания. Некоторые чуть заметно кивали Илье, стараясь быстрее отводить взгляд, чтобы не дай бог не встретиться им с начальским, дабы не ставить того в неловкое положение. Они предчувствовали чреватость большой осведомлённости. Тут на маленькую дорожку, где стоял ягуар, свернуло такси, и из него выбралась последняя участница начавшегося уже отдыха – Кристина.

Аэропорт встретил их небольшой, но ропщущей толпой босоногих, жаждущих покинуть на выходные дни «нерезиновую». Три недели назад на транспорте произошёл теракт, посему продолжался месячник безопасности полётов, обычно затихающий в течение тридцати дней. Люд толпился по наваленным на асфальт сплюснутым картонным коробкам, держа в одной руке снятые ботинки и пытаясь второй не профукать свой багаж. Движение медленно поглощалось рамкой металлодетектора. Толпа просачивалась мимо столов досмотра, «телевизоров» просветки и изнывающих сотрудников безопасности, включая овчарок с высунутыми языками. Здоровый дух типа «отбой в казарме» витал над всем этим босоногим братством, перемежаясь с многоконфессиональным российским матом. Мат имел непосредственное отношение как к самим террористам, так и к тем, кто пытался подобными методами их обезвредить. Рейсы поголовно задерживались. Продумать систему досмотра и обеспечить хотя бы сиденьями пытающихся судорожно обуться пассажиров, видимо, придет в голову немного позже. А пока в Шереметьево, как, впрочем, и во всех аэропортах страны, творилось то, что русская самоидентификация называла словом «бардак».

Благодаря Ининской предусмотрительности они прошли регистрацию почти по распорядку. А с учетом дежурной задержки рейсов, усиления бдительности у них ещё было достаточно времени до посадки непосредственно в салон самолёта. Этот факт возбуждал в среднестатистическом россияне неудержимый инстинкт приглушить время ожидания в последней перед взлётом точке общепита. Заодно принять традиционное лекарство от всех болезней, в том числе от страха, морской и воздушной. Компания направилась в буфет. Илья всем заказал по чашке кофе.

– Может, коньячку? – спросил Юрий, с недоверием помешивая пластмассовой ложкой в не менее пластмассовом стаканчике коричневую жижу. – Отдых начался! Инин у нас в героической завязке, а дамам так уже пора.

– Запросто, – ответила Маринка, а Кристина отказалась и пошла к журнальной стойке, видимо, выбирать себе чтиво в полёт. С Кристей Вокакнахов познакомился не так давно. Случилось это на какой-то вечеринке в «Росрадио». Было ей двадцать четыре года. Несмотря на столь безбашенный возраст, девушка она была серьёзная. Складывалось впечатление, что подруга из тех, кто начитался книг до такой степени, что раз и навсегда разучился селфить себя айфоном через зеркало. Начитанная девица работала в конторе, занимающейся обыденным делом под названием консалтинг. Сие загадочное название, обозначающее такое понятие, как консультация, было настолько ёмко и модно, что подобные названия брали себе многие организации, зарабатывающие на

жизнь всем подряд, чего под руку подвернётся. Вернее, под такое название можно было включать чего угодно, любую деятельность и быть при этом относительно честным. Родом она была из Твери, а в Москву перебралась исключительно силой своих интеллектуальных способностей, с её слов. Развитием отношений между Юрием и Кристиной стал съём первым квартиры для второй. Именно Инину было поручено найти девушке хату где-нибудь поцентрее. В такие интимно-щекотливые дела ни сам Вокакнахов, ни его «поделщики», то есть «большие пацаны» – соучредители старались не посвящать посторонних. Для этих поручений как раз и имелся специально обученный человек – Илья. Как только он нашёл ей квартиру на Павелецкой, там сразу появилась Кристинина подруга Вика. Тоже из Твери. Как позже выяснилось, они обе были лесбиянки в давнем союзе. Этот сюрприз несколько не расстроил Юрия, наоборот, подобного опыта сексуальных отношений в нестандартном, расширенном формате у него никогда не было прежде. Он нередко захаживал к дамам. Иногда брал с собой то порознь, то обеих сразу в поездки за границу как на отдых, так и по бизнесу. Такие взаимоотношения не афишировались даже среди друзей. Знал о них лишь Инин, а у него с выносом информации за пределы их дружбы была полная могила. К тому же они считались им вполне нормальными, аж до зависти. Единственный обидный недостаток заключался в том, что этот куркуль ни разу не хотел с ним поделиться девчонками, сказывалась стойкая ментальность сына Кавказских гор, как думалось Илье. А вот о том, что его, Ининская, девушка зарабатывает себе на жизнь и обучение, подхалтуривая проституцией, Илья решил не распространяться. Девушка и девушка, мало ли где взял... нашёл!

Отдых тем временем набирал обороты. В самолёт так и не пускали, что поднимало продажи алкоголя в буфете. Сия накладка позволила Юрию и Марине принять на грудь грамм двести благородного напитка. На обе груди, по соточке каждой. Это в свою очередь послужило более близкому знакомству между ними, заметному по тому, как близко они придвинулись друг к другу на высоких табуретах. В ход пошла сигарета одна на двоих, так как, вообще-то, курение в баре не позволялось. Юрка что-то нашёптывал девушке в ухо, она делала удивлённые глаза и пыталась соорудить из себя разбирающуюся в страховом деле студентку. Илья, подыгрывая другу, стал выручать начальника и ухаживать за Кристиной. Они нашли общие интересы в обсуждении медицинских проблем. Инин развешивал ей лапшу на тему лоховских разводов со стороны известной фирмы, которая якобы делала полнейшее заключение о здоровье по анализу крови. Крестя, отхлёбывая бесконечный кофе, плела ему о последних достижениях зарубежных диетологов, которые всем рекомендуют начинать день с чайной ложки соды. И так далее. Когда они затронули тему вреда употребления в пищу продуктов из генно-модифицированной сои, объявили

посадку.

Самолет взлетел и, заложив крен, стал забираться вверх и направо. Юрка прикорнул, утомлённый тяжёлой трудовой неделей и коньяком. Кристина сидела с ним рядом и листала заготовленный в аэропорту журнал «Космополитен». Вторая пара села сзади них согласно местам, указанным в посадочном талоне. Разомлевшая Маринка вертелась рядом с Ильёй, то вглядываясь в иллюминатор, то прижимаясь к нему. Потом её рука как бы случайно скользнула ему между ног:

– Ой, что это! – наигранно удивилась она.

Илья взял с подлокотника ветровку и небрежно бросил поверх её руки так, чтобы никому не пришло в голову заподозрить их в чём-либо.

– Это трава в баночке из-под таблеток и ещё там целый грамм кокаина. Я, когда толпу босую увидел у входа в аэропорт, чуть не обделался. Пипец, думаю. Пока в очереди толпились, втихаря в трусы перепрятал. Потом, когда в баре сидели, смотрю, крендель с собакой идёт, кинологи, блин. Ну, думаю, шандец. Сейчас за жопу возьмут, и поедете вы без меня. Юрке-то, мож, и по кайфу такой расклад – с двумя девчонками тусануться. А мне – совсэм турма. Но, как видишь, всё обошлось. То ли собаки – специалисты узкого профиля, чисто по гексогену, то ли дембель у них скоро, и они забили на всё.

Маринка томно улыбнулась ему и положила голову на плечо, прошептав:

– Хочу уже скорее остаться с тобой наедине. – И чмокнула в мочку уха.

– А ты продолжай, продолжай, подготавливай почву для сегодняшней мистической ночи, – сказал он. А она, оставив на прежнем месте руку, стала нежно перебирать пальцами.

Тут вдруг проснулся Вокакнахов и, повернув к ним совершенно трезвый взгляд, вопросительно окинул им разомлевшую парочку:

– Ты анашу не забыл?

– Вот это чуйка! Вот это протелепал? Или слышал, о чем мы говорили? – он приподнял ветровку и показал Маринкину руку, рядом с которой из джинсов выпирало что-то слишком объёмное, для естественного содержимого. – В общем-то, можно вынимать, теперь уже ни облав, ни засад быть не должно. Давай в карман переложу, а ты продолжай, продолжай! – Последние слова относились к Марине и её руке.

Телек включил, реклама достала? Срочно прими пол-литра «Кристалла».

Народная реклама

– Дамы и господа, наш полёт проходит на высоте девять тысяч сто метров, – вдруг громко и чётко поведаль динамик, встроенный в панель над головой. – Просим вас привести спинки кресел в вертикальное положение...

– Во, ещё и кормить будут! – удивлённо восторженно воскликнул Вокакнахов и вопросительно поглядел на девушку-стюардессу, толкающую по узкому проходу тележку-ящик. – Тогда коньяк нужен.

– Простите, питание на нашем рейсе не предусмотрено в связи с небольшой продолжительностью полёта, – заученно отработала та с дежурной аэрофлотской улыбкой. – Напитки у нас платные, могу предложить... – девушка взяла в руки бумажку со списком продукции, расставленной на тележке. И стала водить по ней пальцем, пытаясь обрадовать ценю первых покупателей «товаров повседневного спроса». В её ведомстве находились алюминиевые банки пива, газировок, маленькие бутылочки с вином, крепким алкоголем и различный закусок в виде шоколадок, орешков, чипсов и прочей ерунды, которая на языке офисной братии называется ништяки. Горячие блюда были представлены разогретыми в микроволновке хот-догами. Венчала всё это упаковка туалетной воды «Фаренгейт», судя по обшарпанности коробки, совершившая не один виток вокруг Земли.

– Простите, Юлия, – вчитался Илья в бейджик стюардессы. – У вас не найдётся бутылочки «Людовика XIII», шеф помирает, коньяку просит! Другого не пьёт.

Девушка снова начала водить пальцем по списку. Потом, соорудив озабоченное лицо, отрицательно покачала головой.

– К сожалению, нет такого сорта...

– Какая жалость, – обречённо обхватил голову руками Инин. – Ведь помрёт же! Ну, тогда мне... стакан «Агдама». Выпью его не чокаясь за светлую память своего старого боевого товарища...

– Извините, мы стаканами не продаём, у нас порционные бутылочки... А «Агдама» тоже нет, простите...

– Девушка, не обращайтесь вы на него внимания, – вмешался Вокакнахов. – У этого прохиндея профессия такая, людей веселить, только не всегда смешно

получается. Клоуном он работает. Дайте нам пару бутылочек чего-нибудь, что у вас ближе лежит. Только не ему в руки. Разобьёт, хоть они и пластмассовые. Знаете, он когда в тюрьме сидел, ему дали две гири пудовые спортом заниматься. Так одну сломал, другую потерял в камере, во как. Девушка, между прочим, на работе, в отличие от некоторых бездельников, не стоит над ней стебаться.

Последняя фраза была адресована Инину, но с расчетом, что стюардесса услышит. Илья сам достал из телеги хот-дог, положил за него денежку и критически осмотрел. Сначала он его понюхал, потом надкусил и пожевал немного.

– Первый раз в самолёте вижу такой хавчик. Видимо, и сюда дотянулась алчная рука «Макдоналдса».

– Так, оседлал свою любимую тему, сейчас мы услышим всю кошмарную жуткость о производстве мясных изделий, он ведь у нас некогда колбасником был, - вставил веское слово Юрий. – Ну давай, «гунди, как космические корабли бороздят просторы Большого театра». Вообще-то, в «Макдаке» нет хот-догов, ты спутал, там биг-маки.

– А какая хрен разница. Ты тоже спутал, колбасники – это те, которые всех колбасят. То есть спецназ, ОМОН, ВДВ, кто там у нас ещё? А я народ кормил. Правда, сам не ел то, чем других потчевал. Ибо это продукт не пищевой по большому счёту. Вот пусть народ и ест, а я обожду. Знаете аник на эту тему? Напомните, позже расскажу. Пока про тонкости колбасного производства. Было это, как сейчас помню, в последние десятилетия двадцатого века, – театрально начал Инин. – Служил я тогда поставщиком ингредиентов для нашей родной мясоперерабатывающей промышленности. Приезжали купцы заморские из Америк бесовских, да и окрестные барыги европейские не брезговали впарить нам всякую хрень свою толерантную, для изделий мясных сподручную. Вот той хренью от лукавого и банчил я совести своей вопреки. Каюсь, потравил народу немерено, за что грехи свои до конца лет замаливать обречён. Тогда я дива такого в рот не тянул, ибо осведомлённый в делах мясницких был зело. Теперича годы прошли, и позабылося зло многократное, кормом тем приносимое. Ан коли голодомор на Землю нашу опустится, и не такую гадость сожрать позволительно. Много я где побывал с чудесником своим технологом. И на крупных московских комбинатах, и в уездных артелях сосискокручивательных, и по частникам бесстыжим, – он откусил половину «горячей собаки» и с видимым удовольствием прожевал.

– Ну как, не отравился? – спросила Кристина, повернувшись.

- Вскрытие покажет, - тоже обернувшись, вставил Юрка.

- Надеюсь, в ближайшие три дня до этого не дойдёт. Иначе я тебе не завидую, - Илья покосился взглядом на Маринку и сделал огромные глаза. - Ох, и трудно же тебе тогда придётся, брат. Ты как жентльмен не оставишь девушку на отдыхе и одну? Правильно?

- Да, Юра, я как-то уже настроилась... Без мужчины не пойдёт, - подыграла Марина. - Не с удочкой же на берегу сидеть. Кристин, придётся войди в положение...

- Вот этого только не надо, про положение это ты зря, не накаркивай, с остальным полностью согласна! - ответила Кристина.

- Да уж. Добрые вы, - продолжал Илья. - Я им о вечном, о человеческих гуманистических ценностях, а они? Во, кстати, о вечном, то есть об искусстве. Ему место везде, даже в столь прозаичных и обыденных вещах. Помните, реклама была: «Если завтрак, не вопрос, есть сосиски „КампоМос“». А я продолжение написал к сей нетленке. Был там технологом один перец, Андрей. Я его много лет знавал, ещё с Клинского мясокомбината, но не суть. Послал ему по мылу свой стих с припиской, что, мол, если не будет покупать у меня сою, я этот шедевр в прессу запущу.

- Блин, не томи уже, что за стихи-то? - дёрнула его за руку Марина.

- Ты лучше расскажи, чем закончилось. Сою стали твою брать? - улыбнулся Вокакнахов. - Чего-то бизнес у тебя так и накрылся.

- Сою, конечно, покупать стали. Но немного и недолго. Потом кризис опять же. И рекламу ту убрали, и я из бизнеса ушёл, вернее, меня ушли. Но суть-то не в этом. Я, повторяюсь, ему о вечном, об искусстве, блин. А он всё про бабло, - Инин сделал актёрскую паузу, заодно дожевывая сосиску. - Так вот, стихи были следующие:

Если завтрак, не вопрос,

Есть сосиски «КампоМос».

Чтобы не было поноса

От сосисок «КампоМоса»,

Принимаем мы мезим -

Продристаться не хотим.

Марина перестала жевать, Юра засмеялся, а Кристина даже хлопнула в ладоши.

– Приятного вам аппетита, товарищи! – закончил Илья.

– Запомнить надо, или лучше в айфон запишу, – не успокаивалась Кристина. – Повешу над столом в кухне.

– Базара нет, дарю!

– Он у нас ещё тот Вознесенский, Евтушенко и Резник в одном флаконе, – добавил Юрий. – Знаешь, что он про меня написал? Во-во-во, про Зюганова лучше расскажи.

– Ой, расскажи?

– Почему сразу про Зюганова, я на личности никогда не переходил. Это просто эпиграф, вступительная речь на съезде:

Как и многие из нас,

Я не ем товарищей,

Потому как мой проктолог

Это отвергающий!

Народ засмеялся, на них стали обращать внимание окружающие.

– А про Юру?

– А про него... Ну, суть в том, что живёт наш олигарх в Серборе, то есть в Серебряном Бору. Это предыстория, ибо без неё не смешно, так как непонятно, в чём прикол. Сколько земля в Бору стоит, пояснять не надо? Так вот этот латифундист скупил половину Бора. Себе, брату, родителям, одной жене, второй... Про любовниц я не в курсе... И жена у него, вообще-то, одна была всегда. Так вот:

Сотня лет прошла в Бору.

Вы представьте ту пору:

Дверь какую ни толкни –

Вокакнаховы одни.

Девчонки зааплодировали, скорее, даже не стихам, а трогательным отношениям двух взрослых мужиков между собой.

– На самом деле у меня этого добра завались. Вот продолжение про жизнь их несчастную в Бору:

А из нашего окна

Хата Ведуна видна.

А из нашего окошка –

Алахвердова немножко!

Уши начало закладывать, загорелось табло с просьбой пристегнуть ремни, самолёт начал снижаться.

– Ну всё, давайте будем законопослушными и безобразия нарушать начнём позже. Вот вам напоследок, чтобы приземляться было веселей, к тому же в тему, если кто боится: «Застал вездесрущий туалет, ИМОДИУМ, диарее – НЕТ!»

Пассажиры почувствовали лёгкий толчок при касании самолетом бетонки. Многотонная махина, включив двигатели на реверс, неслась по взлётке, гася скорость. В иллюминаторе уже виднелось двухэтажное здание, будто бы клонированное для всех аэропортов волжских городов. Самолёт остановился, и на мгновение наступила гнетущая тишина. Которая вдруг резко нарушилась шумом и гвалтом встающих пассажиров, успокаивающих их стюардесс, хлопаньем ладош и полок для багажа. Потом через динамики громкой связи раздались призывы командира корабля не вставать со своих мест. Всё обыденно, суетно, короче, как всегда. Два чёрных лексуса, джип охраны и микроавтобус, и ещё несколько автомобилей стояли напротив двери самолёта, к которой специально обученные люди нехотя подкатывали трап. Товарищи в чёрных костюмах возле джипа, губернатор в белой рубашке, но без галстука, группа ответственных чиновников из областной администрации терпеливо ожидали открытия этой заветной двери.

– Ну ты глянь на него! Ещё бы оркестр подогнал и дорожку ковровую, – показал пальцем в окно Юрий.

Они первые стали спускаться по трапу, специально приглашённые к выходу отдельно от остальных пассажиров. Видимо, губернатор передал на борт описание своих гостей.

– Вот они, наши большевики с большой дороги! – Расставив широко руки, шёл навстречу глава области. – Я вас уже второй час поджидаю.

– Юр Иваныч, вечер пятницы. – Вокакнахов указал в сторону группы сотрудников областной администрации, на почтенном расстоянии выстроившихся возле машин. – Зачем ты народ мучаешь, дай людям отдых.

– Порядок должен быть! – Они обнялись. – Ничего, два выходных впереди. Не каждый день к нам такие гости из столицы приезжают. Понимаешь, Юр Валентиныч, людям слабину давать нельзя, не по-русски это, не поймут они нас. Здравствуй, Кристина. А как вас зовут, очаровательное юное создание?

– Её зовут Марина, – вмешался Инин. – Это, Юр Иваныч, моя дочка, то есть племянница, пардон. Студентка, почти комсомолка. И просто замечательная девушка, кстати, учится на юридическом. Юр Иваныч, ты вот русский человек, а говоришь неграмотно, я тебя уже поправлял: не поджидать, а подъевреивать, мы же культурные люди!

Вице-губернатор обнялся с Ильёй, поцеловал ручки девчонкам и, взяв Юрку под локоть, повёл к своей машине. Видимо, им необходимо было поговорить о делах.

– Илья, командуй. Сажай дам в автобус, там бар, суши, сало, зелень, водка, пиво, капуста квашеная, огурчики. У нас самообслуживание сегодня, банкуй.

Проголодались, небось, с дороги. А нам дела порешать ещё надо, мы в офис заскочим. Вы прямиком на базу, мы вас догоним. На обратном пути, сударыня, напомните мне пораньше выехать, я вам экскурсию по городу ещё устроить должен, – выдал инструкции Юрий Иванович, в конце отдельно обратившись к Марине. Шефы сели в губернаторский лексус, и тот беззвучно пошуршал к выезду со взлётного поля, сопровождаемый чёрным внедорожником.

База находилась в ста пятидесяти километрах от аэропорта. Административно то была уже другая область, начало которой отмечено большим православным крестом примерно на полпути следования. Расстояние по периферийным российским меркам небольшое. Дорога занимала полтора часа, если ехать колонной с эскортом машин администрации. И часа два, два с половиной, если без понтов. По дороге туда понты являлись лишь атрибутом, удовлетворяющим эго гостей и большого смысла не имели, ибо народ не опаздывал никуда. А вот обратная дорога по большей части представляла собой цейтнот, так как неторопливые гости губернатора не обременяли себя спешкой к самолёту, будучи уверенными, что без гостей отцов города самолёт не улетит. Оно так и происходило. Нередко рейс задерживали по звонку Юрия Ивановича, когда кавалькада машин заезжала к памятнику погибшим во время Великой

Отечественной войны. Вице-губернатор чтит традиции и относился к отдаче почестей даже как-то суеверно, с мистическим подтекстом: «Чтобы дорога была хорошей, а взлёт заканчивался традиционной посадкой». Этот ритуал возник у него сразу после теракта, совершённого несколько лет назад. Большая компания его гостей, в которую входили и Юрий с Ильёй, вылетела тогда в Москву обычным рейсом. Потом, рассказывая ему эту историю, Инин вспоминал, что лётчики брали в кабину пилотов его сына, трехлетнего непоседу, летевшего в составе их группы. После посадки в Домодедово они добрались домой и из новостей узнали, что буквально двадцать минут назад, выполняя обратный полёт, этот рейс был взорван террористкой-смертницей.

По традиции на стыке областей, возле креста, отъехав на сотню метров от святого символа, машины останавливались, давая возможность пассажирам «сходить до ветру». Откидные задние дверцы джипа охраны открывались на манер столика. Женская половина компании уходила в сумерки, мужская пила, не утруждая себя дальними перемещениями от транспорта. Именно тут, на середине пути, полагалось выпить рюмку за крест, въезд в соседнюю область и так, для «большой лучшести». На сей раз Юрий Иванович позвонил водителю микроавтобуса и указал ему дожидаться сбора всей колонны именно тут. Солнце уже давно село за пыльный горизонт волжской степи. Сумерки сгустились до состояния южной ночи, дело шло к девяти часам вечера. Самое время уже было переводить отдых в активную фазу. Исполнение традиций прошло в уплотнённом графике, как только отставший лексус нагнал их и компания оказалась в сборе. «Ну, за половину дороги, за Астраханскую область, за будущую рыбалку, за новых дам, впервые ступивших на волжскую землю...» Быстренько закусили салом засолки матушки Юрия Ивановича и быстренько рванули дальше, долго не рассиживаясь.

Свернув с трассы на условно асфальтированную дорогу, ведущую к основному руслу Волги, машины проехали деревеньку, ту самую, где в основном и жил обслуживающий базу персонал. Давным-давно Илья обозначил её как «деревня Уяковка». Это произошло несколько лет назад, когда он приехал сюда что-то купить в местном сельпо. Пьяненький мужичок, ошивающийся окрест, сразу признал в нём обитателя базы. Впрочем, трудно было бы не понять этого, увидев незнакомца на базовском квадроцикле, откровенно не местного и приехавшего с той стороны, где располагалась база. Прозорливый дядька явно собирал денежку на опохмел. Поэтому начал выдавать различные хитрые секреты рыбной ловли, видимо, свойственные именно этой конкретной местности, в надежде на благодарность, эквивалент которой выражался в банке пива. Он сопровождал свои пояснения известными российскими междометиями, но, как

культурный человек, самое матерное слово заменял смачно произносимым «уяк». Причем «уяк» у него было всё, начиная от насаживания червяка на крючок. Это действие определялось как «червячка уяк», заброс наживки – «спиннинг уяк», ну а когда клюнет, то маленькую рыбу «просто в лодку уяк», а большую «обязательно темляком уяк». Название так прижилось, что Вокакнахов рекомендовал Серову официальное переименование. И даже предлагал оплатить все материальные издержки. Ведь это недешёвое дело: надо карты перепечатать, в реестры внести и так далее. Однако в народе уже и без карт такое имя хуторка прижилось.

База встретила их выстроившимся у ворот персоналом: «А вот и баре едут!» Со стороны кухни доносились интригующие запахи. Стайка девчонок стояла несколько обособленно и стеснённо-перепуганно. Видимо, для тех, кто «без самовара», был завезён «спецконтингент из педагогического института». Руководил торжественной церемонией Миша по кличке Хохол. То был известный в городе бизнесмен, ближайший друг губернатора ещё по комсомольской молодости и работе. Миша носил бородку, которую Илья охарактеризовал как «забыл умыться». Он был четырежды женат. Всех своих жён, а не только от последнего брака, он содержал. Построил им дома, обеспечил машинами. В каждой семье насчитывался как минимум один ребёнок. У Хохла был составлен план посещения своих семей. Последняя, вернее было бы сказать, действующая жена позволяла проводить в чужом доме одну ночь в две недели. В каждом по некогда составленному графику. Илья с трудом мог себе представить подобные взаимоотношения, но... у богатых свои привычки. Наверное, для кого-то такие договорные браки и разводы вполне могут вписываться в концепцию нормальных взаимоотношений ради выращивания потомства. Но как можно тащить на себе подобный ворох проблем, забот, обязанностей и прав, Илья себе представить не мог. Для себя лично. Хотя он настолько ленив, что со своими бывшими жёнами общается раз в три года. И то не по своей инициативе. По количеству браков они с Хохлом делили пальму первенства среди всех знакомых. И это их роднило. Но куда ему до Хохла, тот вырвался вперёд со счётом четыре – три. Мишина мечта, о которой он поведал Илье не так давно после энного количества принятой на широкую украинскую грудь горилки, заключалась в следующем: купить несколько гектаров земли, вырыть на ней огромный квадратный пруд, поставить по краям четыре дома и заселить туда свои семьи. Чтобы жили все рядом, но не под одной крышей. В таком случае недалеко будет ходить в гости. Чтобы они все собирались по вечерам за большим столом. Дети играли все вместе и боготворили папу. Жёны дружили между собой и помогали друг другу. А самому себе построить небольшое помещение посередине пруда на сваях, где можно будет уединяться, когда

совсем всё достанет. Видимо, Хохол был большой почитатель Востока или фантазёр-утопист. Но мечтать не вредно, особенно если деньги позволяют. Миша же напоминал со своей безудержной энергией героя анекдота, который обращается к врачу по поводу полового бессилия, говоря тому, что кроме жён, пары любовниц у него ещё и мальчик имеется каждый день. Доктор ему объясняет, что тогда всё понятно, это у него от переутомления, надобно отдохнуть, и всё пройдёт. Ну, в таком разе доктор его успокоил, ибо он переживал, что проблема происходит оттого, что он онанизмом занимается. Так что некоторые Мишины проблемы разрешались несложно, а вот над другими ему ещё предстояло поломать голову, и деньги у него на то были.

Завидев въезжающие на территорию машины, Хохол махнул рукой. В небе с грохотом расцвел букет китайского салюта. По окончании залпа и обнимашек с рукопожатиями, вспыхнули прожекторы, выхватив сколоченную возле воды эстраду. Грянула музыка в исполнении нескольких далеко не юных музыкантов. Это можно было определить даже по репертуару: зазвучала битловская композиция про жёлтую подводную лодку. Звук был, как говорится, живой, без фонограммы, в этом вопросе Илья съел не одну собаку и обман мог легко определить.

– Ну, где это вы столько времени лазили, где вас носило, москали, блин! Я тут который час торчу, как позабытая пьяным проктологом клизма, а они в хрен не дуют! Простите, девчонки, – он прильнул к руке Кристины, потом нерешительно взял в свои руку Марины. – Вас, сударыня, когда-нибудь встречали такой музыкой? Как, вы говорите, вас зовут?

– Мариной, только я пока ещё об этом не говорила, – улыбнулась та, несколько опешив и не отрываясь от своего кавалера, то есть Ильи.

Хохол тем временем на мгновение исчез, промелькнул возле музыкантов, возник справа, где под навесом складировали снедь и алкогольные припасы. И вновь вырос перед выгружающими из машины поклажу гостями. Он размахивал бутылкой безалкогольного пива:

– Илюха, это, между прочим, тебе. Из моего магазина, больше на Волге нигде не возможно купить безалкогольный «Гролш». На меня, если честно, смотрели как на идиота, когда я на складах его заказывал в Москве. Они долго расспрашивали, кто может, собираясь на рыбалку, да ещё на Волге, купить подобную дорогушную и абсолютно не вставляющую, беспонтовую туфту. У нас такую хрень никто даже не нюхал, гы!

– Вот спасибо, я и забыл совсем затариться, вот уважил! Только не надо опять про деградацию и о том, что безалкогольное пиво – первый шаг к резиновой женщине. Слышал неоднократно, не согласен, да и справка есть, что всё это триндэж, вот у Вокакнахова спроси, по части резины это не ко мне! Хотя, конечно, в нашем возрасте... В нашем возрасте даже ориентацию, и ту сменить не зазорно! Ты, Мишутка, кстати, один сегодня приехал, проказник...

– Ой-ой-ой, москванцы, совсем на этой теме зациклились. Одно извратство в голове. Насчёт смены ориентации ты не тринди! Пидор из тебя, как из какашки пряник, даже представить не могу, – не успокаивался Хохол, отводя Илью немного в сторону. – Одна – это Юркина Кристина. А вторая, Марина, – это, стало быть, твоя? Правильно? Ну я так, для информации, чтобы не дай бог...

– Слюни подбери, манишку зальёшь, химчистка далеко. Это дочь моя от первого брака, – вдруг пришла Илье экспромтом забавная мысль. – Я её маме обещал свозить девочку отдохнуть перед учёбой. Загореть, сил набраться. Она студентка, в МГИМО учится на юридическом.

– Сколько же тебе лет, отец-герой? У вас разница лет пятнадцать!

– На лжи не поймаешь, всё сходится, мне было девятнадцать, когда она родилась. – Илья, действительно, только сейчас сообразил, что по возрасту вполне так и получается, надо же! А то, что он так молодо выглядит, ему очень польстило и обрадовало. И сразу в голову пришла статья из какого-то мужского журнала о том, что можно и чего нельзя мужчинам в определённых возрастах. Там говорилось, что до тридцати шести нельзя спать с женщинами вдвое моложе себя. Ну, по смыслу и так было ясно, что в два раза моложе, значит, до восемнадцати. Такой акт признаётся растлением несовершеннолетних и карается тюремным сроком. Однако мозг наш хранит кучу всякой ерунды в ячейках своей памяти. Ерунда свёрнута в зипы и заархивирована. Когда и под воздействием чего вскрываются эти файлы? Интересная вещь – наши мозги, они сами не знают, что и как, и под воздействием чего в них происходит. – А чего, вообще, мы тут стоим, такие запахи по-над Волгой матушкой. Пиво у нас хорошее безалкогольное имеется, пойдём, научу делать самый модный сейчас напиток – «Ёрш лайт». Берём сто грамм водки и смешиваем со ста граммами безалкогольного пива...

Они пошли к расставленным недалеко от сцены столам, обслуга потащила вещи приезжих, распределяя их по номерам согласно имеющейся договорённости, кто, где и с кем будет жить. Из колонок со сцены раздалось:

Прекрасная синьора, синьорина,

Ты, как надежда, мне всегда нужна,

Ты для меня Мариночка, Марина,

Любовница, невеста и жена.

– О боже, – только и сумела сказать обладательница имени, про которое звучала песня. Видимо, так было задумано Хохлом, и он передал исполнителям, как зовут новую даму, прибывшую из Москвы, чтобы поздравить её с этим событием песней. – Терпеть не могу Шуфутинского.

Лучше переест, чем недоспать.

Аксиома

Места за столом никто не распределял, тесноты не предусматривалось. Мест хватало. Москвичи, естественно, сели ближе друг к другу. Юрий Иванович оказался по соседству с Юрием Валентиновичем. Через их девушек, сидящих рядом, примостился и Инин. Спецконтингент долго стоял в нерешительности, пока Хохол не усадил их с мужиками, сошедшими со сцены, стараясь соблюсти парность, то есть мальчик-девочка.

– Вот скажите мне, други мои москвичане, встречал ли вас кто-нибудь когда-нибудь такой музыкой. Да ещё чтобы руководителем оркестра (как бишь его называли раньше, во, ВИА, вокально-инструментальный ансамбль) был начальник налоговой полиции области? А солист и гитарист – глава ФСБ? А барабанщик – генерал юстиции, генеральный прокурор области? – воскликнул вице-губернатор.

Народ зашушукался.

– А у нас на подконтрольной территории и не такое возможно! У нас, братья, на Волге всё возможно. Послушайте, какая сплочённость, между прочим, уже более тридцати лет этой сыгранности! – гордо сказал руководитель музыкального коллектива. – Мы втроём одноклассники, Фёдор Иванович, бас-гитара, по совместительству возглавляет отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Ну, он помладше будет на класс, салага ещё!

– Оба-на! – переглянулись московские гости, предоставив отвечать Илье. – Юр Иваныч, предупредить надо. То, что у меня с собой в баночке, это чисто хмели-

сунели.

- Тебе беспокоиться не стоит, московские наркоманы в его компетенцию не входят, особенно если они в гости к нам приезжают. Ха! А на территории базы вообще действует закон о легализации. Кстати, товарищи руководители области, может, подготовим проект на рассмотрение центральных властей по легализации конопли на территории Царицынской области? Кто за, прошу поднять руки, - продолжал шутить на тему вице-губернатор. - Надюша, а чего это у нас сегодня с икрой, что, уловы снизились?

- Ой-ой, обождите, мигом поднесу! - перепугалась повариха Надя.

- Если серьёзно, вопрос легализации употребления конопли периодически поднимается. Но перспектив его принятия на современном этапе развития общества не просматривается. О ней, легализации, даже не может идти речи. Причин много, обо всех них сейчас говорить не будем, ибо мы не на заседании городской думы, - продолжил Юрий Иванович. - У нас есть чёткое понимание вопроса и столь же чёткий посыл из центра о реагировании на него.

- Иваныч, - прервал его Инин. - Выключи, пожалуйста, в себе губернатора. Мы на отдыхе. Ты не ту тему завёл, раз у нас на базе полный легалайз, какая разница, что там за забором происходит, какой там посыл вам из центра подогнали. Давай не будем смущать начальника по незаконным оборотам. Во, лучше по бутерброду «а-ля Юр Иваныч» от шеф-повара, то есть вице-губернатора.

В это время Надюша поставила на стол свежий эмалированный тазик с самыми дорогими, элитными дарами Волги. Илья взял помидор среднего размера, разрезал пополам, вынул столовой ложкой из половинок серединки и, положив вместо них по полной икры, одну дал Маринке, вторую засунул себе в рот.

- Вот, бутерброд по-юривановичски, икры можно и больше положить, главное, чтобы в рот пролезло целиком, на один жевок!

- О, а ты в этом сомневаешься! - Маринку явно уже разморило от впечатлений дня и выпитого алкоголя. Почувствовав расслабленность, она поняла, что стесняться уже можно прекращать. А шутки на тему секса у мужиков среднего возраста явление настолько обыденное, что они не воспринимают их как пошлость. И чего их так плющит и колбасит на сию тему?

Она закинула под столом свою ногу на Ининскую.

- Так, молодёжь, - Юрий Иванович поднялся со стаканом в руке и строго посмотрел на неё с Ильёй. - Сейчас я скажу тост, мы выпьем, а потом делайте

что хотите. Может, и мне дадите попробовать? Шучу. Не по чину мне, и кашель к тому же. Я, кстати, вообще никогда ничего не курил. Понять не могу, какое удовольствие от всего этого. Вы, это, Фёдору Ивановичу, как там на вашем сленге называется? Во, «забейте косяк», он должен прочувствовать в деталях все нюансы того, с незаконным оборотом чего борется! Ну, как сказал, красиво? Я, правда, сам ничего из сказанного пока не понял.

– Юр Иваныч, а ведь в прошлый раз тебе уже предлагалось. С водкой она плохо сочетается. Но тебе можно, ты рюмки всё равно половишишь, – напомнил Илья.

– Нет уж. Ну её. Мы как-нибудь беленькой обрыбимся по старинке, как деды завещали.

Губернатор сказал тост, который начинался, как всегда, за дружбу, достигнутые высоты и друзей, без помощи которых таких высот никто бы из присутствующих не достиг. Вот так дружба и проверяется десятилетиями. Вот так она теперь и собирает их всех вместе за одним столом. И так далее и тому подобное. А заканчивался спич фирменным губернаторским о важности гостей: «А через вас и нам – почёт и уважение!» Ораторское мастерство Юрия Ивановича было известно многим присутствующим. Текст речи тоже претерпел не так много изменений с последней пьянки. И концовка её по наработанной схеме заставила всю мужскую составляющую компании встать и стоя выпить за присутствующих здесь дам, ибо обобщённый тост за гостей из столицы уже пили многократно. Дамы имелись в виду все, независимо от тяжести поведения. Атмосфера от рюмки к рюмке становилась всё более дружественной. Темы затрагивались весьма разнообразные от котировок ценных бумаг до удачных покупок жен на амстердамской алмазной бирже. Миша Хохол, поддерживая свой образ, уже плотно взаимодействовал со спецконтингентом, рекомендуя им выучить к следующему вечеру несколько частушек вполне прогнозируемого репертуара. Самая безобидная из которых заканчивалась словами: «Не страшитесь, девки, секса, хрен во рту полезней кекса». Это спровоцировало губернатора развивать тему нахождения общего языка с незнакомой женщиной в постели. И проблему, куда его девать после нахождения. Тема сделала своё дело, народ самопроизвольно разбился по парам. В ночном воздухе витал дух застолья, необременённости и разврата. Илья с Мариной уже разок отходили «подышать», по привычке стесняясь курить наркотические средства в окружении представителей силовых ведомств.

– Так, – поднял палец вверх Серов и поднялся сам. – Время, братцы дебоширы-алкоголики, позднее. Подъем завтра в пять тридцать утра. Все разбились парами и по палатам. Федотыч, ты снасти проверь, подготовь. Эти курортнички сейчас накурятся, натрахаются, себя помнить не будут.

Водитель губернатора встал и молча пошёл выполнять распоряжение шефа, которого знал уже много лет, он начинал свою службу у отца теперешнего хозяина области.

– Ну, кто со мной? – не выпускал инициативу из своих рук Юрий Иванович. Он обнял за плечи девушку, оказавшуюся рядом с ним. – Как тебя зовут? Ты откуда будешь? Массажики делать умеешь?

– Ира, из Самары я. Учусь на филологическом.

– Ну пошли спать, добрая самаритянка. Филология – это хорошо. Знать, языком владеешь.

Компания восприняла слова Юрия Ивановича как приказ и довольно быстро покинула пиршественный стол. Часть гостей перед сном решила прогуляться на реку. Парочки разбрелись по домикам. Хохол с двумя девушками пока сидел у разорённого стола, видимо, затевал на завтра какой-то сюрприз. Москвичи переместились в гостиную, являющуюся общей комнатой, в которую выходили двери их номеров, по волжской традиции называемой кают-компанией. Домик на два номера стоял отдельно. Это были эксклюзивные владения Вокакнахова, ни при каком раскладе не занимаемые никем даже в его отсутствие. Здесь им никто не мешал. Три составленных буквой «п» огромных дивана замыкались в квадрат столом с установленной на нём панелью телевизора и аудиоаппаратурой. Тут-то и устроилась компания, чтобы курнуть перед сном. Юрий присел на средний диванчик и прикрыл набухшие веки. «Какая же мутная и нервная выдалась крайняя неделя. Надо было бы, по-хорошему, остаться в Москве. Забрать на выходные детей у Алки, провести с ними время. Нет, блин, развели меня на поездку. Юрий Иванович давно плешь проел, чтобы навестили. Крестю тоже выгулять неплохо. Баба трахучая, а времени на неё не хватает. Бабки бабками, но против природы не попрёшь, с таким темпераментом её каждый день драть надобно. Вот тут и оторвёмся, а то замаялась она в Москве. Бездельник этот, Инин, дай бог ему здоровья, весь спермой изошёл – девок ему подавай и побольше. Никак не перебесится. Вон уже мудря седые, а бес в ребре, как будто из армии только что вернулся. Господи, сколько же лет они знакомы. А он всё не меняется, бабы вокруг меняются, а он всё такой же опырь-террорист. Вот повезло парню с женой. Мудрая баба его Ольга. Столько лет с таким педагогическим спокойствием воспринимает загоны его среднего возраста, который у него с детства, наверное. И всё переваривает, и всё уравнивает. Где таких берут-то? Надо, наверное, покурить с Илюхой, кинуть Криске палочку и спать. Этот садист точно завтра всех в шесть утра поднимет на рыбалку, у него не забалуешь. Голова наш Иваныч! Кстати, прикольная у Инина подружка,

эта Маринка, где взял-то такую лапульку? Умеет засранец баб клеить! Надо бы на следующую ночь попробовать его подговорить поменяться. Он, помнится, в прошлый раз намекал и на Кристинку явно запал, гадёныш! Всё это, конечно, прикольно, если Иваныч со своими услужливыми «отцами города» не ухайдакает нас завтра своей культурной программой. Вертолёт за каким-то вызвал. Это после утренней зорьки на Волге с удочкой ещё и лететь куда-то в степь! Охотники, блин. Живности у них тут много разной. И волки, и лисы, козы какие-то дикие. Помнится, год назад косулю завалили. Оно, конечно, прикольно пострелять. Но это же опять водкой с утра зальют по самые не балуй. У открытой двери посадят, ружо в руки и шмаляй. И ведь хрен отбазаришься. А Инин с подругой уже, видимо, пыхнули, глаза красные, и смеются о чем-то своём».

– Илюх, ну где твоя волшебная трубочка? Вы чего, с Мариной уже дунули? Смотрю, удалялись куда-то вместе.

– Оптель, ну ты спросил! Чего это я на вас, «синяков», пялиться буду. Я у местных беломора нарыл, смотри, какие торпеды заготовил. – Он достал из нагрудного кармана два больших, плотно забитых травой косяка, сделанных из папиросных гильз. – Было три, один мы уже оприходовали. Теперь по одному осталось на сон грядущий. А пока из трубочки гашик покурим. Как в песне поётся, гашишка для рывка!

Илья вышел в маленькую кухоньку по соседству и залез на приставленный стул, чтобы добраться до самой верхней полки, где стоял большой керамический чайник.

– Оба-на! – Вернулся он с чайником в руках, из которого стал вынимать трубочки и банку из-под индийских таблеток «Цистон». – А у нас с собой было. Ба, да тут ещё такая нычка припасена с прошлого заезда. Во что «с памятью моей стало, всё, что было не со мной, помню», блин. А что со мной, уже ничего не помню. Во какой бывает гашиш!

Каждый раз приезжая на базу, вместе с самим куревом Илья привозил сюда трубочки. Пользованные девайсы оставлялись тут, чтобы не светиться в аэропорту. Гости вылетали всегда через депутатский зал, ибо эта опция обязательно входила в губернаторское гостеприимство. К тому же багаж их содержал браконьерскую икру, тщательно отслеживаемую на контроле для простых смертных. Но не было большого смысла экономить сто рублей на трубке, потому как пахла она неприятно. И не факт, что запах сей хорошо влиял на кинологическую службу, например, при выходе из самолёта в Шереметьево по прилёте. Всё это складировалось в выделенный специально для этих целей

чайник. Со временем про нычку забывалось. Отчего количество трубок возрастало, ибо не только Инин был таким умным и тащил на Волгу приспособления для курения конопли. Остатки самой куряшки также клали в потаенное место, но отдельно в пластиковую баночку. Беспokoиться о том, что посторонние выкурят заначку, не приходилось. Во-первых, здесь этот вид кайфа не являлся превалирующим. Во-вторых, работники были людьми в возрасте и старого советского воспитания крепким алкоголем. А про гаджубас знали лишь, что это наркотик, и трогать его руками боялись. В-третьих, чувство самосохранения себя и своего рабочего места не давало им возможности украсть. Они ведь не имели представления о том, как конопля действует на память и что никто из оставивших её тут уже через неделю не помнил об этом факте.

– Ну вот, – Илья нагрел зажигалкой светло-коричневый камушек, тот стал мягким. От него легко отщипнулся небольшой кропаль, который Инин положил в трубочку. И предложил Юрию. – Ну, ты босс, тебе и взрывать первому. Тем паче мы уже продегустировали. Вещь достойная.

Юрий сделал добрую затяжку густого ароматного дыма и затаил дыхание, ощущая довольно быстрое изменение в восприятии окружающего пространства. Кожу головы под волосами стало покалывать, по затылку пробежали мурашки и спустились по спине вниз, к копчику и далее. Лёгкая истома появилась во всём теле.

– Ни хрена себе стафф, это не Марракеш уже, это что-то позабористее будет!

– Когда покупал, мне его за непальский выдавали. Не верить оснований нет. Чарс называется. Лучшее, что я пробовал, – гордо заявил Илья. – Беру уже который раз у геологов, они в Непале чего-то там разведывали по своей части, геологической, конечно. А когда в Москву вернулись, оборудование разбирать начали, дык там одиннадцать килограмм этого добра в алюминиевых трубках оказалось. Не выбрасывать же. Ну они его и курят, и продают недорого. Вот как бывает. Я к ним на хвост сел, теперь они меня и подогревают. Небесплатное, естественно, дело, но не втридорога.

Юрий развалился на диване и пытался собрать воедино свои мысли. Да, такого он ещё не пробовал, хотя этот раздолбай его периодически накуривает. Самому ему не сразу понравилось курить, так как кроме кашля и неприятных ощущений от дыма он ничего не чувствовал. Но так и сказать своему другу об этом он постеснялся. Его всегда задевало, если у кого-то получалось что-то лучше, чем у него. Если кто-то ловит кайф от курения этой штуки, знать, и ему должно быть с неё хорошо. Когда Инин написал те стихи про Серебряный Бор, его колбаснуло,

и он тоже решил попробовать. Стихи не получались. Тогда он плюнул и решил, что необходимо реализовать себя ещё в каком-либо виде творчества. Купил профессиональную фотокамеру и занялся художественной фотографией. Во время отпуска Юрий съездил домой, в Осетию. Тут он наснимал огромное количество фоток. Осетия очень благодатное место на Земле для фотографов. По прибытии в столицу материал был передан профессионалам. Те обработали изображения, сделали из них «конфетку» и составили в календарь. Естественно, изданный небольшим тиражом сей шедевр был подписан фамилией Юрия. Раздарен ценным людям и зарегистрирован в авторском обществе как интеллектуальная собственность Вокакнахова. Таким образом, босс экономических служб нефтяной компании тоже приобщился к вечному и прекрасному, а именно – искусству и творчеству. Возможно, по выходу на пенсию он и займётся фотографией плотнее. А сейчас всё дело во времени. Эх, время, время! Времени ему не хватало даже на семью. Теперь он ушёл из неё, купил своим дом. Рядом, около озера Глубокого. А сам остался в особняке на Таманской. Так, вот и мысли начали путаться и жить своей собственной жизнью. Они, казалось, выбирались из его головы различными путями. Некоторые пробивались через сомкнутые губы. Некоторые вылезали через нос или уши. Нет, это не его кайф. Он даже уже начинал его пугаться. Появилась какая-то далёкая тревога и неудобство от подобного состояния. Надо бы брать Кристю в охапку и отваливать в койку.

– Кристина, а ты, вообще, раньше курила? – поинтересовался Инин.

– Так, пробовала несколько раз, у нашего поколения это модно. Но ничего не поняла. Судя по Юре, это у тебя крепкая штука. Мне совсем крошечку, я боюсь.

– Как скажешь, ты вроде по алкашке не прикалывалась, сок больше пила, – зарядил Илья в трубочку совсем маленький кропалёк.

Кристина выкурила довольно грамотно, задержав дыхание и даже не закашлявшись.

Илья опять покопался в волшебном чайнике, достал оттуда вторую трубку, отломил добрый кусок нагретого гашиша и отдал другу.

– Вот, это вам, курите на здоровье! Пользуйтесь моей безграничной добротой, а мы, пожалуй, пойдём! «Злые вы, уйдём мы от вас!»

«Да, что-то сейчас будет... – подумал Юрий и забыл начало своей мысли. – Да, хороший гашиш „...не отмывается совсем!“»

Инин с Маринкой, обнявшись и издевательски виляя попами, удалились в свою комнату. У двери они синхронно обернулись и послали им воздушные поцелуи. Кристина села сбоку, им вдруг так стало хорошо и уютно одним. Они обнялись. Вдруг Кристина посмотрела ему в глаза. Лицо её озарила догадка. Было похоже, что догадка сия настолько ошеломительная, даже непонятно, почему ранее никому не пришла в голову такая простая и лежащая на поверхности мысль. По крайней мере, вид у девушки был такой, как будто она совершила невероятный прорыв и ей открылась глобальная истина. Просветление от озарения готово было взорвать сознание, она еле сдерживала смех, который грозился разразиться истерикой.

– Я поняла этимологию слова «ТРАХАТЬСЯ»! Всё примитивно просто! Есть такой орган, он называется ТРАХЕЯ! Именно от названия дыхательного органа и произошёл глагол, который обозначает половой акт! Ты представляешь? – прорыдала она на одном дыхании. – Это открытие в языкознании, или как там наука называется, которая изучает языки? Лингвистика? Фу, какое неприятное слово, оно у меня вообще с пингвином ассоциируется!

– Да, Кристина, вот это тебя нахлобучило, – только и смог отреагировать Юрий. Его состояние пока не оформилось до понимания глубины философских озарений девушки. Пока они находились на разных волнах. Но похоже, что скоро он догонит её.

– Слушай, а ведь на этом можно денег срубить! – Волны их стали сливаться в единый вал, а может, и целый поток. Похоже, и он сам стал заражаться лингвистической мастурбацией. – Собирай свои изыскания, книгу издадим! Ха! Задорнов вон издаёт свои приколы. Пиши, пиши, я на такое денег выделю без вопросов! Ха! В «Эксмо» напомни позвонить, они что хочешь за деньги напечатают!

– Тогда ФАКИР! Произошло от английского слова «ФАК». Ну а кого фак, легко догадаться. Это маньяк, который трахает тёлочку с именем Ира! – развевалась девушка. Из глаз её слёзы уже не текли, а лились струйками. Смех переходил в позитивную истерику. Она заливалась, не в полной мере контролируя себя.

– Кстати, а ты знаешь, где трахея расположена? Если верить в твои изыскания, то трахом может называться исключительно оральная секс, а всё остальное – извращение! – решил добить Кристину Юрий.

– Вот ещё! Город Айнтрахт! А может, и не город! Но звучит красиво! Это на германщине где-то! – еле выговорила сквозь истерику Кристина.

– Ай ты даёшь! Это команда такая футбольная, АЙН, кажется, ОДИН по-немецки! Это что же, одноразовая команда? Её один раз на поле выпустили, тут-то её и трахнули, причём одиннадцать раз. Футболистов на поле одиннадцать! А-ха-ха! Хорошая команда! А-ха-ха! – Юрка тоже уже не мог остановиться. Они катались по диванам, сползли на пол. Столик с установленной на него панелью телевизора чуть не упал, но устоял и отъехал в сторону, когда они задели его ногами. Давясь от смеха, они возились на толстом ковре. Грудь Вокакнахова уже намокла от слёз и слюней Кристи. Её лицо то появлялось перед ним, то исчезало, оставляя в пространстве размазанный след туши от косметики. Как будто пикселей не хватало в его глазах. Она барахталась рядом на волнах слёз, похоти и смеха.

– Карлсруе! Карлсруе!

– Не КарлсруЕ, а КарлсруЭ! – поправил Юра. – Это город такой, я там был недавно. Кстати, город очень чистый! Не срал там Карл нигде, это всё трындёж и провокация! Я там землю покупать собрался!

И они оба забились в лихорадочной ржачке. С рубашки его отлетали пуговицы. Они слились воедино. Пуговицы на рубашке закончились, и руки девушки оказались ниже. Смех стих, и только сопение со всхлипами металось по кают-компании. На автопилоте, как будто бы опасаясь большого открытого пространства гостиной, они на карачках отползли к своему номеру и ввалились в него, забыв полуоткрытой дверь. Рубашка, джинсы Юрия, фрагменты одежды Кристины – всё валялось в зале. По дорожке, оставленной сорванными с тел шмотками, можно было чётко проследить траекторию перемещения в пространстве этой пары. Как же ему хотелось запечатлеть в памяти каждое мгновение их безумного соития. Но мысли разбегались. Он никак не мог вспомнить то, о чём только что подумал. Как только ему казалось, что вот он подбирается к истине, она тут же отворачивалась от него. И оборачивалась красивой, со следами загара из солярия большой Кристининой сиськой третьего размера. Овалы сосков так забавно дисгармонировали своим светлым оттенком с остальной кожей груди, что она казалась фортификационным сооружением. А соски – большими укреплёнными крепостями сверху. Борьба двух начал, мужского и женского, переметнулась на ринг кровати. Их потные сплетённые тела напоминали схватку борцов. Юрий видел всё это действие с нескольких ракурсов. Квадрат ринга, скорее, напоминал теннисный корт. Он висел в пространстве, растянутый на невидимых нитях. Вокруг был холодный чёрный космос. Чужой и безразличный. А рядом, на маленьком квадрате, билась ЖИЗНЬ. Уютная теплая плоть, охваченная страстью и безумием взбаламученных гормонов. Его гормоны набрасывались на противника, стараясь проникнуть всё

глубже, глубже... Внутри укрепленных фортов, сферических конструкций, в багрянец плоти. Глубже, глубже. Разбросанные тела объединились и слились, превратились в цельную сущность. У этого существа, только что возникшего тут, на огромном зелёном поле, подвешенном в вакууме космоса, не было ни пола, ни души, ни разума. Были инстинкты, динозавром вздымающиеся и сразу рушащиеся куда-то вниз. Стая собак звоном колокольчиков пробежала по Млечному Пути. Наступая на звёзды, она извлекала из них удивительные звуки. Маленькие звёздочки звенели и дребезжали. Те, что побольше, выдавали более низкие тона. Совсем крупные надрывались басами, доходя до гула в ушах и биения набатом по перепонкам. Бесконечная лестница из паутины вела вновь возникшее из их тел существо куда-то вверх, отсчитывая на огромной шестерёнке зубчики: один, два, три... тридцать... сто двадцать... миллион. Допуск разрешен, уровень первый пройден. Один, два, три... пятьдесят... Допуск разрешён, уровень пройден. Собаки, облаяв Кассиопею, с визгом удалились за горизонт своей реальности. Уровень пятый – допуска нет... допуска нет... допуска нет! Вибрации стали нарастать, пронизывая пространство. Зарево возникло ниоткуда и начало разрастаться. Гул в ушах перерос в рокот, затем раздался взрыв. Взрыв сверхновой. Прямо перед глазами полыхнула вспышка, из которой сложилось лицо Кристины с безумными глазами. В полуоткрытом дверном проёме маячили лица Ильи и Марины. Над лицами появились их руки с поднятыми вверх большими пальцами. Кристина лежала поверх его тела горячая, влажная и обессиленная. Казалось, что она была без сознания. Голос за кадром, хотя в нём улавливались интонации актёра Пореченкова, с монотонным выражением вещал:

«Помнится, случилось это давным-давно. Играла наша команда на чемпионате мира по хоккею. Соперником выступала команда Швеции. Это был самый важный для нашей сборной матч, к которому мы шли долгие годы. И наконец наступил финал. На кону стояло не только золото медалей. Наш главный тренер Романов Пётр Алексеевич говорит: „Коли выиграте сей поединок, всех на заработки в Европу отпущу. Ведь вы этого достойны. Так что, братцы-пацаны, рубитесь, как только славянский человек рубиться может. И окно в Европу рубите, ибо через дверь в неё входиться как-то не по-русски будет. Не ищем мы лёгких путей. Мы трудностей не боимся, мы их сами себе создаём. А потом героически преодолеваем. Вот так-то по-русски нам Богом положено. И история тому подтверждение. Беспонтово оно, через дверь, и ни хрена не креативно“. То-то мы на льду озера со странным, чудным названием и расстарались. И порубились. Потом даже выражение в народе появилось: «РУССКИЕ ЧУДЯТ» – от названия озера. С тех пор мы в это окно смотрим и тихо офигеем. Как, впрочем, и они на нас оттуда. Чего и всем желаем. Аминь».

Глаза его открылись. За окном уже было светло. Лицо Кристины нависало прямо над ним и внимательно вглядывалось в открывшиеся глаза.

– Ты где был? Я шесть раз кончила. Может, больше. Со счёта сбилась. А ты как будто вырубился и спал так в горячке. Во сне как будто в игру компьютерную играл. Всё уровни считал какие-то. Шведов матом поливал и грозился им нефть перестать отпускать.

Юрий возвращался в реальность. Оказывается, Кристина сидела на нём. Эрекции не было, ну и слава богу. Интересно, сколько по времени они занимались сексом, а сколько удалось поспать? Присутствовало чувство свершившегося. И очень хотелось жрать. Возможно, от ощущения голода он и очухался. Юрий просунул руку между их телами и ощутил липкую влажность.

– Ты что, без резинки? – шарахнулся Вокакнахов.

– А сегодня можно.

– Во как! Столько раз тебя уговаривал, а ты ни в какую. Только минет без презика.

– Ну, тогда я тебя ещё плохо знала.

– А сейчас лучше?

– Значительно! – Она томно потянулась. – Интересный у тебя друг. И гашиш у него неплохой. И девочка его прелесть... Милая.

– Маринка? Да, хорошенькая. Только юная совсем, в дочки ему годится. Илюха с ней не так давно познакомился. Она, наверное, ничего не умеет. Особенно если с тобой сравнивать!

– Юная – это хорошо, это заманчиво. А что не умеет, сомневаюсь. Учитель у неё, похоже, хороший. А если что, так научить можно. Тем более мне кажется, что ты ошибаешься.

Глаза её с хищным блеском приблизились к его лицу вплотную.

– Ты ведь хочешь её? Я вижу, чувствую. Да, от такого роскошного тела и я бы не отказалась.

– Ты на что намекаешь? Она пацанка совсем, совращать её.

– Ну смотри. Вот вы на охоту полетите, а мы-то тут останемся. Всё и обрешим. Вставай, вставай, наконец. Юрий Иванович, наверное, сейчас опять стучать в

дверь будет. Он часов в пять своих поднимал боевым кличем: «Кончай поживать на лярвах!» Так часть уже позавтракала и уплыла. Илья с Маринкой минут двадцать назад заглядывали, они, небось, тоже в лодке сидят.

Состояние было мутное, но вполне сносное. Если учесть возраст и употреблённое вчера, то подобное самочувствие можно назвать хорошим. А с учетом того, что понятие «вчера вечером» у двух пар гостей плавно перетекло в «сегодня утром», то его можно было бы смело называть отличным. Хотя постулат «ЛУЧШЕ ДВА ВЕЧЕРА, ЧЕМ ОДНО УТРО» тоже никто не отменял. На воздухе у воды, на берегу великой русской реки, да ещё после смрада московской индустриальной гиперактивности выспаться можно было в два раза быстрее обычного. Некоторый привычный москвичам недосып присутствовал, но его вполне можно списать на погрешности мироощущения.

Юрий в сопровождении своей девушки вышел на улицу к накрытому Надюшей столу. Повариха успела проснуться раньше всех и накрутить шканики. Это яство считалось её фирменным блюдом и визитной карточкой местности. Если не уподобляться китайским технологиям создания легенд и загадок вокруг простых и элементарных вещей, шканики были не чем иным, как сырниками или творожниками. Только имели круглую форму, размеры со среднюю сливу, жарились, плавая в масле, а подавались с местной сметаной кремового цвета, которую приходилось выковыривать из банки, и сгущёнкой. Вкус также немного отличался от классики, ибо туда добавлялось много муки и корицы. Часть их рыболовецкой бригады уже отзавтракала и передислоцировалась к плавсредствам. Егерей выпустили в авангард разведгруппой выявлять «клёвые» места и скопление различных видов рыбы. Егерь Палыч, откомандированный организовывать комфорт ловли в лодку к московским «курортничкам», ждал их возле стола. Он уже поел, проверил всё снаряжение, наличие на борту яхты припасов воды, еды и пива с водкой. Воздух был свеж, но не холоден, хотя Палыч и советовал одеться потеплее, так как в лодке будет прохладнее на воде. Илья с Маринкой, похоже, тоже проснулись давно и с аппетитом поглощали из тазика, периодически пополнявшегося Надюшей мелкими порциями свежеподжаренного кушанья. Они накладывали себе в тарелки бежевые шарики, Илья сдабривал их сметаной, а Маринка – сгущенкой, как и положено молодости, отдающей предпочтение сладкому. Палыч, задумчиво теребя подбородок, указывал на острова в дымке, где между ними наблюдалось скопление чаек, клубящееся явно над косяком рыбы.

– Во, глянь, жерех жирует, гонит малька, а чайка бакланит, жрёт его, гадина. Вот туда бы сейчас, мы б с уловом были. Угу, только не успеем, Иваныч приказали в протоку вас везти, на окуня. Угу.

– Да плюнь, Палыч, мы же в свободной стране, давай туда рванём, коли ты думаешь, что там лучше, – подначил его Илья. – Мы на отдыхе, нам, татарам, идентично и монопенисуально, куда плыть.

– Вам-то, мож, и аналогично, вы, Илья, конечно, демократ, и страна у вас свободная. Но я-то на работе, у меня хозяин имеется. Коли от него указание поступило, послушаться не в воле моей. Вот так вот, угу?

– Угу, Палыч, угу. Ты, главное, не переживай. Юрий Иванович у нас начальник области, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А ты не прибедняйся, что человек маленький. Я тебя директором Волги в прошлый раз утвердил. Директор сразу после председателя у нас котируется. Мы прикинемся овощами и будем терпеливо ждать, куда ты нас определишь на рыбалку согласно предписанию свыше! Угу? – Илья постоянно подкалывал егеря и стебался над его чиновничеством. Впрочем, именно на почитании властей предрержащих и зиждется устой российской жизни. Особливо на периферии или по-научному – на местах. Палычу было восемьдесят четыре года. Он родился тут, вырос и по всем планам тут же должен был помереть. Здоровье он имел отменное, и в ближайшие годы, по его же словам, делать таких глупостей не собирался. За всю свою жизнь он три раза выбирался из Уяковки и то не по своей воле. Первый раз его премировали путёвкой в санаторий, расположенный в Сочи. Та поездка его шокировала и отвратила от подобного праздного времяпрепровождения на всю оставшуюся жизнь. Два других выезда за пределы округа являлись посещением в Царицыне дочери, дезертировавшей из сельской местности путем выхода замуж за городского. Как раз на свадьбу и рождение внука произошли те памятные события, связанные с временным покиданием родины. Было это страх как давно. Дочка сама стала бабушкой. Внук взял повышенные обязательства по преодолению более высокой ступеньки на иерархической лестнице переездов. Свалил из провинции в Санкт-Ленинград, как он сам называл Северную столицу. Оставив Палычевскому правнуку самую главную, следующую ступеньку, чтобы было куда развиваться, – Москву. Таким образом, егерь чётко определил свои функции и задачи на этой земле в отпущенный ему Господом срок пребывания, обозначив свои жизненные этапы именно такой последовательностью событий, как оно всё и происходило. Палыч был конченным фаталистом. И никогда не стремился что-то поменять в сложившемся спокойном течении своего бытия. Знать, так оно и должно было всё происходить. И нет никакого смысла совершать нетрадиционные телодвижения по сему поводу. Он никогда не курил. Выпивал ровно сто сорок четыре грамма водки ежевечерне, ни больше и ни меньше. Для этих целей у него имелась всегда с собой специальная мензурка, которой он и отмерял алкоголь. Мало ли какая ситуация могла возникнуть на его кармическом пути? А вдруг кто-нибудь задумает угостить его вне досягаемости

мерных стаканчиков? «Всё своё ношу с собой», – довлел над ним принцип. На вопрос об относительной точности количества вплоть до грамма он отвечал, что вычитал такие рекомендации ещё в советское время в журнале «Здоровье». Вроде как вычислено чуть ли не самим Менделеевым. Именно означенное количество сорокаградусного алкогольного напитка необходимо выпивать человеку с его комплекцией для полноценной работы организма. Всю жизнь Палыч проработал егерем в этих волжских водах. Здоровый образ жизни, неплохая экология, спокойная работа, отсутствие причин для нервотрёпки сохранили мужика очень крепким даже без учёта возраста. Что прекрасно проиллюстрировал недавний случай, когда в прошлый заезд Илья ходил с Палычем на ловлю сома. Они зашли выше по течению. Забросили снасть и стали сплавляться. Метод этот не самый спортивный. Сидишь себе в лодке, которую несёт по течению, и ждёшь удачи. Илье, видимо, как новичку и повезло в тот день. Поклёвка была лёгкая и неторопливая. Палыч, сидящий рядом, сразу сказал, что это сом и к тому же немаленький. Не до конца доверяя везунчику, егерь также вцепился в удочку, не совсем фильтруя действия и выражения в азарте. Сорок минут они вдвоём боролись со страшным монстром, пытаясь израсходовать силы рыбы и заставить её сдаться. В конце концов сом глотнул воздуха, выведенный на поверхность, и, обессилев, впал в ступор. Палыч трясущимися руками схватил темляк, специальный багор для выуживания из воды крупной добычи, подцепил сома под жабру и рывком одной руки перекинул его через борт в лодку. Потом, когда на базе они взвесили сомика, тот потянул ровно на пятьдесят один килограмм. По длине он превосходил Палыча. Тащили они его вдвоём на продетой сквозь жабры палке. Если поднять руки с уловом высоко над головой, то хвост рыбины подгибался на земле. Когда егеря попросили хотя бы приподнять улов самостоятельно, он не смог оторвать его от земли. Каким образом маленький, сухенький мужичок сумел выдернуть его из воды одной рукой, не понял даже он сам.

Палыч покорно дождался, когда его подопечные закинутся традиционными шканиками. И, сопроводив их до лодки, приступил к исполнению своих непосредственных обязанностей и должностных инструкций. Их экипаж был последним из всей рыболовецкой артели, выбравшейся погожим утром на промысел. Приличное количество коллег тусовалось в здешних водах в поисках добычи и отдохновения. Несколько раз связавшись с авангардными экипажами по радиации, Палыч чётко вывел их на места дислокации остальных маломерных судов. До места рыбалки они добирались минут пятнадцать, пересекли фарватер основного русла, обогнули симпатичный островок и углубились в лабиринт протоков. Здесь, в небольшой тихой заводи, уже стояли на якорях их вчерашние сотрапезники и собутыльники. Егерь расположил яхту таким

образом, чтобы у москвичей был простор для манёвра, ибо заброс снастей в компании двух девушек, плохо ориентирующихся в культовом мужском образе отдыха, предполагал некоторые неудобства с непредсказуемыми последствиями для здоровья остальных членов азартного развлечения. Отсутствие какого-либо опыта у Марины повышало коэффициент экстремальной составляющей предприятия.

– Вы где так долго лазите? – Миша Хохол махал им с соседней лодки, оставаясь в своём репертуаре. – Мы тут уже половину Волги выловили, вам чисто мелочь осталась. Гы!

– Ну, кому рыбалка в охотку, кому охота по хоботу, – заметил философски Илья. – У нас не менее важные дела были, которые вообще в охотку пошли. Сейчас я вам мастер-класс преподам, как надо рыбу ловить. Хотя к моему рекорду никто из вас даже близко не подобрался. Сомик-то мой поболее полуцентнера потянул, если помнишь. Иду на рекорд. Что там у нас сегодня по плану? Окунь, говоришь?

– Твоё везение новичка закончилось месяц назад, если уклеишь наловишь, считай за счастье! – не успокаивался Миша. – Я видел, как ты сегодня поутру до ветру ходил. Не при дамах будет сказано, отошёл к забору, в трусах копается и бубнит: «Да вылезай ты уже, наконец, нет её рядом, спит она ещё...»

– Я бы попросил свои дискриминационные, провокационные ремарки оставить для вечерней пьянки. Ваш юмор сер, без пол-литра не оценить. И рыбалку срывать не стоит, ты о чём напоминаешь? У нас тут «с собой было», и любимые девушки, и холодильник со всем положенным, и каюты удобные, на фиг нам такая рыбалка! Ты садок приподними над водой, покажи, что ты там наловил?

Миша выудил из-за борта своей лодки железную сетку, в которой трепыхалось что-то среднего размера. С расстояния трудно было оценить улов.

– Ну ё-моё, убери, спрячь и не показывай никому! – подколот Илья. – Главное, чтобы девчонки на базе не видели, иначе выйдет иллюстрация старой русской поговорки «Курвам на смех», гы!

Под шутки, остроты и прочие актуальные замечания они разворачивали снасти и стали выуживать небольших окуней. Ловили на блесну, забрасывали её с лодки ближе к берегу, в недоброе к кустам и камышам. Называть это рыбалкой для человека, хоть раз принимавшего участие в подобных мероприятиях где-нибудь в Подмоскovie, было бы кощунственно. Это, скорее, напоминало вакханалию. Не успевала блесна коснуться воды, как её тут же хватала рыба. Несколько раз получалось, что окуньки соскакивали с крючка во время проводки, но стая была настолько плотная, что блесна всё равно цепляла рыбу поперёк тушки, за

плавник или хвост. Азарт заключался лишь в том, чтобы переловить соседа по таким параметрам, как количество и размер экземпляров. В конкретном случае победила дружба между Юрием и Ильёй. Первый словил на три окуня больше, так как второй запутал леску и потерял время при распутывании получившейся «бороды». Однако самый крупный экземпляр оказался у Ильи – один килограмм шестьсот грамм. Примерно через полчаса активного клёва наступило полное затишье. Несколько поклёвок ещё в течение минут сорока побеспокоили их. Попались даже небольшой судак и щучка такого размера, что у местных называется «карандаш». И все. Рыбалка подошла к концу. Базовские лодки собрались вместе, чтобы похвастаться уловом перед обратной дорогой. Основное внимание, естественно, было уделено москвичам и, конечно, девчонкам. Но те несильно отличились на этот раз. Главным рыбаком утренней зорьки был признан Илья именно за самого большого окуня. Желаящие выпили по рюмке за почин, улов и для настроения. Потом все скопом погнали к своему берегу. Следующим номером сегодняшней программы было слегка перекусить и погрузиться на вертолёт для дальнейшего активного отдыха исключительно мужским составом.

Когда эскадра стала швартоваться у родного берега, со стороны степи показался Ми-8. Вертолёт был раскрашен в красно-бело-чёрные цвета нефтяной компании. Во всё днище красовался логотип «Ониойла». Геликоптер сел на окраине базы. Не выключая винтов, он так и стоял в ожидании пассажиров. На посиделки времени уже не было. Схватив со стола первую попавшую под руки снедь, народ решил расправиться с ней в воздухе, благо губернатор советовал плюнуть на всё и лезть в вертолёт, потому как там всё было приготовлено для «продолжения банкета». Летели долго, и если бы не попутное застолье, скрадывающее время, то могло показаться, что целую вечность. Пейзаж за бортом поменялся со степного на водную гладь. Машина шла над водохранилищем на приличной высоте. Огромное водное пространство, редко украшенное поплавами одиночных судов, казалось настоящим морем. Берег, который они только что пересекли, ещё был различим сзади. Другой, к которому стремилось воздушное судно, ещё не появился из-за изгиба земной поверхности. Поднявшееся в безоблачном небе солнце оставляло на глади воды ослепительные блики. Еле различимый силуэт тени вертолёта судорожно скакал и метался по пестрящей поверхности, как будто стремился укрыться от самого вертолёта. Осознание своей крохотности и незащитности навевало некоторую жутковатость, так как создавалось ощущение одиночества и затерянности в огромном мире маленькой несущейся над гладью воды алюминиевой букашки, внутри которой сидели люди и пили водку, закусывая чёрной икрой. Наконец вдалеке из дымки показался противоположный берег.

– Господа, - вышел из кабины один из пилотов в парадной форме с белой рубашкой и галстуком, – приятного аппетита, нам предстоит совершить посадку в населённом пункте Котов. Необходимо заправиться для дальнейшей работы. Там вы сможете отдохнуть в гостинице. Но недолго, чтобы до заката вернуться на место нашего старта. С заходом солнца полёты вертолётчиков запрещены. Спасибо за внимание.

Если сложить Русскую Национальную Идею и Великую Американскую Мечту, то получится Китайское Экономическое Чудо (РНИ+ВАМ=КЭЧ).

Приметы нашего времени

Сверху городок напоминал разросшуюся деревню. Убогие, даже с высоты кажущиеся пыльными и безлюдными улицы покосившихся домов как будто расходились лучами от небольшого пригорка. На холме этом гордо возвышался четырёхэтажный замок терракотового цвета. Солидность его подчёркивали две вертолётные площадки, на которых стояли очень похожие на обычные автомобильные топливные заправки. Бригада охотников высыпала из вертолёта.

– Так, летуны всё проверят в своём аппарате, керосину зальют. У нас на всё про всё пятнадцать минут. Не расслабляться, в ванну не залезать. По рюмке махнули, балычком закинулись, пописали и в бой. Всем понятно? – скомандовал Юрий Иванович.

– Так точно! – отрапортовали хором сразу несколько человек и побежали первым делом в туалет.

Последующее волжское гостеприимство не отличалось большой оригинальностью и разнообразием. Замок был не чем иным, как гостиницей «Ониойла». А сам городок считался негласной столицей и административным центром концерна в здешнем округе, который официально назывался «Ониойл Волга Юг». Естественно, главные офисы управления находились в самом Царицыне. Котов же был удобен тем, что располагался всего в пятнадцати километрах. Вроде бы и недалеко, однако не под носом у администрации огромной области. Тут можно было вести свои дела, не сильно афишируя их подноготную. Пятизвёздочная гостиница компании, столь резко и неожиданно контрастирующая с остальным жилым фондом города, тоже была построена тут по соображениям местечковости и конспирологии своей вотчины. «Ониойл» был полноценным и полноправным хозяином этих мест. Что не так уж плохо

сказывалось на достатке и уровне жизни простых обывателей и трудящихся. Хотя и проблем тут хватало, как, впрочем, и во всей современной России. А к ним относились и безработица, и экзотическая некогда наркомания, и безделье молодёжи, толкающее её на безысходную праздность и прожигание жизни всевозможными антисоциальными методами. Кроме того, неподалёку находились основные скважины, из которых добывалась очень качественная и дешёвая в разработке нефть, ещё одно богатство Волги.

В мраморном зале был накрыт большой стол. Официанты в одеждах, напоминающих смокинги, соответствовали английской системе обслуживания высшей знати. Сам стол не блистал разносолами: традиционная икра и осетрина, приготовленная несколькими способами, водка, зелень и овощи. Десяток шампуров с шашлыком. Чисто закусить, пока техники осматривают машину и заправляют её.

– Вот смотрю я и думаю, – начал застольный спич губернатор с рюмкой в руках, – сколько труда, ума, других ресурсов вкладываем мы в комфорт. А ведь думать надо о людях, об их комфорте, мы-то себе и своим внукам уже заработали. И вроде отдохнуть можно, ан нет. Какая-то озабоченность меня гложет. Вот сейчас, когда всё по жизни уже сделано, хочется активный остаток её посвятить именно служению во благо простых людей.

– Ты, Иваныч, бизнес открыть решил, что ли? Благотворительный, типа? – спросил Юрий. – Фонд какой задумал?

– Нет, Юрий Валентинович, ты всё про бизнес! Я тост собрался сказать и выпить за такую должность, которую хотелось бы назвать просто – ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК.

– Хороший тост. За хорошего человека что же не выпить, – прозвучала в ответ фраза, выражающая общее мнение.

– Опять не понимают, да что же с ними поделаться? Я хотел мысль до вас донести: как раньше говорили, ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК – это не профессия. Я с этим в корне не согласен. С высоты своего опыта (а все присутствующие в курсе его широты) хочу внести предложение ввести в штатное расписание серьёзных компаний такую должность – ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК. И институты с университетами обязать создать систему подготовки и обучения этой важнейшей профессии. Иначе что сейчас получается? Одни бабки в головах молодёжи. Они ведь сейчас пукнуть не могут, не поинтересовавшись, что им за это причитаться будет. Как будто ради других этим занимаются. В наше время ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК – это уже профессия. А работник на должности хорошего человека будет, как это сказать?..

– А что, я вот совсем не против. Даже абсолютно за, – поддержал Илья, соображая, что губернатор не в том состоянии, чтобы доходчиво и обстоятельно развить тему. Надо было выручать Иваныча и быстрее перебазировать народ на борт. – Я бы сам преподавателем пошёл. Знаете, как сейчас говорят? Если вы ничего не умеете, так, может, преподавать возьмётесь?

– Ага, или в шоу-бизнес, – добавил Юра, указывая пальцем на Илью. – Это про тебя как раз. Но я его, на самом деле, и держу в этом качестве. Неофициально он у меня и работает на должности ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА. А так как у меня в штатном расписании нет такой единицы, вот он и возглавляет наш пиар-отдел.

– Ну, захвалил, захвалил. Смотри, сейчас как зазнаюсь, мало не покажется! Давайте уже выпивайте за меня и по местам в вертолёт. Вон, гляньте, летуны ходят кругами, места себе не находят, побеспокоить нас стесняются. Нам ещё добычу взять надо, Валентиныч грозился Кристине волка привести на шапку, и до базы телепать часа два потом.

Народ с энтузиазмом поддержал инициативу непьющего Инина, махнул по стопке и, закусывая на ходу, нетвёрдой походкой поспешил в «алюминиевую букашку».

Взбудоражив клубы пыли, как будто отяжелевший, вертолёт оторвался от земли и, слегка завалившись боком, стал набирать высоту, уходя в сторону от городка. До места охоты оставалось минут двадцать лёта.

– Вот тут примерно мы сайгака взяли неделю назад, – сквозь привычный шум объяснял Иваныч. – Второй раз уже сталкиваемся с тем, что они сюда заходят. Раньше не встречались.

Степной пейзаж напоминал кадры как будто из старой кинохроники, созданные вуалированной съёмкой. Не чёрно-белое кино, но окрашенное в бежевые тона давало ощущение путешествия во времени. Скорее, в межвременное пространство на стыке времён. А общая атмосфера в салоне летательного аппарата только подчёркивала необычность и даже фантастичность происходящего. Огромное, ограниченное со всех сторон лишь горизонтом пространство было графически расчерчено прямыми линиями электропередач, небольших дорог местного значения и совсем уже казавшимися созданными росчерками пятерни великана кривыми грунтовыми. Будто дитё гиганта игралось в песочнице возле речки и оставило на песке коряжки своими ручонками. Всю картину делила практически точно посередине проложенная трасса, струящаяся асфальтом с запада на восток. «А почему не с востока на запад?» – подумал Илья и тут увидел семейку то ли косуль, то ли тех самых

сайгаков.

– Вот они, Юр Иваныч, вот они, снижаться надо, потеряем!

– Не, не потеряем, эти далеко не уйдут, – ответил губернатор голосом уставшего человека. – Ты же говорил, нам волка взять надо, коз не трогаем сегодня. Разве что если волка не отыщем. Тогда сюда вернёмся. Они в одном месте стоят, пока траву не выщиплют всю, потом в другое перебираются. Командир у нас опытный, не первый раз на охоту возит народ. Он заметки себе делает. Тем более здесь сильно палить нельзя. Вот шоссе рядом, мы как на ладони. Если будем кружить, да ещё со стрельбой, внимание привлечём. А оно нам надо? И так слухи ходят, что «Ониойл» бузит по моей губернии. Глубже в степь уйдём, подальше от любопытных.

Через пятнадцать минут после смены курса командир экипажа объявил по громкой связи, что видит волка. Двое стрелков пристегнулись специальными ремнями возле открытой двери и, взяв в руки ружья, стали ждать, когда пилоты выведут машину на линию огня по хищнику. Это был явно самец, одинокий охотник, рыщущий в поисках добычи, такой же, как его преследователи в летающей машине, только... более гуманный, ибо он не человек и убивает лишь для того, чтобы выжить самому. Вертолет, надрывно завывая, совершал манёвры, стараясь вывести себя по курсу движения зверя правым боком. Расстояние уменьшалось. В какой-то момент волк остановился, глянул на своего преследователя и, резко поменяв направление движения, нырнул под пузо атакующей его железной птицы. Проскочив волка, вертолёт взмыл вверх, уходя на круг разворота. Волк уже нёсся в противоположную сторону, петляя и не давая прицелиться по нему. Два дуплета разорвали гулкий шум салона, запахло порохом.

– Промах!

Вертолёт опять совершил манёвр разворота. И снова зашёл на умного зверя. Волк огромными прыжками уходил под защиту высоковольтной линии. И это ему удалось. Опытный хищник добрался до столба и присел за ним, укрывшись от картечи охотников. Сверху виден был даже высунутый красный язык зверюги. Машина, сделав ещё круг, зашла с другой стороны. Но волк, абсолютно не суетясь, обогнул столб и опять остался недосыгаем для пуль охотников. И тут Илья увидел глаза зверя, в упор глядящие на него. Долго потом он вспоминал их. Ему показалось, что нечто разумное проскочило в этом взоре. Они грезились ему порой даже во снах. В этих глазах не было ни страха, ни злобы. Было некоторое недоумение и удивление. А также вопрос и посыл: «Как же вы меня достали, зачем вам всё это надо?» И странное чувство кольнуло сознание: а ведь

воздастся стреляющему, воздастся по полной! Именно в тот момент Инин и понял, что охотник из него не выйдет. Поздно уже, не получится сломать себя. Не сможет он нажать курок, зная, что оборвётся некая ниточка от этого нажатия. И ниточка эта не им вязанная, и не ему её перерезать. Ему вдруг представились миллионы таких ниточек, ведущих куда-то вверх. Одна из них исходила из него самого, другая – из Юрия Ивановича, осоловелым, но очень внимательным взглядом следящего за тем, как Юрий Валентинович перезаряжает свой эксклюзивный шведский «Вапен». Из Юрки тоже струилась тоненькая лесочка.

– Уходим, – раздалось из динамиков громкой связи. – Время поджигает. Не возьмём мы его, учёный бирюк. Стволы вверх, оружие разрядить, двери закрыть.

Обратная дорога была длинной и молчаливой. То ли устали все. То ли впечатлились событиями дня. А может, так повлиял на людей адреналин охоты, оставленный не пережжённым в связи с грамотным поведением зверя. Или похмелье уже начало догонять компанию. До базы добирались молча. Радости не было, оставалось чувство неудовлетворения. Охотничья артель погрузилась в себя, переваривая произошедшее. У каждого в голове роились свои мысли. Какими они были? Каждый хранил переживания в себе.

Когда приземлились на поляне возле базы, солнце уже склонялось к горизонту. Светлого времени добраться до аэродрома приписки оставалось в обрез. Губернатор предложил лётчикам заночевать тут и уладить последствия, так как полётный лист не предусматривал занятость экипажа на столь долгий срок. Но получил ответ, что летуны справятся с обратной дорогой «в отведённые временные рамки» и им необходимо «положить машину на место», то есть туда, откуда взяли. Девчонок-москвичек не было видно, они не выбежали встречать своих добытчиков, радостно махая платочками. Видимо, проинтуичили безуспешность охоты или были заняты своими делами. Повариха Надюша доложила, что они забрали Палыча и уплыли через Волгу на противоположный островок купаться, загорать и собрать какие-то полезные травы для чая, которые растут только там. Палыча они освободили, наказав вернуться за ними к семи часам вечера, так как к этому времени, по расчетам, должны были прибыть их мужчины. Но пока ни Палыча, ни мадамов не наблюдается. Мужики поплелись в свои номера освежиться, передохнуть до ужина и принять душ. Большого настроения застольничать в рядах отдыхающих не наблюдалось. Однако долг вежливости не позволял расслабиться до конца и продинамить мероприятие, дабы не обижать Юрийивановичское гостеприимство и заботу. Так что от принятия участия во всеобщем ужине отбазариться было нереально, да и

не к чему. Естественнее было бы посидеть пару часиков с народом и заняться личными делами, под которыми каждый мог представлять себе что угодно. Во второй день отдыха, который выпадал на субботу, обычно именно так всё происходило. Отдавали должное компанейству за коротким ужином, далее разбредались по индивидуальным программам. Это было продиктовано естественной в данном случае усталостью. А также желанием не терять даром времени на пьянство, когда под боком теплились халявные девчонки. В головах москвичей не было установки изменить традициям. Поэтому они тоже намеревались перекусить в компании. Уединиться своим кругом, дабы предаться плотскому отдыху. По крайней мере, Илья весь извёлся в ожидании доступа к вкусному телу Маринки.

Девчонки появились радостные, действительно слегка подзагоревшие, с горящими глазами. Они синхронно чмокнули в щёчки своих кавалеров, игриво шлёпнули друг друга по попкам и, сказав какие-то банальности, разбежались в номера готовиться к ужину. Оставшиеся без женского внимания мужики разомлели после душа и сидели в гостиной, овараниваясь в телек, по которому транслировали матч чемпионата России по водному поло.

Никакого культурного разнообразия субботний ужин не привнёс. Разве что был исполнен физиологический долг перед организмом по внесению в него питательных и прочих необходимых веществ. Мужской состав компании был уставший и озабоченный насыщенностью дня. Местных девчонок Инин недосчитался, впрочем, они ему и не были интересны. Некоторые мужчины также покинули базу, отправившись домой к семьям. Миша Хохол зажигал с двумя студентками, но пока всё больше в устной форме. Юрий Иванович, видимо, догадавшись не напрягать москвичей, как-то быстро отчалил из-за стола, сославшись на лёгкую простуду. Занудные волжские комарики обозначили никчёмность проведения времени на открытом воздухе и разогнали народ по своим укрытиям. Марина с Кристиной первыми покинули стол, заявив своим мужчинам о необходимости дать им время на подготовку некоего сюрприза. Юрий начал догадываться о сущности готовящейся неожиданности, Илья как будто не врубался. Они набрызгались репеллентом и отошли к лодкам покурить вдали от посторонних глаз. Над рекой не ощущалось даже намёка на движение воздуха. Полнейший штиль водной глади отражал недавно взошедший юный месяц. Стояла странная душная тишина, редко нарушаемая всплесками играющей хищной рыбы и отдельно различимыми голосами отдыхающих дикарями граждан где-то на протоке. В этот относительно поздний час на грани вечера и ночи слышимость над водой была потрясающая. Казалось, что улавливаешь шорох крыльев ночного мотылька,

атакующего лампочку дежурного освещения в десятке метров от тебя. А может, это тёрлись друг об друга молекулы воды в громадном потоке, стремящемся к Каспийскому морю. Или стрекотание электромагнитных импульсов в нейронах мозга, формирующих мысли о предстоящей ночи в мозгах у мужчин среднего возраста, курящих на двоих большую, ответственно набитую папиросу. Они стояли на мостках причала, молчаливо вглядываясь в черноту водного космоса с серебристой кляксой отражения новорожденного месяца, и передавали друг другу косячок после каждой затяжки.

– Представляешь, вот пройдет десять лет, двадцать, неважно, хоть тысяча. Может быть, и причала этого уже не будет, может быть, тут вообще построят город. И кто-нибудь будет так же стоять на этом месте и смотреть на эту луну, на эти звёзды. И картинка на небе будет в ноль такая же. Только нас уже – кирдык – не будет. Будут наши внуки-правнуки, прапрапра-, ну и так далее. А нас уже и не будет совсем. И даже воспоминаний о нас не останется. И Волга будет так же нести свои воды, – подняв голову к небу, проговорил Илья. И голос его дрогнул, как будто спазм перехватил горло.

– Почему не будут помнить? – переспросил Юрий. – Мы воплотимся в наших детях, внуках-правнуках.

– Да, так-то оно так. Но нас как личностей никто не вспомнит уже через каких-то пятьдесят – сто лет. Ты помнишь своих прапрабабушек и дедушек? Вот и твои прапра- забудут о своём, можно сказать, основателе династии олигархов Вокакнаховых. Хотя хрен его знает! У вас на Кавказе немного по-другому всё. Вы свои корни чтите, а мы... Ладно, пошли уже, девчонки сказали через минут двадцать подгрести, чего-то они там придумали.

– А ты не догадываешься чего? – переспросил Юрий. – Давай-ка ещё покурим, я бы даже граммчиков сто вискаря сейчас накати.

– Дык с девками и курнём ещё, они тоже хотели. И пузырик «чивасу рыгального» я на нашей кухне видел, двенадцатилетнего!

Первый раз было стыдно, когда не смог второй, второй – когда не получилось в первый.

Законы диалектики

Когда они вошли в домик, то сразу, ещё в предбаннике учуяли запах восточных благовоний. Илья сначала подумал, будто девчонки жгли палочки-вонялочки для

того, чтобы заглушить запах гашиша, явно примешивающегося к приторным индийским ароматам. Мужчины прошли дальше, во вторую дверь, ведущую из прихожей в зал. Тут властвовал мерцающий от нескольких свечей полумрак. Дымились те самые благовония, настраивая на загадочность, ждущую своего часа. Бутылка старого виски тоже стояла на столе. Она была открыта, вокруг располагались три большие коньячные рюмки, на дне которых поблёскивала янтарная жидкость. Тут же стоял «волшебный» чайник с нелегальным зельем и девайсами для курения. В динамиках домашнего кинотеатра негромко, но отчётливо звучала бодрая, при этом плавная музыка. Илья сразу узнал её. То была запись любимого альбома группы «Шпонгл», которую они с Маринкой постоянно включали во время своих сексуальных экзерсисов. Девчонок в зале не было.

– Располагайтесь, угощайтесь, будьте как дома, только не забудьте, что мы в гостях, – слышался из Юркиной комнаты голос Кристины.

– И ещё не забудьте, зачем мы приехали в эти гости. Мы скоро будем, – поддакнула ей Марина с угрозой в голосе. – Мы вам напомним зачем.

Мужики присели за столик. Юрий взял в руки рюмку, понюхал содержимое. Инин стал неспешно кропать гашиш для трубочки. Буквально через пять минут громкость музыки усилилась, видимо, девчонки забрали с собой пульт от аппаратуры и из проёма двери управляли проигрывателем. Они появились одновременно. Кристина, изгибаясь и вращаясь, как восточная танцовщица, предстала перед мужиками спереди. Маринка обошла их сзади и вынырнула с другого бока, из-за спин. На Кристе были чёрные блестящие трусики и красный лифчик. Импровизированный пояс со свисающими золотистыми цепочками должен был символизировать костюм арабской женщины, что подчёркивалось маской, которую издали можно было принять за чадру в её упрощенном варианте. Правда, сделать это получалось с большим допуском, ибо больше она напоминала венецианскую карнавальную с перьями и стразами. Однако эротизм её костюма вряд ли мог оставить равнодушным мужское либидо, даже если сила его стремилась к нулю. Тело Кристины намазала блестящим кремом, что дополняло картину невозможностью спокойного наблюдения за её сексуальными движениями. На Маринке был красно-чёрно-белый комбинезон с вышитой эмблемой «Ониойла». Из тех, что Юрий Иванович завёз на базу для согрева в преддверии осени. Точно в таких нефтяники концерна трудились на буровых вышках за полярным кругом. Но девушка надела его не для тепла. Отличие заключалось в том, что под ним ничего, кроме голого тела, не было, а молния полностью раскрыта, и замочек её с привязанной красной тесьмой игриво болтался между ног. В широко распахнутом разрезе угадывались

прелести верхней части её фигуры, скрытые чёрными широкими атласными лентами, тянущимися к грудям снизу. Ленты исходили из туманности её ног, раздваивались, струились вверх, обтекая пупок, и двумя полосками облегли соски, далее перекрещиваясь на шее. «Зрелище не для слабонервных!» – всплыл в мозгу Инина засаленный журнальный штамп. Руки его продолжали отколупывать маленькие кусочки коричневого вещества и крошить в розетку. Сидящий рядом Юрий судорожно сглотнул пару раз, отчего его кадык убрался внутрь горла и не вылезал обратно. Несчастный потянул фужер ко рту, но не сразу попал между губ, облившись виски. Постепенно он взял себя в руки, отхлёбывал алкоголь и не мигая впитывал в себя происходящее. А происходило всё очень красиво. Девчонки, готовясь, раздвинули мебель, обозначив ей достаточное пространство. Это был танец, в основу которого они положили движения, свойственные стилю ансамбля «Тодес». С той разницей, что пляски девушек были куда более целомудренными, ибо они не изображали страсть, они в ней жили в этот момент. И это было значительно честнее, нежели имитация. Как позже рассказывали танцовщицы, им оказалось очень просто срепетироваться. Обе они занимались танцами и именно в школе Аллы Духовой под названием «Тодес». Только Марина делала это в Москве, а Кристина – в филиале в Твери. Девушки переплетались в объятиях. Они сливались в поцелуях. Потом повернулись к мужчинам вполборота, так, чтобы можно было в свете свечи лучше разглядеть их пластику в профиль. Был виден каждый посыл, каждый брошенный друг на друга взгляд, полный страсти. Складывалось полное впечатление их безумной взаимной любви. Они воистину любили друг друга. На глазах из слияния тел образовывался монстр, похотливая кошка с двумя головами, грациозно изгибающая спину и испускающая в эфир мощнейшие высокочастотные импульсы похоти, страсти, желания разорвать в порыве чужую плоть на куски. И вцепиться в них зубами до скрежета и металлического привкуса крови во рту. Губы Кристины присосались к вздрагивающей венке, язык прошёлся по Маринкиной шее, спустился ниже, между полушарий. Дальше к пупку. Она встала на колени. Комбинезон наполовину сполз с верхней части тела Маринки. Кристина дёрнула за рукава, чтобы он соскочил с её рук и дальше, преодолев округлость попки. Тут закончилась одна композиция и началась другая, более неторопливая. Кристина очень медленно спустила одежду Марины на пол. Подняла сначала одну, потом другую ногу подружки, чтобы полностью освободить её. Та переступила лежащий на полу комбез. И повернулась к мужикам в фас. У обоих друзей перехватило дыхание. Прежний полумрак, вуалирующий детали, как будто рассеялся. Свет от свечи контрастно выхватывал стать девушек из тени. Маринка была до вожделения нагой, из одежды на ней оставалась чёрная лента, двумя струйками взбирающаяся по телу. Узкий чёрный треугольник волос поблёскивал и отливал вороненой сталью

в мерцании живого огня свечи. Мурашки пробегали под кожей от этого зрелища. Ленты рельефно поднимались вверх, струились по соскам, эффектно подчёркивая прелесть юного тела. Маринка подняла под музыку руки вверх. Илья понял, что начинает терять сознание. Сердце надрывно бухало в груди, отдавая импульсами в висках. Не схлопотать бы инсульт! Это самый безумно эротичный вид его девушки, воспоминания о котором тут же били ему в тот участок мозга, от которого захватывало дух, становилось тяжело дышать и тесно везде. Именно эту картинку он видел, когда занимался мастурбацией. У него моментально возникала эрекция, когда он вспоминал изгиб её тела, то место, где выпуклость груди переходит во впадину подмышки. Может, это был фетиш. Но даже мысль о поднятой руке Марины будоражила до такой степени, что его руки начинали подрагивать. А думать о чём-либо другом кроме обладания этим телом, не было ни сил, ни возможностей. Тут Инин сообразил, что правой рукой вцепился в Юрия. Они одновременно повернули друг к другу головы, посмотрели в глаза и отдёрнулись. Казалось, Маринка ушла в полную медитацию танца. В такт музыке Кристина поднялась во весь рост и взяла её за руки. Они сцепились ладошка в ладошку. Некоторое время как будто бы пытались проникнуть сквозь невидимое стекло, разделяющее их. Наконец Кристя встряхнула компаньонку, как было предусмотрено ими по их сценарию. Сымитировала пощёчину. Опустила девушку на колени и поставила ей ногу на плечо. Мужчины синхронно выдохнули, когда Марина на мгновение прильнула лицом к чёрному атласу треугольника трусиков. Кристина взяла девушку за подбородок, нагнулась, притянула её к себе и впиалась своими губами в её. Потом она оторвалась от уст подруги, подняла её во весь рост и шлепком по попе подтолкнула Маришку к мужчинам. Взяла за руку и повела к ним. Илью уже потряхивало, какие-то токи бродили по всему телу. Во рту пересохло, когда он наблюдал грациозно направляющихся к ним дам. «Ой, сейчас что-то будет!» – дребезжало в его мерцающем сознании. Подойдя вплотную к своим кавалерам, они остановились как бы в нерешительности. Илья ощущал жар, исходящий от них, и вожделенные запахи. Он чётко выявил столь знакомый Маринкин, напоминающий ему какой-то экзотический фрукт. К нему примешивался Кристинин, немного отличающийся, с хищными нотками гормонов, но не менее волнительный, сдобренный тонким ароматом каких-то знакомых дорогих духов. Кристина стояла напротив Юрия и смотрела ему в глаза. Маринка – перед Ининым с опущенным вниз взглядом. Вдруг первая резко посмотрела на Илью. Музыка сменилась на более ритмичную и агрессивную. Кристя дёрнула Маринку за руку и тихонько толкнула в сторону Юрки. Девушка, потеряв равновесие, упала на колени, встав ими на диван так, что Валентиныч оказался между её ног. Вернее, она стояла над ним, пропустив его между своих точёных ножек. Кристина специально качнулась в противоположную сторону, якобы не

удержалась, и повторила движение Маришки. Она приняла точно такую же позу, только уже над Ильёй.

– Мы так придумали сегодня, – прошипела она ему в ухо и тихонько прикусила мочку. – Пощады не жди!

Волна запахов, эмоций, тактильные и визуальные ощущения – всё это производило в сознании, а вследствие этого и в телах, полный раздрай и буйство гормонов. Они металась по организму, били залповыми установками, накрывая целые площади мозга, совершая в них переворот, революцию и полностью перекрывая коммуникации сознания. Думать или хотя бы контролировать себя и своё поведение не было возможности. Даже вопреки инстинктам самосохранения, которые импульсом ответственности пытались разрулить ситуацию и забаррикадироваться в своей реальности. Руки, тело, всё существо стремилось в бездну обладания безупречным телом ЖЕНЩИНЫ. Два разнозаряженных энергетических объекта сливались в один. А рядом, тут же, в нескольких сантиметрах, создавался точно такой же, не менее мощный излучатель энергии. Жар, страсть, вспышки гнева перемешивались с покорностью, беззащитностью и упоением собственной силой и униженностью. Густой, тягучий, сотканный из ласок и нежных прикосновений секс мог в доли секунды обернуться напором доминации женского или мужского начала. Четыре путника взбирались на горные хребты, открывали неизведанные пики. Вершины рушились и вздымались снова, придушенные брутальностью и мстительностью оскорблённого эго. Одежды валялись вокруг. Горьковатый запах любви, включающий в себя букеты различных ароматов от алкоголя, парфюма, пота, феромонов, казался влекущим, божественным ароматом. «Именно так должен пахнуть рай», – пришла в голову Кристины мысль уже на грани потери сознания. Не первый год в эротических фантазиях виделась ситуация, когда двое мужчин овладевали ею. Иногда к ним присоединялся третий. Порой ей снились подобные сцены с более расширенным количеством участников. Множество рук ласкали её тело, вызывая дрожь нетерпения и вожделения. Они забирались в потаённые уголки её... сознания. Языки пламени обжигали грудь, всполохами спускались ниже, вызывая кратковременные потери памяти и сознания. Её женское нутро содрогалось вибрациями и билось в экстазе, одновременно боясь и сопротивляясь, но стремясь при этом в космос пленительного омута. Вибрации и ритм возрастали, грозя разрушить всё вокруг, сознание туманилось. Ей показалось, или она и впрямь услышала слова Маринки, обращённые к Юрию, которого она оседлала: «Помоги другу, давай мы оба ему поможем, он ведь твой друг!» Новая волна перехватила дыхание. Кристина почувствовала на своей спине ещё одну пару рук, не считая тех, что держали её за попу. Это были явно мужские и сильные руки. Спина почувствовала нежность и тяжесть

навалившегося ЯН. Тонкая вспышка боли пронзила мимолётной стрелой её сознание. Она почувствовала в себе две мужские энергии, два начала, бьющиеся и взаимодействующие внутри. Жесткие и нежные одновременно. Ей оставалось лишь отдаться этой силе и ни в коем случае не сопротивляться. «Женщина должна уметь отдаваться», – мелькнула вычитанная где-то мысль. Ей хотелось быть раздавленной и униженной в этих руках. Лишь подсознание призывало к пощаде и наслаждалось унижением. «Единство и борьба противоположностей... единство и борьба противоположностей», – билась в голове услышанная фраза, чётко попадая в ритм звучащего в голове метронома. Перед глазами Кристины появилось лицо Марины, губы её что-то шептали, но разобрать ничего было нельзя. Хотя смысл был ясен и понятен, как и всё вокруг. Всё казалось очень простым и понятным. Но при этом совершенно необъяснимым с точки зрения логики. Здесь и сейчас её, логики, не было, как, впрочем, и времени. Даже пространство вокруг сузилось до состояния их комнаты. И в мире больше не было никого и ничего. Илья сидел на диване, девушка билась в конвульсиях на нём. Юрий находился сзади. Маринка, обойдя диван, перегнулась через спинку, целовала её лицо, глаза, губы. Руки девчонки гуляли по телам всех участников действия. Маринкина грудь тяжело тёрлась о лицо Юрия, перекрывая ему порой дыхание. «Гуава! Точно – гуава! – полыхнула в воспалённом мозгу Кристины мысль. – Именно запах гуавы разносится от Марининова тела. Именно этим фруктом с неземным ароматом пахнет она!» Потом земля разверзлась, и наступила тишина и холод. Уши заложило. Сознание потихоньку возвращалось к ней. Что с ней сделали? Кристина сидела на полу на толстом мягком ковре. Соучастники располагались рядом. Девушка не помнила, как они переместились сюда с дивана. Они сидели в круге, представители разного пола, друг против друга и держались за руки. Все вчетвером. В динамиках приглушённо журчала музыка, похожая на мантру. Снизу живота поднималась волна, как будто медленно надувался воздушный шарик, грозящий лопнуть и взорвать всё вокруг. Круг сидящих сдвигался, участники плотнее прижимались друг к другу. Руки их начали гулять по телам, норовя не упустить то возникшее и столь ценное состояние. И опять гроыхнуло. Гроза?.. За окном сверкала молния? Раскаты эхом отразились о внутренние стенки черепа, заметались, стучась об овальные углы сознания. Дуплет контрольного выстрела выявил из полумрака глаза, смотрящие в упор на неё. Потом сложилась из квадратиков вся картина целиком: красно-чёрно-белый вертолёт рыщет по степи в поисках неё, она бежит, спасается, поднимает к небу взгляд и видит в проёме двери наваливающейся на неё алюминиевой громады с крутящимся кругом винта глаза волка, умные спокойные глаза. Вокруг было безоблачное небо, солнце, как на верёвочке, опускалось вниз, на небе медленно зажигались звёзды. Как будто кто-то большой и важный, исполняя свои должностные инструкции, нажал

кнопку и пошёл отдыхать.

Свобода подразумевает выбор, но, как только ты его делаешь, сразу сажаешь себя в тюрьму. Другое дело, что умные люди не обременяют себя окончательным выбором.

Часть 5. Боль – концентрат счастья

Пытаться делать – значит не делать.

Личные наблюдения

Все сказки когда-нибудь заканчиваются, если пускать на самотёк их развитие и не утруждаться заботой о продолжении. Вот и безумные по своему накалу, разврату и вольнице выходные подошли к логичному завершению. Впрочем, насыщенность их достигла той стадии, когда окончание приносило скорее облегчение, в отличие от перспективы «продолжения банкета». Произошедшее необходимо было осознать, переварить и сделать из усвоенного выводы. «А может, и не заморачиваться, пусть ситуация развивается своим чередом, ведь должна же она привести к какому-то результату, вернее, разрешению?» Так думал Илья, пытаясь дремать на Маринкином плече, ворочаясь в тесном кресле самолёта, возвращающего их из волжского рая, которым чутко руководил Юрий Иванович, в привычную суету московского темпоритма. Состояние Инина можно было охарактеризовать, представив себе кота, обожравшегося сметаной, но начавшего задумываться о том, какое настроение случится у хозяйки, заметившей наличие отсутствия кисломолочного продукта. Нет, он не предполагал, что маленькое мужское приключение будет раскрыто и выведено на чистую воду. Будто жена просканирует его «ум, честь и совесть», а скрыть от неё что-либо никак не получится. За это он не беспокоился. Но его что-то тяготило, а что именно, никак не мог сообразить. Вины он не чувствовал, кроме как за то, что сам неплохо проводил выходные, а жена оставалась в Москве одна, без его соучастия. На душе в самом отдалённом и потаённом уголке что-то неприятно скребло и беспокоило. Некое опустошение и чувство неправильности и несправедности сложившейся ситуации. Конечно, он утешал себя, что всё

случившееся нельзя рассматривать отдельно от его службы. Что на Волгу зазвал Юрий, а он всё-таки начальник. Что поездка эта входит в его служебные обязанности. А вот в следующий раз он приедет сюда со всей семьёй, то есть возьмёт и Ольгу, и сына. Его жена Ольга по фамилии Белай, как и многие настоящие женщины, была девушкой весьма проницательной. И как все его предыдущие жёны (а Ольга была третьей), не взяла фамилию мужа. Илья к такому раскладу вещей относился философски, ведь смена фамилии тянет за собой кучу проблем, которые приходится решать потерей времени и нервов. А «оно нам надо?», как говорят в Одессе. По его мнению, в подруге, спутнице жизни или, другими словами, жене главное – это её содержание, а не фамилия. Но не как многие женщины Ольга была мудра в своём отношении как к мужу, так и к физиологии человека. Возможно, она замечала и понимала некоторые нюансы поведения Ильи, позволяющие делать далеко идущие выводы по косвенным признакам. Но виду не подавала. Ведь их семейной жизни это не мешало, вот и не стоило баламутить воду, мало ли что может всплыть. Вообще, в семье были весьма доверительные взаимоотношения. Слово «измена» не входило в их лексикон, а понятие этого слова казалось настолько расплывчатым и обобщенным, что никак не могло относиться к сфере интимной, то есть сексуальным отношениям на стороне. И казалось таким далёким от их ячейки общества. Они давно себе решили, что человек по природе своей слаб, подвластен желаниям и искушениям. Ведь в жизни бывают не только чёрные и белые краски, нюансов и полутонов хватает. С возрастом и стажем семейной жизни многое в человеке меняется. Независимо от того, мужчина это или женщина, у него возникает и неудовлетворённость половой жизнью, и стремление разнообразить её, ибо все мы, как ни стремимся к моногамии, остаёмся взбалмошными, неуравновешенными полигамными существами с тайными помыслами и фантазиями. Можно валить вину за это на Бога, на Дарвина с его гипотезой, на угарные видения товарища Фрейда, но суть остаётся сутью: человек, за очень-очень малым исключением, не в силах противостоять заложенным в нём инстинктам. А исключения, как гласит выведенная яйцеголовой братией ученых аксиома, лишь подтверждают правильность теории. Правда, та братия оставляет за скобками объяснение, каким образом происходит сей парадокс, и предлагает принять его на веру. А человечество, не задумываясь, так и поступает, даже не удосужившись хотя бы попробовать разобраться. Но это уже тема, мало имеющая отношение к взаимодействию полов, скорее, это методы продвижения в умы людей нужных идей и мыслей, дающих возможность держать человека в узде. И как бы ни старались общества при помощи религий и наук изобретать правила и законы, ограничения и морали, чтобы держать человека под надзором и управлять им, против природы не попрёшь. Человек стремится к разнообразию контактов и

находит их. Только делают это все по-разному. Традиционный путь известен, но в их семье они договаривались искать и находить разнообразие совместно. Проводили уже несколько экспериментов. Два раза они встречались с супружеской парой, которую им подкинули знакомые, большие поклонники группового секса. Те, видимо, надеялись своротить друзей на общую вечеринку и решили зайти издалека, чтобы таким образом ввести их в мир нетрадиционных сексуальных развлечений. Не сказать, что им не понравился эксперимент. Сама необычность ситуации и ощущений давала захватывающий выброс адреналина. Но, во-первых, начальные блины редко выходят не комом. Во-вторых, с той парой не сложилось душевного контакта. По первому пункту так решиться на групповуху изначально очень волнительно. Народ принимает на грудь для смелости. Принимает не сто грамм, чтобы притупить в себе мандраж перед неизведанным. А алкоголь в больших количествах плохо сочетается с физиологией половой системы человека, особенно мужского пола. Была со стороны новых знакомых некоторая механика процесса, что складывается уже с опытом, когда восторженность и новаторство ситуации перестают будоражить кровь и действие входит в русло обыденности. Самое ценное, что они вынесли из того опыта, это последующие безумные многочасовые сексуальные марафоны уже вдвоём, наедине в их семейной спальне, в которые затягивало полученное от оргии возбуждение. Это было самое сладостное и долгожданное, ради чего они и шли на подобные экзерсисы. Видимо, найти «свою», близкую по энергетике и прочим параметрам, устоявшуюся, постоянную пару в среде свингеров дело практически нереальное. А пускать к себе в койку людей, к которым не испытываешь никаких чувств, для чисто механического траха дело не их предпочтений. Так и получалось, редкие, не более раза в год, вкрапления сексуальных встреч в расширенном составе, которые удачно разбавляли собой скачанные из интернета порнографические ролики, в охотку просматриваемые перед сном. Видимо, та договорённость с женой и совершаемое Ильёй нарушение её засели занозой в сознании и травили душу.

– Помнишь, когда мы позавчера летели в самолёте, ты обещал аник какой-то рассказать, про «...а я обожду»? – сонно спросила Маринка, видимо, ей тоже не дремалось, и мысли ворочались в голове, пережёвывая последние впечатления.

– А, дык это про попа, который пришёл в публичный дом.

– Чур меня, чур! Ну так расскажи.

– Старый он, ещё со школы помню, под настроение и в тему пойдёт, к тому же его по-актёрски рассказывать надо, а я не в том состоянии сейчас, не смешно получится, как-нибудь потом, ты только напомни...

Бог не дал – в аптеке не купишь.

Народная мудрость

По возвращении в Москву Илью захватила суeta рабочих будней. На носу был «Золотой патефон», к организации которого он имел непосредственное отношение. «На носу» – это выражение предназначалось для ушей начальства, дабы создать видимость активной деятельности. До самого действия оставалось около месяца. Срок не критический и вполне достаточный для организации. Сам Инин так и не определился, что же это за зверь такой, конкурс или фестиваль. Называлось мероприятие официально премия «Золотой патефон», но являлось чем-то гламурным, подразумевало под собой светскую тусовку по типу «себя показать, на других посмотреть». «Патефон» традиционно проходил на самой козырной площадке страны, в Кремлёвском дворце съездов. Первые ряды контрамарилась под почётных гостей, билеты на них не продавались, а дарились, то есть являлись чем-то вроде взятки, презента хорошим людям. Прямая трансляция по ящику смачно фиксировалась на узнаваемых в стране лицах, личиках и просто физиономиях как политического бомонда, так и попсово-эстрадного сходняка, а также воротил различных видов бизнеса, желающих засветить свою персону на всю нашу необъятную. Если бы не государственный масштаб мероприятия, а соответственно, и ответственность, подобные вечеринки Илья делал, как говорится, левой ногой. Естественно, не один, со штатом помощников. А в данном случае организатором числилось «Российское радио». Его, Илья, задача была в курировании процесса и исполнении роли интерфейса между исполнителями и «кошельком» в лице «Ониойла», который являлся генеральным спонсором, именем которого и назывались в народе эти веселушки. На «Золотом патефоне» многие грели руки и не только в материальном плане. Но по большей части упражнясь в национальной русской игре под названием «распил бюджета». Опыта директорства массовых представлений нашему герою хватало. В своё время, на заре новейшей российской истории, так сказать, становления на Руси неокапитализма, Илья приобщился к истокам известного ныне кинофестиваля «Кинозавр». Не то чтобы просто приобщился и не то чтобы он один. На самом деле фестиваль они придумали на пару с Юрием Вокакнаховым. Но в последние годы Илья предпочитал отдавать пальму авторства Юрке, начальник всё-таки, на данный период жизни оставляя себе роль второго плана, впрочем, без которой этот кинофестиваль вообще бы не состоялся. Дело происходило в далёкие восьмидесятые того весёлого века, в самом конце их. Илья волею

судьбы попал в шоу-бизнес. Основной причиной, приведшей его туда, была мысль раскрутить свою подругу, вторую по счёту жену, возомнившую себя Эллой Фицджеральд или, на худой конец, Ларисой Долиной. Её звали Ритой, она пела джаз и была выпускницей музыкального училища имени Гнесиных. По диплому девушка числилась альтисткой и по распределению обязана была сидеть в оркестровой яме в театре города Челябинска. Во время постигшей страну анархии государству было не до молодых специалистов и их трудоустройства. Посему предполагалось, что случится это только через два года, ибо действующий на тот момент альтист оркестра ещё не достиг пенсионного возраста, который должен был наступить именно в упомянутые сроки – через два года! Выпускникам в таких случаях рекомендовалось самим озаботиться своим трудоустройством. Или набираться терпения, которое, впрочем, не давало ожидаемого результата. Маргарита решила пока начать петь, чтобы не сидеть без дела. Выходило это у нее довольно сносно. Вот Инин и решил найти себе работу, связанную с возможностью пропихнуть подругу по эстрадной иерархической лестнице вверх. К тому же самому было интересно забраться в мир персонажей популярных, не вылезаящих из зомбоящика. Забегая вперёд, следует упомянуть, что певицы из неё так и не вышло, как не сложился и их брак. Довольно скоро супруги расстались. А Инин застрял в том мире на весьма продолжительный срок, так и не поняв в итоге, к добру то ему давалось или во искушение. В те годы на головы простым советским людям свалилась странная хренулина под названием СВОБОДА. По крайней мере, население СССР так себе ЭТО определило и нарекло сим замусоленным словом. Она имела множество ещё более странных и непонятных составляющих: ПЕРЕСТРОЙКА, ГЛАСНОСТЬ, КООПЕРАТИВНЫЙ ЛАРЁК, БИЗНЕС. До кучи и искусство, вернее, та его часть, которая предназначалась для широкого общего пользования, то есть попса также стала кучковаться в кооперативы. Целью сих объединений подразумевался «забой бабла» в объёмах, которые представители попсы считали более справедливыми, нежели те рубли и копейки, которые платило за их кривляние перед публикой государство. Кооперативные или рыночные, а может, базарные рельсы, на которые встало наше искусство, и сейчас несут его вперёд во благо человечества, вбирая в себя всё новые и новые виды его. А изначально в СССР всё являлось государственным. Артистам платили энное количество ставок в зависимости от заслуженности. В это понятие входили различные параметры: выслуга лет, то есть стаж, звания, популярность и так далее. Ставка котировалась примерно в тринадцать рублей у вокалистов. С «балетными» была другая история. В зависимости от жанра и ставки были различными. Начинающие артисты получали по одной, со временем удостаивались повышения. Например, у Пугачёвой на излёте СССР зарплата за концерт составляла семь ставок. Это были солидные по тем временам деньги,

но, естественно, не устраивающие исполнителей. А у артистов ещё существовали администраторы, директора коллективов и прочий, как сейчас говорят, менеджмент. Они не просто хотели кушать, они норовили ещё и делать это с комфортом и не только то, что можно было добыть в магазине. Именно добыть. Существовали левые концерты, халтуры, многодневные гастрольные выезды, которые на профессиональном сленге назывались чёсом. И вот всю эту вакханалию появилась возможность легализовать. На левых концертах спалилось множество хороших администраторов. Многих посадили в тюрьму. И тут началась кампания под лозунгом дать дорогу молодым, предприимчивым. Стали создаваться молодёжные кооперативы, движения, МЖК (молодёжные жилищные кооперативы). Делалось это для большей лучшести, а также удовлетворения общечеловеческого желания подукрасть на этом деле и его организации денег. Начали организовываться структуры, призванные зарабатывать средства для сих начинаний. В стране в то время случилась разруха, последовавшая за увяданием расцвета эпохи застоя. Конторы эти гордо именовались ПТО (производственно-творческие объединения) и состояли при молодёжных жилищных сообществах. Из таких ПТО вышло множество солидных ныне акул шоу-бизнеса. Илья оказался в подобной бригаде при МЖК Сабурово, что на Каширском шоссе. Благо друзья свели его с комсомольским вожаком района Володей Муромским. Обстановка действительно была весенняя, независимо от времени года. Последний в истории СССР генеральный секретарь коммунистической партии объявил о курсе, в направлении которого страна отправилась, или её послали, и она пошла для дальнейшего развития. В душах молодых и энергичных расцвели ростки предпринимательства, ранее называемые стяжательством. Слово «креатив» ещё не входило в обиход за отсутствием представлений о нём. При этом довольно большой слой креативного населения пришёл к выводу, что работать вредно, вспомнив старую советскую поговорку о том, что «пусть трактор и работает, ибо он железный». Бизнес поделился на тех, кто зарабатывает деньги, и тех, кто их как бы вроде охраняет. Последнее не нуждалось в большой затрате собственных сил, достаточно было жизнью. У каждого предприятия, нашедшего хороший метод выманивания материальных средств из карманов сограждан, появились сторонние отделы, изымающие часть их на свои нужды в обмен на якобы безопасность. Как уже упоминалось в самом начале книги, назывались эти отделы КРЫШАМИ. Выражаясь протокольным языком правоохранителей, происходило «сращивание предпринимательства с криминалитетом». Куда деваться, деньги имеют такое свойство – притягивать к себе множество разнообразного народа. Поседевшие и отсижившие работники государственных концертных организаций гуськом потянулись в подобные конторы. Начиналось ПТО Сабурово на энтузиазме тогда ещё существовавшей комсомольской организации. Вернее, членов райкома

комсомола тогда ещё Москворецкого района города Москвы. Однако сие положение вещей продержалось недолго. Объединение, действительно, начало зарабатывать деньги, имея определённые преференции от разваливающейся власти. Чужой потенциал наживы, на базе ПТО стали кучковаться артисты, их директора, администраторы как концертные, так и функционеры от властей различных уровней и статусов. Короче, тусовка подбиралась нетривиальная. Как раз незадолго до этого прошла показательная кампания по борьбе с хищениями и приписками в сфере искусства. Под акцию попали практически все концертные организации, начиная от «Госконцерта», «Росконцерта», филармонии и даже полупрофессиональных ансамблей и коллективов из домов культуры. Так как ПТО Сабурово было одной из самых первых концертных организаций, облечённых широкими правами вплоть до печати своих билетов, так и право «первой брачной ночи» по взятию известных исполнителей под своё крыло принадлежало ему. Не отставали от них и организационные умы. Среди таких акул шоу-бизнеса, примкнувших к производственно-творческому объединению с последующим взятием власти в свои руки, был и Марк Аврельевич Штрудельшницель. Он являлся уникальным человеком, полигранным и многоликим. У него было несколько ипостасей, вполне уживающихся между собой внутри этого талантливого невысокого человека с харизматической внешностью и ни с кем не сравнимым хриплым голосом. По вступлении в силу провозглашённых ПЕРЕСТРОЕК и ГЛАСНОСТЕЙ он обернулся обратно в Марка Аврельевича, хотя незадолго до этого гигант концертной мысли именовался Марком Григорьевичем Глазковым. Таких метаморфоз в его жизни было несколько. Бывал он и Марком Израилевичем при необходимости. По количеству фамилий Марик мог соперничать с криминальными авторитетами в области разнообразия кличек и дополнительных имён. Объяснялось это попыткой скрыть свою национальность, а также большой любовью к женитьбам. Причём отношения типа «встретились, перепихнулись» не прикалывали великого администратора. Такое ощущение, что лозунг «Взялся за руку – женись» родился в его душе задолго до зачатия самой души и, соответственно, тела. По примерным подсчётам сослуживцев делал он это девять раз. Что касается национальности, то в советское время был в документах такой пункт, который назывался ПЯТЫЙ. И если в этой графе записывали «ЕВРЕЙ», то не на всякую должность и работу мог претендовать её обладатель. Подобным людям оставалось идти в педагоги или шоу-бизнес, что, собственно, они и делали. Но генная память и выработанные за тысячелетия инстинкты всё равно даже после отмены пятого пункта заставляли носителей экзотических национальных фамилий менять их различными уловками. Самой простой и доступной была свадьба с обладателем русского звания. Взять фамилию супруга или супруги – дело нехитрое, гораздо сложнее в дальнейшем сохранить семью, если, конечно,

такая цель входила в планы брачующегося. Но не у всех получалось это сделать. Тем и объясняется множасьее на тот момент количество свадеб у господина Штрудельшницеля. Как и положено работнику административного цеха областной филармонии, Марк угодил в тюрьму, причём на солидный срок в восемь лет по обвинению в приписках и хищениях. Он был директором известного в СССР ВИА «Пламя». Кроме левых концертов, которыми грешили все, Марку вчинили в вину огромные расходы на такси, списываемые на перевозку исполнителей и аппаратуры. Когда следователи подсчитали задокументированные траты, то выяснилось, что по документам такси совершали служебные поездки по всей территории Советского Союза, начиная от Москвы и до самых до окраин. Если сложить все потраченные на то деньги, разделить на тариф за километр, получалось, что можно было несколько раз совершить на такси кругосветное путешествие с заездом в самые отдалённые уголки планеты. Так как на самом деле деньги эти никуда не тратились, и артисты перемещались на метро и поездах, то оседали они... сами отгадайте с трёх раз, в каком кармане. По этой причине откупиться Марку было чем. Он заплатил немалую сумму другому известному в этом мире концертному администратору. Тот взял на себя всю вину нашего гения и сел вместо него в тюрьму с условием, что Марк вытащит его оттуда через некоторое время. Иваненков, так звали «дедушку русского администрирования», был уже весьма немолод и мог рассчитывать на поблажки и досрочный выход с нар по возрасту и знакомству. В будущем Марк не оставлял старика на свободе без поддержки, давая ему административную работу на телефоне и используя в своих интересах его связи в этом мире, пока тот не преставился. В Сабурово Марик развёл очень бурную деятельность. График работы у артистов был весьма напряжённый. Инин, тогда ещё двадцатичетырёхлетний энтузиаст, подогретый возможностью получать огромные в его представлении деньги, впрягся в работу так, что за полгода заработал себе на кооперативную квартиру. Его опыт и авторитет в мирке шоу-бизнеса рос. Вскоре он возглавил концертный отдел ПТО Сабурово. Ему уже необходимо было набирать себе работников и подбирать команду администраторов и исполнителей. Тут-то Илья и вспомнил о своём новом, но уже ставшем близким друге Юрии Вокакнахове, который оканчивал институт имени Баумана, позже не без спонсорства Юрия ставший университетом. Кавказского друга распределили в какой-то город Мухосранск на инженерскую должность с окладом в сто сорок рублей, где он обязан был отработать три года, дабы возместить долги родине, окупив ей те затраты, что она понесла на его обучение. В СССР были такие правила.

Демократия заканчивается там, где собирается более двух человек.

Наблюдение автора

Как уже упоминалось, Юрий Вокакнахов был осетином из большого горного посёлка районного значения. Зимой там случалось так, что перевал засыпало снегом, и связь с «большой землёй» прерывалась до трёх месяцев в году. Первые годы Юрки в Москве прошли под огромным напором впечатлений от столичной чуждой, но столь притягательной жизни. И общего непонимания того, как же люди ухитряются жить в таком большом и ни фига не горном ауле, где даже соседи по лестничной клетке могут не знать твоего имени. Не то что собираться вечерами за большим столом. Помогать друг другу. Здесь все жили сами по себе. Конечно, студенческая общага представляла собой иной мир, отличный от окружающей среды за её пределами. Но то были не москвичи. А те избранники судьбы, что родились и жили тут годами, казались существами с другой планеты. И именно им он, Юрий Вокакнахов, должен был доказать, «кто тут главный». Именно этот город, эту страну он рассчитывал покорить. В том смысле, что этот огромный, холодный и безразличный к чужакам муравейник обязан был принять его в ряды своей элиты, знати и прислушиваться к его желаниям и повелениям. Короче, Юрка видел себя в этом городе, а не город в себе. На первых порах он даже говорить по-русски мог с большими ошибками и акцентом. Поэтому, когда он познакомился с Ильёй, хоть и москвичом, но весьма далёким от столичного снобизма, он углядел в нём родную душу. Илья тоже был тут не совсем своим в московских традициях. И их многое роднило в этой жизни. Но больше всего – наличие жён и полное безденежье в те годы. Что заставляло и того, и другого искать и находить пути добычи средств к существованию. А средства эти были очень нужны. Ибо обеим парам приходилось снимать жильё, что для студенческого бюджета вещь неодолимая. Почти год ради экономии они снимали двухкомнатную квартиру на четверых. По графику вели совместное хозяйство, что давало им неоценимый опыт, часто вспоминаемый позже с юмором.

Первый раз Илья привлёк Юрку к организационной работе, когда Марик Штрудельшницель поручил ему первое серьёзное и ответственное мероприятие. Это было его боевое крещение, чисто самостоятельная программа, к тому же имеющая большое политическое значение. Начиная с середины восьмидесятых в страну потянулись толпы иностранцев. Железный занавес приспустили или, наоборот, он был приподнят. СССР им казался интереснейшим и неизведанным, а если говорить по-русски, непуганым заповедником, в котором водилось существо, поименованное HOMOSOVIETIKUS. Заграница посчитала своим долгом облагородить его, приручить и научить жизни. А заодно и себя не обидеть, срубив с восторженных аборигенов, чего у них плохо лежит, взамен «стеклянных

бус» в виде окорочков Буша, спирта «Рояль», сухого сока «Инвайт», в который, по утверждению рекламы, надо было «просто добавить воды». Иностранцам было глубоко наплевать, что по-русски назвать сок сухим было абсолютным нонсенсом, ибо «сок» – однокоренное слово с «сочностью», которая априори не может отличаться сухостью. Наши эстрадные хлопцы и дивчины только начинали частить по границам. А вот их третьесортные гастролёры налетели в Россию, как мухи на ликёр «Амаретто». Привезла своё творение и американская борчиха за мир по имени Патриция Трамтандон. Творение заключалось в глобальном, несколько сот метров длиной, полотнище, на котором были выведены имена детей, погибших в войнах двадцатого века. Акцию по разворачиванию этого транспаранта с дальнейшим проходом с ним по аллеям «парка культуры имени отдыха» А. М. Горького в Москве и поручил начальник Инину. Именно для этой акции на договор с испытательным сроком и принял себе на работу Юрия начальник концертного отдела Илья Инин. Будущий миллиардер проявил себя неплохим и очень смышленным организатором. В меру ловким, ибо приходилось залезать на крышу Зелёного театра, чтобы привязать рекламные растяжки. На следующий день во время разборов на планёрке Марк Штрудельшницель похвалил всю Ининскую команду. Выдал из кармана премиальные и объявил о создании большой концертной организации, в основу которой будет положен концертный же отдел во главе с вышеозначенной бригадой. Именно в тот день, растрогавшись во время глобальной пьянки, последовавшей за объявкой и призванной отметить начинание, Илья и сказал Юрию слова, которые тот не уставал повторять в качестве тоста долгие годы после этого события.

– Бросал бы ты свою науку и инженерство, в тебе такой администратор пропадает, – молвил Инин.

В интерпретации Вокакнахова в будущем это позиционировалось как «За друга и брата Илью, разглядевшего во мне администратора и направившего на путь истинный, благодаря чему я и достиг всего того, что имею!». Поднимал центральный тост пьянки Юрий и чокаться всех заставлял стоя.

Контора росла и расширялась, «капуста косилась и шинковалась». В какой-то момент концертная деятельность показалась нашим друзьям мелковатой. Как сейчас сказали бы, в тренд входило кино! Как ни дико может звучать словосочетание «кооперативное кино», но именно так оно и называлось в первые годы появления коммерческих кинообъединений. Первым образчиком кооперативного творчества в этой сфере был гениальный по своему тупизму и незатейливый по сюжету фильм «За прекрасных дам». Именно с этой, с позволения сказать, картины, началось зарождение будущего всероссийского

кинофестиваля «Кинозавр». Инин взялся за прокат этого фильма в Свердловской области и самом городе Свердловске, тогда ещё не переименованном в ностальгическое название. Как, с какими приключениями, бандитскими разборками с криминальной бригадой уралмашевских проходил по области чёс, тема отдельной истории. Следует лишь упомянуть, что хронометраж картины – пятьдесят две минуты. А уральские партнёры благодаря плохой телефонной связи поняли, что фильм двухсерийный. Так и заявили его, распродав несметное количество билетов по тройному тарифу на каждую из серий. Аншлаги были везде, на всех площадках от домов культуры, клубов до огромных концертных залов. Илье пришлось вспомнить студенческие годы на курсе у великого мастера Олега Павловича Табакова. Придумать сценарий «киновечера, состоящего из двух частей». И выступать ведущим этого мероприятия. Штаб кинопроката состоял из него, Юрия и местных жуликов. Привлекли к программе уральского барда, нашли пятнадцатиминутный ролик, повествующий о конкурсе красоты «Уральская красавица». Плюс вступительное слово самого Инина, представляющего одним из соучредителей кинообъединения, выпустившего картину, и другом детства режиссера. Посидев вечер в гостинице, Инин состряпал подобие программы часа на три и две недели «вспоминал молодость», кривляясь на сцене. Сам фильм, съемки которого производились в одной комнате, стоил создателям «три копейки». Самое главное его достоинство заключалось в том, что там снялись довольно известные актёры, впрочем, сегодня напоминать им об этой работе не стоит, «иных уж нет», а некоторым может быть стыдно. Две недели чёса по долам и весям Урала внесли яркое разнообразие в и без того нескучное существование столичных гастролёров. В городе Серове они заранее, ещё до окончания фильма, оценив обстановку в зале и прилегающей местности, сказали водителю греть машину и готовиться к срочной эвакуации из районного центра. Неблагодарные зрители, не сильно избалованные посещением их краёв «столичными штучками», к тому же заплатившие за набебекалово неприлично и непривычно большие деньги, готовы были применить к гастролёрам суровое уральское гостеприимство, не отягощённое культурными заморочками цивилизованного мира. Тогда наши герои выкрутились без потерь и тяжёлых травм.

Со временем, осознав всю коммерческую выгоду нового направления в добыче денег посредством киноразвлечения масс необъятного СССР, Инин подумал вообще переключиться на кинопрокат, оставив концертную тусовку начинающим администраторам. К тому году почил в бозе из-за отсутствия грошей у правительства Москвы международный московский кинофестиваль. «Ну и кому же теперь поднимать «важнейшее из искусств», каким считал кино Владимир Ильич Ленин», – подумалось Илье. И он тут же нашёл ответ, причём в собственной голове. Конечно же, ему, и его единомышленникам, и друзьям-

соратникам. Понятие «КОМАНДА» в том смысле, как оно подразумевается ныне в офисной среде, ещё не пришло к нам из Америки и продукции Голливуда. И тем более не укоренилось в головах населения до ощущения в груди отрыжки с корпоративно-патриотическим подтекстом. Это ужасное слово, вернее, понятие давно уже ассоциировалось у него с отрыжкой, неожиданно подступившей и противной, как после биг-мака, а в этот момент тебе ещё кричат «Горько!». Инин уверовал, что в его силах возродить гордость отечественной и международной общественно-культурной жизни, благо в мире кино он обзавелся связями. К тому же рассчитывал на отцовские знакомства с властью имущими. Папа Ильи был относительно известным журналистом, вхожим в высокие кабинеты и пользующимся уважением у московских властей, с которыми ранее сотрудничал. А новоиспечённую должность мэра Москвы на тот момент занял близкий друг отца, с которым они служили ещё в газете «Правда», Гавриил Поповский. Именно к нему на приём и напросился при помощи папы Инин. Дабы предложить отцу города свои творческие силы, таланты и идеи относительно возрождения фестиваля. Долго они с Юркой потом вспоминали свой поход в красный дом с белыми колоннами напротив памятника князю. Если верить старому анекдоту, то именно вокруг статуи по повелению оригинала и был построен стольный град. Сейчас с высоты своего опыта и положения действительно смешно было вернуться мыслями в то новаторское время, навевавшее беспробудный энтузиазм, как после большой и принципиальной победы, требующей мобилизации сил для восстановительных работ. Два «кренделя» (Илье двадцать четыре года, а Юрию двадцать два), отгладив свои единственные, оставшиеся от свадеб костюмы, припёрлись на встречу с мэром огромного мегаполиса, погрязшего в проблемах. С чувством, что их выслушают и, более того, послушают. И вот эти юноши «без страха и упрёка» начали занятому человеку «развешивать по ушам», как здорово и с какой выгодой для всех они воссоздадут то, чего этот мэр из-за всеобъемлющей нищеты похерил. Гавриил Харитонович выслушал наших оптимистов со вниманием, скорее всего, отдавая дань уважения родителю главы делегации. Потом посидел некоторое время, подумал и молвил философски:

– А что, молодёжь, дело хорошее задумали, стоящее и ныне архиважное как в политическом смысле, так и в материальном. Ну, с политикой, думаю, вам объяснений не треба, насколько нам сейчас подобная общественная акция необходима. Не дети, сами всё понимаете. Давайте перейдём ко второму вопросу. Итак, сколько у вас есть денег на организацию фестиваля?

– Денег? Откуда у нас деньги? У нас энергия, молодость, идеи, энтузиазм. Мы вот ещё придумали на Новый год Останкинскую телебашню лазерами раскрасить, чтобы ёлку новогоднюю симитировать, – не понял вопроса Инин.

– Новый год – это хорошо. Это мы возьмём на заметку. А как же вы без денег хотите международный кинофестиваль замутить? Идей, понимаешь, у нас тоже немерено. У нас денег нет. Вот гроши найдёте, заходите, всегда рады будем! – и он, пожав ребятам руки, вручил обоим красивые визитные карточки с изображением герба Москвы.

Несолоно хлебавши, если не принимать во внимание авторитетные мэрские визитки, молодые люди вернулись в свой сабуровский офис и рассказали о приключениях с обустройством фестиваля непосредственному шефу, Марику Штрудельшницелю. Изначально они не ставили его в известность, надеясь ошорпризить в случае удачи или попросить помощи, ежели она к ним «не обернётся передом». Через месяц на столе у Марка лежал учредительный договор международного кинофестиваля «Кинозавр». Марк даже не стал придумывать другое название. Он просто пошёл по проторенной ребятами дорожке, подготовив документы и, вероятно, достав на мероприятие необходимые деньги. В составе учредителей был, естественно, в первую очередь сам Марик и далее по ранжиру не без подставных персонажей от Правительства Москвы. Вот так, животом и лысиной вперёд, открываются многие тяжёлые двери в весьма крепкие и неприступные кабинеты. Молодость иногда тоже может быть пороком, как гласит русская народная пословица. Впрочем, быстро проходящим, как добавляет она же. И в этом наши друзья убедились по прошествии лет, когда Илья, ожидая Юркиного освобождения от важного клиента, сидел в его приёмной на семнадцатом этаже дома по Краснопресненской набережной и кокетничал с секретарём Юлией. А в это время туда же вошёл Марк Аврельевич Штрудельшницель. Ему было назначено посещение, а целью визита являлись переговоры о спонсорском вспоможении международному кинофестивалю «Кинозавр», только уже не московского, а сочинского разлива. Марк постарел, потолстел ещё больше и не выглядел здоровым человеком. Он узнал Инина, очень удивился его пребыванию в нефтяной компании. Но не стал вспоминать старое и их не самое доброе расставание десятилетие назад. Марк придерживался выработанного за долгие годы работы в шоу-бизнесе правила – не платить своим сотрудникам много денег. Некоторые не согласятся с его взглядами на жизнь, но они работали. Худо-бедно, но они давали результат его карману и имиджу. Он руководствовался понятиями «я в ваши годы столько не зарабатывал», «если собираетесь уходить – скатертью дорога, в СССР двести сорок миллионов жителей, работников хватит на мою жизнь» и тому подобными. Доводы, что лучше командовать проверенными, своими, к тому же разбирающимися в деле людьми, его не волновали. Марк был убеждённым человеком, это был истинный представитель только нарождающегося класса бизнесменов и предпринимателей. Только был он личностью уже сформировавшейся и namного

опередившей своё время. В ближайшем будущем они уже стали плодиться и размножаться, но такие Марики шли в авангарде и прокладывали дорогу молодым и ранним своей лысиной и животом. Этими молодыми наследниками бывших «цеховиков» и были наши герои, в первую очередь Юрий Вокакнахов.

В сотрудинке необходимо воспитать чувство, когда интересы работодателя воспринимаются им как свои собственные. За вознаграждение, естественно. И вот тут необходимо найти баланс между энтузиазмом работника и суммой вознаграждения. На определённое, не учитываемое никакими статистиками время. Ясное дело, что любой наёмный служащий до конца не согласен со справедливостью вознаграждения за свой труд. Но из него можно выжать всё до конца и спокойно уволить, взявшись за следующего, который стоит в очереди на трудоустройство. А подобных в шоу-бизнесе хватает. Так рассуждал Марк, и похоже, что судьба не препятствовала этому. Хотя со временем предприятия его приходили в упадок, но он успевал раскрутить их и вовремя продать. Что, кстати, произошло и с кинофестивалем. Так и жил, и живёт до сих пор этот затейливый и мудрый персонаж. То находя спонсорские деньги, то получая преференции на освобождение от налогов. То заключая договора с патриархатом, имеющим льготы на импортные пошлины. Короче, внакладе Марки Штрудельшницели никогда не остаются, и Бог им судья. Но и у них есть пятки, на которые наступают молодые, полные сил, жадности и эгоистичных амбиций мальчики и девочки с горящими глазами и уверенностью, что этот мир должен работать на них, а никак не наоборот. И пятки эти иногда оказываются ахиллесовыми...

Красиво, сексуально, обаятельно – такие эпитеты относятся к женщинам. Для мужчин существует одно позитивное определение – СПОНСОР.

Мнение, подслушанное в женской компании

Илья сидел в модельном агентстве и заполнял очередной левый договор, который подсунула ему бандерша Света, точнее сказать, генеральный директор этой конторы. Договор ничего не значил. Он являлся подстраховочной бумажкой для бухгалтерии. На деле договаривались «по понятиям», на честное слово Ильи. По плану после самой тусовки в КДС «Золотой патефон» перемещался в более камерные апартаменты, где действие продолжалось в более тесном формате и называлось «афтерпати». Инин набирал девушек в основном для этой, последующей за официозом вечеринки, но и на торжественной части будет

задействован этот спецконтингент. Блондинка Света предоставила ему списки имеющихся кандидатур, в которых были помечены розовым маркером те, что готовы выступить в «высшей лиге», то есть «с продолжением», а ещё понятней – с ними можно заняться сексом. У них во время мероприятия будут приколоты розовые побрякушки на груди. Других Илья решил пометить голубыми брошами. Секретарь модельного агентства сегодня отпросилась по личным делам. Света распечатала бланки, и Илья корпел над ними, заполняя от руки. Он давно уже не держал в руках шариковую ручку, поэтому процесс давался ему с трудом. К тому же за колонной, отгораживающей приёмную от небольшого закутка, находилась стайка молодых студенток, ищущих себе подработку на модельной ниве. Они не обращали внимания на сидящего за бумажками дядьку, а может, просто не заметили его присутствия. Девчонки тоже водили ручками по бланкам, видимо, трудовых договоров, которые заполняли для работы в агентстве. Инин слышал разговоры, как ни пытался отрешиться и абстрагироваться от них. Тем более что их тёрки отвлекали от и так не получающихся каракулей в договоре.

– Вот, например, в той же Индии, Китае, арабских странах, вообще по всей Азии население растёт, в Европе сокращается, а в России катастрофически уменьшается, что бы нам там ни рассказывали в предвыборных агитках и кандидатских программах, – утверждала одна, похожая на комсорга из Ининской юности.

– Да, наметился было рост рождаемости в предкризисные годы, а потом что? Вот вроде в Москве ещё как-то демографическая ситуация держится, опять же за счёт кого? Вы верите, что молодёжь начинает больше рожать? Восполняется демография в основном за счёт приезжающих в столицу, посему и население этого мегаполиса прёт как на дрожжах, и цены на всё заоблачные. Потому что львиная доля всех денег России в этом заколдованном городе сконцентрирована. Ну, ещё в Питере и паре-тройке других крупных городов, – вторила её другая, по всей видимости, весьма эрудированная подруга. – А с деньгами та же история, что с говном и мухами, где они, туда пипл и слетается. Где бабла мало, там и украсть нечего. А в Мааскву приезжаешь, и первое ощущение, что тебя все хотят поиметь. Ты сразу анус напрягаешь, подтягиваешь его, чемодан поближе к ноге, чтобы чувствовать, когда его у тебя тырить начнут. Паспорт и деньги в трусы засовываешь, да ещё булавкой для надёжности сверху зашпиливаешь, заодно и в качестве сигнализации, попробуют залезть, булавка раскроется, воткнётся, ты и предупреждена, а значит, вооружена. Ещё хорошо шубу в них заправить, если мороз на дворе. А мужики в этой Мааскве – одно название.

– Ну, в этом ты не права, знаешь, иной раз прямо какие-то монстры, маньяки в смысле секса попадаются. Я с нефтяниками-москвичами часто работаю, которые большими топами служат, те, конечно, яйца уже своей сидячей работой плюснули о начальские кресла. А те, кто у них же, но по части пиара да всяких развлекух-мальчишничков, те оч даже ничего бывают, – говорила, судя по смысловой нагрузке, опытная студентка явно старших курсов. – Есть тут один такой, в этот раз тоже прикатил. Но, девки, я на него первая сегодня претендую, а вы в очередь, ежели он меня не выберет. Так сказать, по праву старшей и самой опытной подходим мы с ним друг другу по энергетике. С любимым такого секса не бывает, как с ним. Вот вроде за деньги, по работе, а прёт с него до сведения матки, до искр в глазах, а уж оргазм какой! Как салют на Девятое мая, как ракета-носитель «Протон», мать его! Так что всех под одну гребёнку не лохмать. Знаете аник про классификацию мужиков?

Сказанное несколько озадачило Илью, да так, что он отложил писанину, чтобы лучше вслушаться. Ему показался голос девушки знакомым, к тому же речи её явно относились к назначенному на сегодня кастингу. А смотр девчонок устраивал он, Инин, похоже, что и речь о нём. Илья выглянул из-за колонны, чтобы разглядеть говорящую. Нет, не помнит он такую, может, на сегодня назначен отбор девушек и другими конторами? Причём нефтяной направленности, как можно сделать вывод из повествования претендентки. Тем временем она продолжала:

– Так вот, они бывают трёх видов: ХАХАЛЬ, ТРАХАЛЬ и ВЫХУХОЛЬ. Хахаль – это типа ПАПИКА, бабок много, хрен практически не работает. Такие в рамках нашей подработки истинный кладезь. Отсосала ему пару раз за выходные, гонорар в карман и домой, к семье, дитё кормить или любимого тешить. Трахаль, этот, соответственно, наоборот, всё стоит, кента колбасит, но с баблом – полный отстой. Такие как раз среди творческих натур больше всего и попадают. Самые достойные – это выхухоли. У них и деньги есть, и эрекция, и фантазия, и время на хорошее порево. Но потому они выхухолями и названы, что уж больно редки и попадают. Мне вот еще ни разу не попадались. Короче, в Красную книгу они занесены.

– Да, тот клиент, что с баблом и в бизнесе крупном подвизался, видимо, к нам потому и обращается, что с женой уже никак у него не получается. И лет много, в двадцать-то олигархами не становятся, и силы все на косьбу капусты ушли. Жёны уже тоже не той кондиции с годами стали, их в Монако в ссылку загоняют вместе с детьми. А с нами всё можно и не стыдно, если у него, как у грузина в старом анекдоте: «У меня как рэзвий конь!..» – «Что, так прямо в бой и рвётся?» – «Нэт, у меня как рэзвий конь, ни минуты устоять не может...»

Разговор так и вертелся вокруг актуальной темы. Илья не видел из своего укрытия всех говорящих, но ему было ужасно любопытно услышать, чего же думают девушки о мужиках, когда говорят между собой честно и откровенно, уверенные, что их не слышат посторонние. Один вывод уже напрашивался сам собой: папики-нефтяники – полный отстой по сравнению с крутыми пиарщиками из их контор, к которым относился и он сам.

– Да, ну, на наш век нормальных мужиков ещё хватит, а вот чего дочкам останется, если так дело дальше пойдёт? Будут с китайцами или другими азиатами скрещиваться.

– Ага, за юани или ещё какие тугрики.

– Вот обратите внимание, девки, в арабских семьях детей немерено. А почему? Не знаю, что первично, что вторично, только у меня такая связь прослеживается: помните, какие одежды у ихних мужиков?

– О, я в Египет много раз ездила со своим из мэрии. Ну, типа, рубаха у них белая и тряпка между ног намотана.

– Во, в тряпке той всё дело. То ли они специально такую одежду в процессе эволюции придумали для удобства, чтобы не тратить время на застёжки-расстёжки и всегда быть наготове, ибо любят они это дело, а презики западло надевать, не по-арабски это, посему и рожают у них бабы столько. Либо одежда такая у них издревле была и позволяла в любой момент к делу приступить не заморачиваясь, без задержек. Представляете, работает себе арабский мужик в поле, что вдоль берега реки Нила тянется. И тут одна из любимых жён несёт ему в кузовочке рисовые лепёшки на обед. У нас на Украине их тормозочками называют. Лица-то под чадрой не видно, зато формы кое-какие из-под балахона проглядывают. Наш мужичок чё сделал бы? В лес, в кусты поволок. Там комары, лапти-валенки снимать надо, чтобы штаны стащить. А этот тряпочку закатал, дело своё похотливое свершил, охальник, тряпочку одёрнул, и можно идти обедать или далее пахать-окучивать.

– А я тут в тему аник слышала, правда, мож, и не в тему, но я всё равно расскажу. Едут, короче, в трамвае еврей и католический священник. У ихних попов прикид сзади застёгивается, если кто не знает. Потому у них воротничок наоборот надет, на спину пуговицами. Еврей смотрел на того, смотрел, потом и говорит: «А чего это у вас, уважаемый, воротник задом наперёд?» «Так то ж потому, что я отец», – отвечает священник. «Так я вроде тоже отец, однако воротничок по-нормальному ношу». «Ну, у тебя-то детей немного, а я для тысяч отец», – гордо отвечает ксёндз. «Скока-скока? – спрашивает еврей. – Могу тока

посочувствовать вам в вашей ситуации и посоветовать: попробуйте брюки надевать ширинкой назад».

– Маша, а замужем-то лучше?

– Лучче.

– А почему лучше?

– А потому как чашше...

Подслушанный разговор

Как уже отмечалось ранее, в обязанности нашего героя входило полное организационное обслуживание своих шефов-нефтяников на корпоративных мероприятиях. К которым вполне логично можно было отнести и афтерпати «Золотого патефона». Модельное агентство, где он находился в текущий момент истории, обслуживало своим спецконтингентом различные предприятия, лишь бы денег платили. Но естественно, бОльшая уважуха и респект предоставлялись нефтяникам и газовикам. Оно и понятно, ибо кто же более всех не жалеет средств на отдых своих отцов-учредителей, как не наши доблестные добытчики углеводородов, ведь цены на них поднимались до заоблачных высот. А в учредителях числились именно отцы, а не матери, то есть представители мужеского пола, следовательно, потребители услуг, предоставляемых модельным составом сотрудниц пола женского. Потому немудрено было встретиться на этом «предприятии высокой культуры обслуживания» с коллегами из профильных коллективов.

До трудоустройства Инина в «Ониойле» пахарем на ниве удовлетворения внеслужебных потребностей «больших пацанов» сию нелёгкую ношу тянули на себе сотрудники концертного отдела «Росрадио» или «Русрадио». Вариантов написания и произношения использовалось несколько, и все они были зарегистрированы как официальные. Несмотря на самую солидность, глобальность и государственное, с первого взгляда, название, радио это было абсолютно частной конторой. Довольно хлипкой и ничем не примечательной радиостанцией, вещающей в укавэшном диапазоне всякую хрень для домохозяек и коротающих время в пробках автомобилистов. В те времена страну буквально захватила эпидемия возникновения частных средств массмедиа. Смекалистые ребята понимали, что за прессой и вещанием будущее как за

инструментом управления людьми и их сознанием. Посему такой инструмент имеет огромную политическую, а следовательно, и материальную ценность. И коли есть возможность подобную штуку занять в своё владение, дык почему же не хапнуть. Хозяевами «Русрадио» являлись довольно молодые ребята, совершенно разнонаправленные по роду деятельности и понятиям, но имеющие одно общее, что, по всей видимости, и являлось тем самым стержнем, который и армировал их союз. Как ни странно, тройку эту объединяло имя участников. Оно было одно на всех и звучало как Сергей. Из них троих только Сергей Ахриплый имел в прошлом отношение к вещательной сфере. Он трудился до того на радиостанции «Юность», прекрасно ориентировался в медиабизнесе и удачно подсуетился во время всеобщей приватизации, отчинив себе приличный кусок при дележе акций. Сергей Шкурников некогда подвизался на ниве комсомольской работы, даже занимал некую высокую должность в райкоме-обкоме ВЛКСМ. Потому тоже неплохо ориентировался в вопросе, «с какого бока и что именно намазано вкусненьким». Как помнят, наверное, читатели, в эпоху накопления первоначального капитала... Короче, сами понимаете, кто был в курсе, что почём и когда начнётся. Потому неглупые партийные и комсомольские функционеры не попёрлись на баррикады бороться с захватом власти врагами-буржуинами, а последовали старому партийному принципу: если пьянки не избежать, тогда её надо возглавить. Они поменяли окрас и стали капиталистами новой волны на старой базе партийного бабла и связях. Шкурников в период безвременья прифарцовывал джинсами и прочим дефицитом, пока не повстречал Сергея Титомирова, организовавшего недавно кооперативный банк. Отмечал он эпохальное событие в ресторане «Т-клуб», где кроме него тусовалась компания работников с радиостанции «Юность». А также в одиночестве напивался наш спекулянт, отягощённый грузом комсомольского пессимизма по поводу обиды на жизнь, ибо это она, сука подлая, заставляла его заниматься противоречащей высокому званию комсомольца деятельностью. Но жизнь всегда расставляет всё по своим местам, главное – попасть в нужное время в нужное место, как говорят на продвинутом Западе. Время было вечернее, на дворе стояло лето, а нужным местом оказался этот самый «Т-клуб», где законы судьбы и неслучайных совпадений свели вместе трёх будущих «акул» медиабизнеса и учредителей «Росрадио». Команда получилась, как сейчас сказали бы, самодостаточная. Наличие банкира подразумевало доступ к деньгам. Ветеран «Юности» – опыт и понимание, что же это за сфера деятельности. Комсомолец-фарцовщик – смекалистость и изошрённость ума вкупе со связями «в верхах». Так и получилось РАДИО, ведь ещё древние ввели постулат о необжигаемости горшков богами, ибо не божеское то дело. Ни шатко ни валко радио это скрипело, вещало, пукало и утверждалось в эфире. Однако, несмотря на одиозное название, аудитория его прирастала далеко не землями,

областями и краями. Видимо, всё-таки опыт и философия древних в комсомольской среде работали плохо, и изречения относительно обжига горшков надо воспринимать с учётом поправки на атеистическое прошлое героев. Не ладился у них бизнес. Долги росли. Исполнители не стояли в очередь на эфир, соответственно, не заносили в начальские кабинеты причитающиеся тарифы за раскрутку их. Надо было что-то менять, ибо «на фи́га оно всё всралось, ежели прибыли не видно», решили учредители. И постановили на своём собрании продаться. Найти покупателя с условием продажи части бизнеса, а именно контрольного пакета акций, так как без возможности управления и контроля над бизнесом никто им денег на халяву не даст. Ребята потыркались по различным конторам от нефтяников до производителей стали. Но «богатые Буратины» не горели желанием приобщиться к прекрасному в лице их радио, ибо для больших, богатых предприятий, которые при государстве, так сказать, «в законе», не было большой проблемы учредить собственное, а уж взять лицензии на вещание и частоты было делом звонка по телефону знакомым государственным лицам. Но занятым дядям в тех больших предприятиях было не до креативов, руки ещё не до всего доходили. Многие вещи приходилось создавать заново и привыкать к изменившимся со времён СССР условиям. Соответственно, и политику, и тактику ведения бизнеса подсматривали за границей или «изобретали велосипеды» сами. А может, просто в голову не всем приходило обзаводиться и раскручивать свои вещательные мощности. Это уже позже стали нанимать специально обученных людей для создания своих пиар-групп. Тут-то и подвернулся нашей радиотройке Юрий Валентинович, которому они «проехали по ушам». Дело было в качалке, а у Юры имелись строгие принципы не вести деловых переговоров в спортзале. Поэтому пообщаться решили в знакомом всей компании «Т-клубе». Вокакнахов понимал, что новые его знакомые не отстанут со своим «чемоданом без ручки», так что решил убить на них вечер и потом послать в известном на Руси направлении, только сделать это дипломатично, как он прекрасно научился. Совершенно случайно в дорогостоящем общепите в этот момент отмечал окончание очередного класса общеобразовательной школы своей дочерью Айгуль первый вице-трам-тарарам президента «Ониойла» Сафар Рафин. То, что господин Рафин оказался в заведении, Юрия не удивило. Командный состав концерна постоянно тут столовался, о чём даже был подписан договор с администрацией. А тот факт, что он может присоседиться к разговору, его напряг, но не критично. Видимо, данное место в данную дату было не его днём, о чём Юрий догадался сразу, а вот убедился немного позже. Потому как весь ворох проблем с приобретением и владением средством массмедиа лёг на его плечи, а денег... денег Юра уже не считал, ибо «лимоном меньше, лимоном больше», а телодвижений уйма. На правах вышестоящего начальства господин Рафин присоединился к

переговорам, одобрил будущую сделку и утвердил сам факт заинтересованности «Ониойла» во владении «Росрадио». Ушлые учредители даже не рассчитывали на ту сумму, которую они назвали сгоряча и навскидку, дабы иметь зазор в торговле с олигархами. Первый вице- не то что не думал торговаться, он предложил ребятам больше денег, чем витало в их эротических фантазиях относительно цены на своё детище. А суть объяснялась просто. Господин Рафин с периферийной хитростью рассказал о своей задумке Юрию, возложив на него процентную ношу владения сим радио. Так как схемы записи прав собственности на частные лица в таких делах были сподручнее в отмывании денег, нежели тупое оформление их на баланс концерна.

– Это знак! – сказал позже Сафар, обрисовывая Юрию ситуацию со своей задумкой. – Видел, какая красавица у меня подрастает? Она запела! И как запела – соловей в поле отдыхает. Она гений, а гений без бабок, без поддержки даже не талант, а так, грязь из-под ногтей. Как говорится, «таланту надо помогать, посредственность сама пробьётся». Мне на неё ничего не жалко, а уж каких-то пять лимонов зелёнки на это радио вообще говно вопрос. Надо девочке помочь в раскрутке, лучшего варианта я и придумать себе не мог.

Комментировать и рассуждать тут было не о чем. Единственное, что удивило Юрия в словах первого трам-тарарама, так это уверенность в том, что соловей – птица полевая, он всегда раньше держал его за обитателя лесов средней полосы. Действительно, разве можно называть деньгами какие-то паршивые пять миллионов долларов, если они необходимы на благородное дело? Тем более что платишь ты их не из своего кармана. А используешь казённые. Некоторые даже шутили потом, что сразу после покупки «Ониойлом» «Росрадио» тут же подорожал бензин. И подорожания его случались аккуратно после выходов новых альбомов Айгуль и премьер её весьма недешёвых клипов, в создании которых принимали участие очень дорогостоящие актёры и режиссеры. Много позже, когда истории про раскрутку молодой певицы уже стали забываться в народе, появился слух, что она ещё и рисует неплохо... Надо бы навести справки, кому принадлежит в настоящее время центр искусств Церетели. Ведь после отставки своего мецената и покровителя с должности мэра Москвы многое могло поменяться... Но это уже тема, относящаяся к истории города, вот пусть и канет в историческую Лету. А мы вернёмся к повествованию.

Юрий ещё тогда говаривал, что эта обуза концерну на фиг не сдалась и можно было найти деньгам куда лучшее применение. Например, создать свой телевизионный канал. Но «жираф большой, ему виднее», особенно если в нём сильны родительские инстинкты. Про заботливого отца он только упомянул, что

с таким аппетитом тот вряд ли долго продержится у нефтяной кормушки, и был прав. По прошествии нескольких лет господин Рафин покинул нагретое им кресло в правлении «Ониойла» и принял на свои плечи не менее тянущую и доходную ношу в виде депутатской должности. «Можно воровать с прибыли, можно даже всю прибыль грябчить, но в основные средства влезать – ни-ни. А этот... ему сколько ни дай, всё куда-то растворяется. Это какие же у них должны быть близкие отношения с председателем правления, если он всё видит и ничего не предпринимает? Но то не нашего ума дело...» – как-то разморило Юрия на несвойственные ему жалобы и рассуждения «за жизнь», когда они сидели с Ининым в бане. Юрка принял на грудь уже грамм двести «Блек Лейбла», отчего, видимо, и развязался его язык. Даже в очень неадекватном состоянии он контролировал себя и не позволял самовыражаться собственному эго о людях, в чьей воле находилось и от кого зависело его благосостояние и... не только оно. С Ининым он мог отпустить этот контроль после всего того, что лицезрели глаза Ильи и слышали его уши...

Контрольный пакет радиоресурса в пятьдесят один процент перешёл во владение нефтяного гиганта. Официальным его хозяином числился Юрий Вокакнахов. Соответственно, направить деятельность радио в нужную для компании и её владельцев сторону было возложено на него. Курировать, определять политику, решать финансовые и административные проблемы также свалили на его широкие осетинские плечи. Со временем у Валентиныча и так была напряжёнка, а тут ещё и молодость пришлось вспоминать, «водя руками» по волнам шоу-бизнеса, от которого он так удачно сбежал в своё время. Естественно, надзор за удачливыми радиопредпринимателями у него получался поверхностный. Деньги, запрашиваемые ими, благополучно расходовались, бюджеты осваивались. Артисты начинали проявлять к «Росрадио» всё более и более нежные чувства, наконец-то разглядев в попсовой станции серьёзный медийный ресурс. Концертный отдел начал расширяться. А после проведения его силами корпоративной вечеринки имени двадцать третьего февраля в «Ониойле» начальник отдела в марте пересел с автомобиля «нексия» на шестисотый «мерседес», который с трудом удавалось запарковать на штатное стояночное место в переулках улицы Казакова, где располагался офис. До вступления в столь интимную связь с нефтяниками ребята снимали две комнаты в НИИ Радио, воспользовавшись связями Ахриплого. Чего им с запасом хватало для сотрудников. Но после совершения сделки купли-продажи с нефтяниками снимаемые площади разрослись на несколько этажей, а количество отделов увеличилось в десять раз. И немудрено, ведь «папик» платит. Юрий с хозяйской озабоченностью взирал на расточительную вакханалию новоиспечённых миллионеров и ломал голову над вопросом приведения их к какому-то общему знаменателю, встраиваемому в концепцию и политику нефтяного концерна. Его

удовлетворяли пестрящие яркими красками билборды и ненавязчивые упоминания о принадлежности радиостанции новому собственнику, появляющиеся на здании и вокруг него. Всё это работало на имидж и утверждало в мозгах обывателя огромную политическую и экономическую мощь и влияние их конторы.

Тем временем новоприобретение уже начало давать свои плоды в виде получения молодой певицей Айгуль различных премий и побед в музыкальных конкурсах. Впрочем, за достижения также приходилось платить, ибо тарифы на призы и звания в мире шоу-бизнеса ещё никто тогда не отменял. Да и сейчас вряд ли что изменилось. Только платило уже «Росрадио» в рамках программы продвижения молодых исполнителей, но всё теми же нефтяными деньгами. Папа взошедшей на российском небосклоне звезды уже задумывался о международной его детища-проекта. Он напряг весь знакомый ему поповый мир выяснить сумму, которую следует перечислить за победу на конкурсе Евровидение. И соответственно, счёт, куда те гроши слать. Размер суммы его волновал лишь в целях удовлетворения любопытства. Забегая вперёд, можно поведать, что конкурс Айгуль выиграть так и не удалось. Ещё за месяц до его начала пьедестал был распределён. Первое место уже оплачено и зарезервировано. А вот второе вполне возможно было переиграть в её пользу, ибо певец из Албании, перечисливший за него деньги, являлся сыном известного международного наркодилера. И политическая ситуация в мире позволяла устроителям послать его по известным во всём мире координатам, даже не возвращая уплаченных средств. Ибо в изменившейся обстановке курирующие ситуацию американцы решили поиграть в законность и устроили папе музыканта уголовный процесс. Таким образом, вакансия второй премии освободилась и была перепродана. А может, и впрямь Айгуль Ониойловна оказалась талантливой певицей, достойно представившей Россию на международном конкурсе.

Когда же наконец у Инина случились проблемы в его трудовой деятельности на уровне торговли запчастями к колбасе, и Юрию пришлось задействовать финансовые и административно-силовые ресурсы для раздувания его ситуации, он даже обрадовался. Теперь будет на кого возложить эту участь и тот геморрой, что возникает в процессе владения долей руководящего работника подконтрольного шоу-бизнеса. Юрий решил, что Илья и будет тем связующим звеном, тем интерфейсом между миром искусства и бизнеса, а также его «глазом и ухом» в эстрадно-попсовой тусовке.

Сложившийся на радио коллектив, успевший за «жирные» времена привыкнуть к лёгкому «баблу», не очень дружелюбно встретил «засланца». Лёгкие деньги

вообще вещь опасная и расхолаживающая, сколько «хороших и разных» людей пало в безмятежном отношении к своим доходам и сбережениям, одни спились, другие далече... Естественно, отцы-учредители восприняли его как надзорный орган «Ониойла» и конкретно Юрия Вокакнахова. Они опасались, что их «рабочие моменты» могут стать достоянием гласности в высоких нефтяных кабинетах. А за этим, ясно дело, последует падение доходов, мало ли чего можно было ожидать от шустрого дружка Юрия Валентиновича, да ещё имеющего старые связи и опыт в этой отрасли. Как-то не к селу он был на радио в тот период, когда казалось, что они всё так удачно обустроили, и вот теперь-то фишка и пойдёт. Поэтому, вежливо и дружески улыбаясь Илье при встречах в коридоре и на планёрках, они примеривались и рассчитывали варианты, каким образом его можно выставить... уж кем получится в зависимости от ошибок, которые он совершит. А ошибиться может каждый, как бы кто ни старался, но секундная расслабленность или задумчивость способна притупить бдительность. Человек не замечает минимальную накладку, которая может стоить ему карьеры, удачи, резких поворотов судьбы, а иногда и жизни. Уже происходили как бы случайно накладки с празднованием прошедшего Дня защитника Отечества, когда втихаря от Ильи подбором и кастингом спецконтингента занималась начальница корпоративного отдела, ибо ранее это входило в круг её обязанностей. Она провела смотр без ответственного за мероприятие и лишь на следующий день подсунула список девчонок на подпись Илье, запрятав бумажку в середину кучи документов, подлежащих визированию. Она надеялась, что в суеде проскочит их мухлёж с подставой, когда среди девушек, помеченных бантиком «с продолжением», оказались три несовершеннолетних. Естественно, все сделали круглые глаза и валили вину друг на друга. Можно лишь догадываться о специфике последствий. Вплоть до уголовного дела и шантажа расслабившегося олигарха родителями юной модели. Сколько подобных случаев мы наблюдали и ещё будем неоднократно наблюдать в истории как у нас, так и на Западе. Но всё это Илье казалось прикольным со стороны. А когда ситуация начинает складываться вокруг твоей, как сказали бы американцы, задницы, он становился придирчивым и проницательным до занудства. Как, какое снизошедшее сверху предчувствие указало ему на подставу, он так и не смог потом объяснить. Просто увидел бумагу с фамилиями девушек и отложил её в сторону. Потом подписал остальные и отдал ожидающей секретарше отнести их начальству. Видимо, его шестое чувство уловило некую нестыковку, ведь он должен был организовать просмотр девушек конечными пользователями, закрепить каждую за её кавалером и отследить места за праздничным столом по утверждённому выбору. А тут вроде бы уже всё было сделано, к тому же людьми, профессионально этим занимающимися уже не в первый раз. Поэтому проверять правильность, было

как-то даже некорректно. Однако он проверил. О результате доложил Юре, чтобы тот знал, с кем имеет дело, ибо преступный недогляд был совершён умышленно, ведь вся ответственность возлагалась на него, и отвечать бы пришлось ему... Он даже представить себе боялся чем.

Поэтому сейчас Илья сидел в модельном агентстве и скрупулёзно сверял фамилии в списке с копиями паспортов, откладывая в сторону некоторые, чтобы пробить их через первый отдел на предмет... Первый отдел сам знает, на какой именно предмет стоит пробивать данные людей, получающих «доступ к телу», телу VIPному, подлежащему охране и именуемому на сленге охраны «объект».

Закончив с агентством, Инин вышел во двор, махнул местному шлагбаумеру, чтобы тот выполнил свою должностную инструкцию по подъёму полосатой трубы. Потом выехал на улицу Знаменку из двора серого, мрачного сталинского дома, в цокольном этаже которого располагался офис. Он сложил бумажки на пассажирском сиденье возле себя и краем глаза продолжал вглядываться в них, перебирая по очереди правой рукой. Бодрая пробочка довольно шустро перемещалась полосами одностороннего движения в направлении моста. Она раздваивалась и толкалась, пропуская часть машин налево, в сторону Воздвиженки. А далее на некогда Калининский проспект. Именно туда и пробивался Илья, чтобы, свернув возле мэрии направо, добраться до своего «скворечника» в офисе «Ониойла» на Краснопресненской набережной. «Проработанные» анкеты девушек выглядывали из свежего номера журнала «Форбс», который он использовал вместо папочки, чтобы они не мялись. Издание он прихватил на столике в модельном агентстве, где тот валялся для услады глаз посетителей во время предвкушения. На обложке была размещена фотография возрастной блондинки с удивлённым взглядом, которая, как гласила подпись, являлась президентом какой-то прибалтийской республики, некогда составлявшей часть из союза этих республик в составе большого государства. У Ильи возникла язвительная ассоциация относительно символизма. Ведь журнал служил ему папкой для анкет девчонок, часть из которых имели гражданство именно этого небольшого государства на западе от России. Конечно, представителей другой некогда братской республики среди работниц «невидимого горизонтального фронта» было в разы больше. Так как и условия жизни в ней оставались похуже. А девушки из Прибалтики тоже пользовались спросом на модельном московском рынке. За их рост, худобу, которая в интимной сфере была востребована любителями и ценима непосредственно изготовителями одежды, так как экономились средства на вешалки. Илья набрал Маринкин номер, чтобы поинтересоваться её планами, и ему пришла в голову смешная мысль. Он вдруг обнаружил поразительное сходство балтийской президентши с попугаем какаду. Попугай тоже имел

блондинистый хохолок и такие же удивлённые глаза с зачатками интеллекта. Сейчас, после посещения мысли, он даже удивился, куда смотрят имиджмейкеры в стране – члене Европейского союза. Разве они не улавливают сходства? Его ответственное отношение к своей работе, опытным путём отложенное в извилинах после случившихся с ним подстав, или выглядывающие из журнала анкеты – что-то навело на мысль о недопустимой схожести президента страны с птицей, название породы которой имело нарицательное обозначение в народе, олицетворяющее чванливость и понты, выпендрёж и умственную, животную ограниченность.

Голос на другом конце трубки отображал нехватку времени на посторонние разговоры во время штудирования записей вчерашней лекции. Но Илью трудно было переубедить в чём-либо, особенно если он вдруг решал, что сделать необходимо именно так. А у него прочно засело в голове, что его звонок взбодрит девушку, отвлечёт от усталости и придаст бодрости, дав отдых.

– Привет, студентка! Хав ар ю, май френд! Можешь не отвечать, я и так всё знаю, я ведь вангую в свободное от услужения нефтяникам время!

– Ты приедешь сегодня?

– Не думаю, этот грёбанный «патефон» задолбал. Я с девчонками сейчас разбираюсь, потом к Ведуну назначали на совещание. Хотел тебе подработки подкинуть на «Золотой патефон», но что-то жаба проснулась. Решил тебя в качестве своей протеже там представить. Заодно с женой познакомлю, ха. Там по этикету с жёнами положено быть, да и камеры, понимаешь, телевидение, трансляция на всю страну. А подруг рассаживаем на рядах, начиная с третьего. Кстати, помнишь, на Волге обсуждали этимологию различных слов, Кристе Юрка ещё обещал издать словарик, по типу как у Задорного?

– Ну?

– Запиши, я не могу, за рулём сейчас. Потом Кристине подарим или вместе составлять будем. Пиши: «КАКАДУ – КАКА ДУ, что в переводе с английского означает „ДЕЛАЮЩИЙ КАКУ“, то есть засранец». Вот... А я уже подъезжаю, цалу-цалу-цалу...

– Стой, тогда вдогонку, помнишь, ты всё анекдот обещал рассказать про...

– Потом, потом, вон Юрка из здания выходит. Мне его упускать нельзя, в головной офис лучше с ним, в его машине ехать, с мигалкой. На своей опоздаю по пробкам, пока-пока.

Когда косметичка всё больше начинает напоминать аптечку, тут-то и задумываешься о правильности прожитых лет и... их количестве.

Леонид Адольфович Ведун представлял из себя второе лицо нефтяного гиганта. Второе по значимости, влиянию и финансам. Может быть, если досконально покопаться в различном белье, то получится вывернуть наружу и прочие его достоинства. Однако не это является сверхзадачей повествования. К тому же такое выходит за рамки приличия и этических норм, которые следует уважать, невзирая на индивидуальное отношение, которое, впрочем, у нас не может быть негативным к руководителю компании, входящей в топ самых крутых по всему миру. Адольфыч, как его звали между собой подчинённые, слыл человеком уравновешенным, нежадным, но очень упёртым, когда дело касалось его точки зрения. Ведун достиг в жизни такого положения, когда он уже имел право на ошибку. Ибо ему с лихвой хватало денег на расплату за их совершение. Внешне даже можно было подумать, что человеку уже всё обрыдло и достало. Что работает он по инерции, ведь не бросишь уже выстроенную и работающую как часы многотысячную конструкцию компании. Обывателю вообще кажется, что людям повезло, они «ухватили бога за ногу» или за бороду, как интерпретируют эту аллегория в некоторых странах Европы. И всё-то у них хорошо, всё-то у них ладится. Засверлили в земле дырку, прикрутили трубу, и потекли по ней нефтедоллары в карман олигархов. На самом деле всё значительно замороченнее. Не забывайте, что с девяностых, да и в нулевые сорокалетний топ-менеджер нефтяной отрасли считался долгожителем. Адольфыч неплохо пережил те увлекательные времена и вышел из них с великими приобретениями. Не считая экономических служб, созданных им для минимизации и оптимизации налогового бремени концерна, он воплотил мечту всей своей жизни. Он приобрёл в собственность футбольный клуб «СпортАК»! А начиналось всё довольно прозаично и обыденно. Родился Адик в городе Киеве в семье военного медика. Как ни старался будущий олигарх соблюсти родовую династичность, вышло это лишь наполовину. Он тоже приобщился к армии, но пошёл не по медицинской части, а предпочёл экономическую. Вернее будет сказать – комиссарскую, политруковскую. Так как основными предметами изучения, что было подтверждено в дипломе, являлись политэкономия и прочие предметы научного коммунизма. Видимо, интуиция его уже тогда сформировалась и чётко видела будущее течение его судьбы, неотрывно связанное с историческими коллизиями его же страны. Адольфыч понимал, в какую сторону склоняется чаша весов истории и какие формации грядут. Он окончил высшее военное училище и решил для начала поделиться своими знаниями с младшими товарищами посредством чтения им лекций. Сначала он делал это в родном

училище. Позже выслужился до перевода в Москву в военную академию. Карьерный рост армейского человека неотъемлем от нарастания золотистого металла на погонах. К моменту его командировки на Север, куда он был послан по разнарядке от общества «Знание» в нефтеносные закрома родины, он имел звание полковника. За Полярным кругом ему полагалось посвятить суровый народ с буровых в тонкости применения методов научного коммунизма в строительстве... Короче, в те годы уже никто ничего не понимал, что же и зачем мы строим, ибо идея построения коммунизма уже не являлась прерогативной. А партия и правительство уже не были «руководящими и определяющими»... И ещё куча всякой заумной хрени приходит на ум, но за точностью формулировок память уже не способна уследить. Обычно подобные приезды лекторов заканчивались пьянками с вышестоящим начальством. А само выступление даже не начиналось, ибо согнать на него мужиков было просто негуманно, да и невозможно по определению. Для галочки отмечали в наряде, что мероприятие состоялось, профсоюзные и соцстраховские деньги, выделенные на просветительскую работу освоены. Лектор гонорар получит, на рыбалку-охоту будет отвезён, заполярного гостеприимства испьёт в достатке. Чего ещё надобно здравомыслящему столичному лектору по политэкономии в заполярных тундрах? В один из таких заездов и произошло знакомство будущего олигарха со своим будущим компаньоном. Вахид Юсуф Оглы Алахвердов служил сначала инженером на буровой. Потом дорос до директора нефтедобывающего предприятия, состоящего из нескольких скважин на полярном месторождении.

Народ имеет то правительство... которое его имеет.

Закон эволюции

Вот к нему и приехал Ведун раскрыть буровикам экономические секреты коммунистического образа ведения хозяйства. Плоды их начавшегося тогда сотрудничества хорошо видны потребителям не только заполярного города Когалым. Но и автомобилистам всего мира, ибо по всему нему разбросаны ныне заправочные станции, раскрашенные в красно-белые цвета огромного концерна. В те же цвета одета и футбольная команда, приобретённая одним из самых богатых людей России, которая является самой любимой и, пожалуй, самой дорогостоящей игрушкой предпринимателя. Адольфыч с детства фанател от футбола. Сначала он делал это в Киеве, так как проживал в этом городе и являлся патриотом и поклонником киевского «Динамо». Но волею судьбы переместился в Москву и прикипел душой к «СпортАКу». Поэтому когда появилась возможность, то он не раздумывая выложил запрашиваемую сумму,

которая исчислялась десятками миллионов долларов, за объект своих желаний. А что, может человек себе позволить, отчего бы и нет! Более того, знающие люди утверждают, что «СпортАК» будет последним объектом собственности, с которым Адольфыч расстанется в случае нужды. Говорят, он может отдать бизнес, дом, загородные дома, поместья, яхты, самолёты... вплоть до жены (шутка, наверное), но клубом не пожертвует по доброй воле никогда.

Принципиальную позицию Ведун также занимал в той области, которая толстой линией проходит через всю эту книгу. Эта принципиальность значительно облегчала Илье тяготы по исполнению его нелёгких обязанностей. На Адольфыча не требовалось подбирать спецконтингент. Дело даже не в том, что его моральные принципы не давали ему похерить семейные узы и податься во все тяжкие, как это делали его соратники-подчинённые. Просто человек имел свои предпочтения и действовал так, как считал удобным для себя. У него был чёткий график любовниц. За всю историю знакомства с ним и его компанией Инин ни разу не наблюдал отклонений Адольфыча от своих принципов. Каждая его любовница имела «доступ к телу» ровно половину года, ни больше ни меньше, с зазором в неделю. Можно было предположить, что у шефа была чёткая договорённость с собственным либидо. И по истечении положенного срока оно просто отказывалось от своих обязанностей в отношении приехавшей девушки. Все его зазнобы были жутко похожи между собой. Строгий типаж высокой, в районе метра восьмидесяти, длинноволосой блондинки, обязательно стройной и, безусловно, некурящей. Но самое примечательное, что все они являлись клонами его жены с поправкой на возраст. Складывалось ощущение, что мужчина просто обожает суженую. Но в силу различных обстоятельств не может достичь с родным человеком физического удовлетворения. То ли дело было в возрасте и стаже совместной жизни, то ли в знании нюансов друг друга до такой степени, что требовалось внесение хоть какого-то разнообразия. А на элементарное нахождение вариантов этого разнообразия не было ни сил, ни времени. Ведь, не забывайте, человек нёс на своих плечах весьма нелёгкую ношу олигархического труда, высасывающую из своего хозяина все силы. Потому человек, не заморачиваясь и не утруждая себя изобретательностью, идет по проторенному десятками поколений мужчин пути. С индивидуальными нюансами, которые у Леонида Адольфыча выражались в «увольнении» устаревшей за полгода подруги в связи с полным исполнением ею её обязанностей и утверждении на должность новой.

Истинная женщина даже к члену своего мужчины

обращается на «Вы».

Без комментариев

А вот тут существовал ещё один оригинальный и даже нетривиальный нюанс поведения человека, имеющего статус олигарха, и его окружения. Всеми любовными делами своего шефа занималась его бессменный на протяжении десятка лет помощник – секретарь по имени Вита. Вита настолько обожала своего подопечного, что её действия в отношении него вполне можно было назвать жертвой или жертвенной любовью, всё зависит от пафосности восприятия. Она была влюблена в шефа ещё со времён его лекторской деятельности. Но он был женат, и этим было всё сказано. Потому Вита стоически приняла невозможность заполучить Адольфыча в собственность, то есть мужа. И удовлетворилась ежеминутным нахождением возле объекта своих мечтаний в рабочее время. А так как время это составляло две трети жизни шефа, то и ей доставалось немало в отношении удовлетворения чувств, хоть и не в полной мере, ибо происходило то чисто платонически. А получала она от него не только «высокое и чистое», но и неслыханную заработную плату, о размере которой ходили уж совсем немыслимые слухи, которые приписывали сумме размеры, превышающие логичные. Вита знала о шефе всё, вплоть до предпочтений, с какого бока от женщины он любит лежать в постели. Или где должны стоять его душевые тапочки. Или марку презервативов. В этом Илья неоднократно удостоверился, потому что на всех выездах, будь то пикник в Подмосковье или юбилей в одиозном небоскрёбе в Дубае, Вита присутствовала возле любимого шефа. Она создавала начальнику обстановку, а потом удалялась, оставляя его наедине с любовницей. И возвращалась навести порядок после отдыха работодателя. Она следила, чтобы тот в определённое время выпивал свой стакан боржоми, предварительно вымешав из него газики. Строго принимал прописанную диетологом овсянку. Вновь утверждённую любовницу возила в бутик, где одевала по вкусу шефа. Короче, Вита была, как говорится, правой рукой олигарха, хотя правильнее было бы назвать её обеими его конечностями вкупе с «умом, честью и совестью». Даже казалось, что своим карьерным ростом и становлением он тоже обязан ей, и непонятно, как же ему придётся жить, случись с ней что-либо.

Вот и сейчас, когда Инин прокручивал в голове нюансы предстоящего совещания у Ведуна, он больше всего беспокоился о том, что опять эта «змея» будет дотошно выяснять все возможные обстоятельства, дабы, не дай бог, не возникло какого-нибудь неудобства для начальника, ибо кроме неё разве может кто сделать всё «правильно для него».

В принципе Илья всё решил по проведению злосчастного афтерпати. Перетёр с директорами артистов, передал авансы за работу на самом «Золотом патефоне» и за частную тусовку после. Снял зал «Атриум» в гостинице «Балчуг». Заключил договор с оформителями, флористами, пиротехниками и «звукачами». Утвердил меню на сто человек, в которые входили все – от гостей и артистов до девчонок. Вечеринка не планировалась уж очень глобальной. Но снять на вечер и ночь несколько полулюксовых номеров на случай усталости кого-либо из отдыхающих («вдруг им срочно придётся делать массаж») Илья все же решил! Распределил по графику выступлений переделанные из двухместных номеров импровизированные гримёрки для исполнителей. Даже арендовал дизель-генератор, чтобы с уверенностью хватило энергии мощной аппаратуре музыкантов. Сговорился с местной автоинспекцией о разрешении и сопровождении трейлера, так как проехать к «Балчугу» большегрузным автомобилям позволялось лишь рано утром, до шести часов, пока Садовническая набережная и Раушские переулки не превратились в сплошной автомобильный трафик. Потому чувствовал себя спокойно, покачиваясь на заднем сиденье Юркиного ягуара, разделённый со своим другом-шефом встроенным на заднем сиденье баром.

Ведун любил собирать совещания и устраивать пятиминутки. Он считал, будто все эти средства связи, коммуникации и селекторные конференции могут их легко заменить в смысле информативности. Однако не содержат иерархической составляющей. А человек должен жить в уважении к стоящим ступенью выше по иерархической лестнице, выражая почтение и чиновничество. Посему должны собственной персоной являться пред очей босса, патрона, шефа, выберите сами из перечисленного, как приятней называть самого главного и непосредственного начальника хотя бы в вашей конторе. Его мало интересовало, насколько грамотно и профессионально будет проходить вручение той поповской премии, так сказать, официоз. На то есть специально обученные люди, которые позаботятся и разберутся. Но тему афтерпати он приветствовал и переживал за неё. Адольфыч считал, что такие мероприятия полезны и имеют огромное значение для сплочения коллектива и поддержания в нём близких, но деловых отношений с оттенком дружной семьи. А может, просто любил иной раз как следует «оттянуться», ведь «не нефтью единой»!

Он подумал, что сошёл с ума, но потом полежал и понял: нет, пока ещё только проснулся.

Из пережитого

«У хорошего солдата всегда перед боем понос». Эта фраза из какого-то советского кинофильма всё время ломилась в голову Илье, когда он просыпался в день предстоящей большой программы. Напасти типа диареи вообще редко его беспокоили, ибо с пищеварением наш административный работник проблем не имел никогда. Его желудок, как говорится, мог переваривать гвозди. Тьфу-тьфу-тьфу, ещё в детстве он на спор съедал бутерброд с ливерной колбасой, которую в народе именовали «собачья радость», запивал молоком, закусывал всё это солёными огурцами и маринованными томатами из пятилитровой банки венгерского «Ассорти». Призом в споре были обычно сигареты, ибо какая ещё может существовать ценность в среде чертановской шпаны, живущей в районе улицы с приморским названием имени Красного Маяка. Райончик был тот ещё. Хотя рабочие, лимитческие общаги партия и правительство упрямо пытались разбавить интеллигентскими ЖСК. Жилищно-строительные кооперативы являли собой некий пережиток капитализма, ибо квартиры в них не выдавались бесплатно, а продавались как бы в собственность. Не стоит соотносить социалистическое понятие собственности с тем его аналогом, что существует сейчас. Но человек, проживающий в кооперативной квартире, в глазах работяг с ордером на квартиру муниципальную выглядел конченным буржуином, «интеллигентом в бабушкиной кофте», жуликом, и «ещё шляпу одел». Именно «одел», как говаривали пожилые обитатели дворов, долбя доминошными костями по вкопанным столикам с вкопанными же скамейками. Ни сам Илья, ни его отец никогда в жизни не носили шляп и тем более не играли во дворе в домино. Но проживали в московском районе Чертаново в кооперативном доме, окружённом общагами заводов ЗИЛ, АЗЛК и ещё каких-то промышленных флагманов социалистического строительства. Население общаг складывалось из людей приезжих, как это называлось официально, нанятых «по лимиту», то есть лимитчиков. Можно себе представить тот электорат, что назывался в народе лимитчиками, ибо трудиться в «нерезиновую» набирали на заводы, один из которых, ЗИЛ, в народе звался Бухенвальд. Интеллигенция про таких говорила: «Лоб в два шнурка, а извилина одна прямая, плавно переходящая в столь же прямую кишку». Посему этот южный район города Москвы имел славу не самую добрую в среде интеллектуалов. Может быть, благодаря такому контрастному составу населения выходцы из него имеют и сейчас твёрдый характер. Ведь в подростковой среде взаимоотношения куда более утрированы, бескомпромиссны и жестоки. Умение находить с различными людьми общий язык являлось способностью, дающей куда больше шансов на выживание. И подобный опыт хорошо усваивался, ибо был необходим в сложной подростковой среде. Жизнь таких спальных районов гигантского города (слово «мегаполис» было экзотикой в обиходе советского человека благодаря своему буржуазному оттенку или употреблялось для негативного определения) была хорошей школой

жизни.

Сейчас Инин собирал в кулак всю свою волю, чтобы проснуться, не расколотить будильник и, закинувшись «чем Юр Иваныч послал», рвануть через муторные пробки к гостинице «Балчуг Кемпински» и далее, куда его заведёт судьба. Из посланного Серовым оставалась полулитровая банка севрюжьей икры и какие-то копчёные дары Волги, уже препарированные женой Ольгой в добрые бутерброды. Она также готовилась к совместному с мужем тяжёлому трудовому подвигу по-декабристски, как истинная жена, разделяющая с ним «тяготы и заботы» должностной участи. Часть бутербродов была заботливо упакована в фольгу «навынос». По подсказке логики и внутреннего голоса заслать их судьбинушка должна была и в КДС (Кремлёвский дворец съездов), где состоится вечером официальная часть «Золотого патефона», и далее по обстоятельствам с конечной остановкой в гостинице «Балчуг Кемпински». То, что с самого утра творилось в Кремле, Илью касалось постольку-поскольку. А вот та часть, что пройдёт поздним вечером и, возможно, до утра, была полностью на его совести и ответственности.

Что-то я с возрастом стал недолюбливать женщин. Видимо, времени перестало хватать, а может, в женщинах дело...

Оправдание мужского эго

Первые гости, сбежавшие из КДС пораньше, чтобы опередить толчею на выходе и в раздевалке, начали прибывать в «Балчуг» уже к десяти вечера. Инин вполне разделял их чувства, ибо торчать среди расфуфыренных, гламурных персонажей в парах дорогого парфюма, стоически выдерживая всероссийскую попсовую тусовку, штука на большого любителя. И переносима она, в его понимании, была лишь в силу служебных обязанностей. Но то было его личное мнение, которого он вслух никому озвучивать не осмеливался благодаря, как он сам утверждал, своей врождённой скромности. Зафрахтованный Ильёй в качестве ведущего, Сергей Пинаев как товарищ ответственный уже развешивал свои сценические костюмы на специальные разглаживающие вешалки. Его директор Андрей нудил, преследуя Илью вопросами относительно дальнейших планов «Ониойла» на услуги артиста. Инин отшил его, пообещав в следующий раз задействовать вместо того Верку Сердючку в паре с Евгением Дивидихиным, если тот не отстанет, что Андрея немного обидело, а может, удивило. Всё шло рутинно, как обычно, и разнообразилось лишь фамилиями исполнителей. Как говорил его учитель, великий администратор конца расцвета эпохи застоя Иваненков: «Сама программа – это магнитофон, отлаженная настроенная система, в которую

только вставляешь разные кассеты, то есть артистов». Адольфыч не был консерватором и в этой сфере, потому не любил лицеизреть одних и тех же паяцев несколько раз подряд. За малым исключением, которым на текущий момент являлся Александр Генералиссимус. Его он рад был видеть всегда, наверное, сказывалось коллегиальное армейское прошлое. И тот, и другой некогда служили офицерами, за что и поднимали тост. Сам Илья в общих чертах разделял вкусы Ведуна, так как они перекликались с его. Он тоже не переносил юмор на уровне нужды. Потому объявил табу «Камеди клабам» с их настенно-туалетным юмором. А также прочим его смехоипостасям петросяноподобной направленности. В среде администраторов и директоров программ, «косящих капусту» на ниве корпоративного удовлетворения и концертного развлечения населения, существовал свой сленг и прозвища исполнителей. Например, жутко популярная некогда группа «Блестящие» именовалась в лучшем случае «Блестяшки». Можете себе представить, как называли коллектив, когда директор его начинал «включать крутого». Не того Крутого, имя коему Игорь, не композитора, а «его родственника»! «Гундящие» – это самое милое из прозвищ. «Отъявленные мошенники» звались «Пентюхи». И объяснений этому прозвищу было множество, но все они представляли собой набор нецензурных выражений. Одно время была востребована рок-группа украинского происхождения с интригующим названием, которое в русской интерпретации звучало как «Сдохший стух». В топ входили мальчуковые и девчуковые группы. «Иванушки Интернешнл», естественно, звались «Ваньки» или «Инвалидушки Интернешнл». «Комбинация» – «Консумация», а после исполнения известного хита – «Кусочки» или «Два кусочка». И так далее. Имелся в обойме ещё болгарский певец Кирикири Барбиев или просто Кирия. Но гонорар этого товарища осилить могли даже не все нефтяники. Трудно перечислить всех, кого Илья любил приглашать и включал в список на утверждение вышестоящему Ведуну. Ко многим прозвищам он имел непосредственное отношение благодаря своей ехидности. О ней были осведомлены и артисты, но в их среде он слыл «наманым пацаном» с повышенным чувством юмора. А куда деваться, ведь Илья представлял организацию, которая могла себе позволить платить деньги, и весьма неплохие, не говоря уже о медиаресурсе в лице «Русрадио» за его спиной. Как говаривал один гуру ещё советского администрирования: «Артисты те же дети, только сукины!» У Инина с детства была мания переделывать названия, куплеты из песен, стихи. Будучи школьниками, они с другом даже нарисовали схему метро, где переложили на новый лад названия станций, чтобы они были узнаваемы по созвучию. Да так, что впоследствии директор вызвала в школу родителей. Самые приличные названия на этой схеме писались как «Автозловонская», «Нагадинская», «Обратская», «Александровский зад» и так далее. Эта пакостническая черта осталась у него на всю жизнь. И друзья тоже

стали, нахватавшись от него, говорить «Московская кофейня на бобах» или «Мир ни кожи, ни и рожи в Сокольниках». Шоссе, где любили сколотить свои дачные домишки так называемые новые русские, – Нуворишское шоссе. А шедевр украинского машиностроения «Шевроле-Лацетти» – «Запорожец Буша».

Сверхзадача балчугской тусовки отличалась от банальной корпоративной пьянки. Здесь как бы не артисты услаждали культурные потребности заказчика, здесь подразумевалось совместное демократичное застолье. Ведь и зрители, и исполнители прибывали с одного и того же культурного мероприятия, чтобы поздравить друг друга, гламурно пообщаться и отметить успехи. Артисты и их высокопоставленные зрители дружной компанией обязаны были сидеть за общими столами. Хотя и было составлено чёткое расписание и очерёдность, но внешне всё выглядело милым семейным междусобойчиком, когда выход артиста на сцену воспринимался спонтанной импровизацией и душевным порывом. Илья всегда вспоминал слова ведущего какого-то концерта, который, объявляя артистов, произносил совершенно нелепую фразу: «А теперь (такой-то) дарит вам песню!» Инин, знающий эту публику не понаслышке, всегда смеялся режущей слух фразе. Особенно отсчитывая директору исполнителя гонорар. Но сейчас сценарий вечеринки казался вольным, местами фамильярным до демократинизма и либералажи. Прибывающие мялись возле входа и по стенкам, ожидая прибытия Ведуна. Они старались соблюсти традиционный церемониал и протокол, дабы не сесть за стол «поперёк батьки». Хотя помощники Ильи пытались рассаживать их по намеченным местам, которые так расчётливо были распределены, чтобы за столиком на восемь человек мирно уживались и артисты, и начальники департаментов, и олигархи, и девушки, чью тяжесть поведения мог определить лишь Инин, ибо сам их набирал и метил бантами разного цвета.

Тут как раз подоспел Адольфыч в сопровождении своей свиты из охранников, секретаря Виты и блондинки примерно метр девяносто ростом, которую Инин уже видел с большим боссом. Он махнул народу рукой, глянул на Илью, определяя местоположение своего стола, хотя его и так выделяло нестандартное, по сравнению с другими, убранство. Потом подошёл со всей своей компанией, куда указал ему Инин. Адольфыч повертел в руках одну из бутылок с вином и обратился к устроителю:

– Илья, ты скажи на кухне, чтобы винца сразу побольше поднесли, ну что это они тут три бутылки поставили, нас вон сколько за столом, и все сухенького любят. Крепких напитков не надо, а вот такого... – Он обернулся к сотрапезникам, показывая этикетку: – Это ведь нормальное вино?

– Да, неплохое, – отозвался Генералиссимус, беря в руки бутылку.

– Сколько в ящике? Бутыльков двенадцать? Пусть как раз ящичек и поднесут.

Илья взял бутылку и пошёл к местному управляющему, разглядывая по дороге ёмкость с содержимым насыщенного рубинового цвета: «Шато Мутон Ротшильд 1994». «Наверное, неплохое вино, если учитывать, какой год сейчас на дворе», – подумал он.

– Коля, бугры гулять решили, бухла просят! – обратился он к седовласому метрдотелю. – Оплата наликком и прямо сейчас, только побыстрее надо, жажда их мучит. Ящик давай, или сколько его там? Адольфыч попросил двенадцать пузырьков. Ты чего так мало поставил-то?

Николай взял в руки бутылку, сдвинул на кончик носа квадратные очки, глянул вверх них на этикетку, и глаза его округлились.

– Илюша, последний раз это вино у меня заказывали в прошлом году, когда кинофестиваль проходил. Какого-то чуделя французского потчевали, ты знаешь, сколько оно стоит? Ты просил тот стол удивить. Сказал, чтобы денег не жалеть, ты разберёшься. Я подал самое дорогое, элитное, что у меня припасено.

– Какая мне разница, сколько оно может стоить, вот если ты через минут пятнадцать не поставишь на стол дюжину этой шняги, вот тогда мне будет стоить... Да хоть тыщу зелёнки оно стоит...

– Илюшечка, золотой ты мой, оно на опте в фирме стоит полторы штуки зелёню, ни один, даже супердорогой рест не держит более пары бутылок этого вина. Его заказывают раз в год бутылку!

– Нет, ты глянь на него, кто тут хозяин? Ты зачем мне объясняешь свои проблемы, мнУ и моих хватает. Ты что, хочешь лицо своё потерять? Ты такого заказчика не можешь удовлетворить просьбу? Николай, ну ты чё? Мы ж не в «Макдак» зашли, не в бигмачную, и «Солнцедаром» таких гостей не поят.

– Илюнчик, золото ты наше, я в лепёшку расшибусь ради тебя, ради твоих «отцов-командиров», но я не бог, и ящика этого вина по всей центральной Москве не наберётся. Ты на время глянь, дорогой. Буду делать, что могу, но не всё от меня зависит.

– Давай, брат, напрягись, не дело это, Адольфыча в такой день расстраивать, постарайся уж!

И Николай пошёл решать проблему с бутылкой в руке, гордо неся свою благородную осанку в сторону административных помещений.

Время текло по своим корпоративным законам пятничной вечеринки, посвящённой всероссийскому событию. Оно корректировалось количеством подносимого алкоголя, действием на разборной эстраде и призывами ведущего приглашать на танец дам, а на белый танец – кавалеров. Управляющие филиалами из других регионов и стран, прилетевшие в Москву специально по приглашению правления, периодически удалялись в сопровождении прелестниц передохнуть. Поставленные заранее в известность, они прибыли без вторых половин, ибо ехать в Москву на конкурс такого уровня со своим азербайджанским или румынским «самоваром»... Адольфыч, естественно, сидел в компании Генералиссимуса, высокой блондинки, секретаря Виты и квадратного молчуна Алексея с торчащей из-под расстёгнутого пиджака рукояткой пистолета Стечкина. Время от времени Ведун зазывал к своему столу кого-нибудь из тусующихся поднять тост. Алексей периодически отлучался побдить окружающую обстановку, спуститься вниз, в фойе гостиницы, где расположились его подчинённые автоматчики из машин сопровождения, дабы «подогреть» их знаменитыми балчугскими бутербродами, скомпонованными из длинного багета с ветчиной и салатом.

Ближе к полуночи часть столов начала пустеть. В зале витал знакомый каждому адекватному россиянину дух гулянки с ароматами заветренного салата оливье, окислившегося лука и наполовину усвоившегося алкоголя. Народ потихоньку сваливал, пользуясь состоянием и увлечённостью главных начальников. Время неумолимо пыталось перевалиться через Рубикон электронных нулей на циферблате в следующие сутки. Юрка появился значительно позже основной массы бугров, так как отправлял Кристину, которая прямо из КДС уезжала в аэропорт. Он был, как джентльмен двадцатого века, «до синевы выбрит и слегка пьян», но никак не наоборот. Глаза его активно горели, видимо, от возбуждения, вызванного событиями дня, насыщенного положительными эмоциями и нахождением вокруг множества дам. Смеси запахов, воспоминаний и ассоциаций не могли не настраивать на романтический лад. А Кристина тем временем проходила регистрацию на самолёт в Домодедово. Свою, теперь уже бывшую, жену Аллу Кабанчикову он вообще ни разу не брал с собой на подобные мероприятия, а может, она и сама не хотела. Илья хорошо знал Алку, то был весьма непростой человек в общении.

– Илюнчик, яхонтовый ты мой, вот! – Со стороны служебного прохода к Инину бочком пробирался распорядитель Коля с чёрным пластиковым пакетом в руках.
– По всей Москве собрали, тут шесть бутылок этого «шато мутонного», больше

нет нигде, я на свой страх взял со склада в «Фёсте» два бутылка такого же шато, только года другого, вы ведь дюжину просили?

– Две другие, небось, дороже? – спросил Инин, прекрасно понимая, что в это время суток, даже если сей напиток и продаётся за меньшие деньги, вряд ли достанется страждущим без дополнительных тарифов.

– Что ты, что ты, благодетель, для тебя, для вас по себестоимости отдаю, как взял, без навару, в искупление...

– Коля, ты поговорку помнишь про радость обладания ложкой в определённый промежуток времени, то есть обед? Блин, и как тут работать? Давай уже свою бухлянку элитную, – бухтел Инин, забирая пакет. – Сколько денег-то? Сейчас разберёмся.

Он взвесил на руках ношу, отложил из мешка четыре бутылки в коробку, стоящую за огромными букетами на хозяйственном столе, и поспешил к занятому компанией Ведуна.

– Леонид Адольфович, заказ выполнен, но, уж простите, с некоторым опозданием, форс-мажор, время позднее, вы сами понимаете, – наклонился он к шефу. – Как вином распорядиться, отдать официантам, чтобы подали на стол?

– Ой, Илья, я уж и забыл совсем, мы на шампусик налегли, давай сюда без церемоний, позови человека со штопором, пусть откроет.

– Обязательно, Леонид Адольфович, вы уж извините, упустил я момент сегодня, учту на будущее, – и он, успокоенный, отошёл от стола начальника, соображая, как ему лучше упаковать отложенные для себя бутылки. «В их состоянии уже всё равно, что пить, хоть портвейну «Агдам» налей, добро переводить только, надо и о доме, о семье позаботиться!»

Илья отслюнил из подотчётных денег означенную на бумажке сумму в двенадцать тысяч долларов за восемь бутылок, пометил в специальном блокноте расход и утащил вырученные таким образом бутылки в номер, который он держал для нужд своей команды и себя лично. С тех пор как он сумел завязать с популярной в народе самоидентичностью, утверждающей, что больше русских может выпить только финн, но тот падает с употреблённого, Илья решил стать коллекционером уникального и элитного алкоголя. Если раньше он не мог себе позволить подобного, потому что бутылка с выпивкой не держалась в доме дольше вечера, то теперь появилась такая возможность. И четыре бутылки французского вина стоимостью как неплохой подержанный автомобиль вполне могли её дополнить своим благородством.

Жена Инина Ольга Белай тоже присутствовала в «Балчуге» в этот вечер. Она находилась тут ещё с полудня, так как помогала мужу почти на всех его программах. Сам Илья уезжал из «Балчуга» в КДС, потом возвращался. Ещё несколько раз куда-то отлучался по делам, а она заменяла его в «Атриуме». Тем временем Маринка весь вечер провела на «Золотом патефоне» и добралась до «Балчуга» лишь к половине одиннадцатого в машине одного из Ининских помощников. Илья усадил её за тот столик, куда присаживались в свободную минуту и они с женой. Рядом было место Юрия, что навело его на мысль представить Маринку Ольге как новую пассию своего друга, ведь все знакомые были в курсе его проблем в личной жизни, приведших к разводу. Время уже было настолько позднее, что уже и организаторам потихоньку можно было уматывать восвояси. По договору с администрацией они обязаны были выключить в полночь громкую аппаратуру, дабы исключить любую возможность возникновения помех постояльцам гостиницы. Шуметь после полуночи дозволялось лишь под акустическую гитару, чем и занимался уже плохо представляющий своё местоположение в пространстве и времени Александр Генералиссимус. С Ведуном его сотрапезники были уже на одной волне. Потому наши герои стали втихаря подначивать друг друга к завершению сегодняшнего непростого дня. Помощники Инина и сотрудники гостиницы вполне могли уже справиться без него и указать засидевшимся гостям направление к выходу. А большего уже и не требовалось, можно было «сруливать». Юрий глянул на своих друзей мутным, но протрезвевшим печальным взглядом и задумчиво произнёс:

– Хорошо некоторым, они, небось, сейчас доберутся до койки, покурят чего-нить...

– А ты куда поедешь? – удивилась Ольга, своё напряжение она успела сбросить при помощи пары фужеров «Вдовы Клико». – Какие ещё могут быть дела среди ночи? Вы с Мариной не к тебе разве?

– У Марины мама строгая! – поспешил с шуткой Инин и осёкся. Во-первых, он ещё не предупредил друга о том, что Маринка его девушка, в понимании Ольги. Во-вторых, ему пришла на ум обжигающая мысль, от которой в голову ударил адреналин и слетели все ощущения усталости. – Юр, пойдём-ка в номер, я тебе кое-чего сказать должен...

Кровать в гостинице была такая хлипкая, что развалилась ещё во время кунилингуса, до дела не дожидаясь.

На отгороженном пяточке стоянки под Б. Москворецким мостом, напротив главного входа гостиницы, их хонда оставалась в гордом одиночестве. Воздух уже посерел от бескомпромиссного позыва солнца осветить ту часть земного шара, где располагается город Москва. Тонкая рваная облачность, больше напоминавшая конденсационные следы самолёта, уже проглядывала в небе розовыми разводами, обещая погожий денёк самого начала ранней московской осени. Город, собирающийся с силами после расслабленности ночи, оживал, шурша поливальными машинами и сбивающимися в стаю троллейбусами вдоль Москвы-реки, готовящимися ринуться в бой на маршрут, как только будет дана отмашка расписания. Семейная пара тронулась со стоянки, позвякивая болтающимися в багажнике наспех упакованными бутылками, сумками с «остатками от барского стола». Сделав петлю под мостом, они развернулись, чтобы встать на курс через Ордынку и Варшавское шоссе в направлении района Северное Бутово. Ещё пустые дороги радовали свободой зелёной волны светофоров, столь ярко контрастирующей с полуденной реальностью этого направления движения транспорта из центра Москвы к её окраинам. Ехали медленно и молча, каждый думая о своём. На самом деле мысли их были об одном и том же, только с разных позиций опыта и половой принадлежности. В переживания последних часов занозой втыкалась, отчего ужасно саднила мысль о том, что Маринка покинула «Балчуг» в машине Юрия. А куда было деваться? Ведь главная героиня сегодняшней ночи, дебютант в кампании совместного проведения её сидела рядом с ним и являлась его женой вот уже более десяти лет. И в её понимании та молоденькая девчонка по имени Марина была женщиной лучшего, вернее, единственного друга её мужа, представленная как, возможно, будущая жена того. «Зачем его „раскорячило“, на кой хрен он стал придумывать какие-то детали и подробности взаимоотношений Маринки с Юрой для пущей правдоподобности? Ведь говорил же он себе: поменьше врать в случаях, когда это делать необязательно. Можно было спокойно посадить девчонку в такси и отправить домой. Нет, блин, решил, что надо как можно более правдоподобно и убедительно сделать. Чуть ли не невестой Юркиной девку представил. Потому, сохраняя лицо, и сажал к нему в машину. Не везти же самому чужую невесту домой в пять утра при живом женихе. Да ещё в компании с собственной женой. Как-то странно бы это выглядело, то ведь женихово дело. А теперь приходится переживать, куда и зачем он её повёз», – думал Илья, украдкой бросая взгляды на Ольгу. Та смотрела прямо, держа левую руку на его бедре так, чтобы не мешать переключать скорости. Какие мысли бродили в её голове, он не знал, но мог догадаться. Илья понимал, что этот опыт может повлиять на их дальнейшее сосуществование, знать бы хоть, в какую сторону. Мысль о том, что рядом сидит его женщина, на теле которой он знает не только «все складочки», коих на Ольгиной безупречно стройной фигуре не было

отродясь. Он балдел от её запаха, знал на вкус её самые потайные достопримечательности. И эта женщина только что, час тому назад, билась в диком оргазме и не благодаря ему. А от мужской силы их общего друга. Его же мужское эго пока не принимало сию ситуацию до конца. Но он знал, на что шёл в своём экспромте, когда пришла в голову та шальная мысль. Всё сложилось как пазл, как пластмассовые детальки лего. И время, и место, и условия, когда они незамеченными смогли вчетвером покинуть гостей и закрыться в оплаченном номере люкс в пятизвёздочной гостинице. Всё шло к тому, и это обязано было свершиться хотя бы из соображений дальнейшего понимания, надо ли им это или ну его на фиг. Как полученный опыт воспримет его вторая половина, да и сам он. Ведь элемент необычности ситуации и ощущений вышел просто огромным. Не каждый может так, отключив голову, ринуться «во все тяжкие» в таком необычном составе. Странные чувства обуревали его. Иногда в эротических фантазиях он видел, будто его жену трахают разные мужчины. Иногда это был негр с огромным достоинством. Иногда молодой парень. Но то были игры извращённого, как он сам считал, ума. А увидеть всё это действие в натуре, да ещё с непосредственным участием его единственного друга, кстати, тоже с немалым агрегатом. Не говоря уже о второй участнице их безумной оргии. Которая, на минуточку, его собственная любовница! Обладать двумя своими любимыми женщинами одновременно, да ещё с помощью лучшего друга. Да... А Юрка, вот гусь лапчатый, тоже не промах. Свою девицу куда-то сплавил и к двум чужим в койку, молодец!

– Ну, ты как? – выдавил он из себя больше для того, чтобы разбавить осмысленным звуком затянувшуюся паузу. – Какие ощущения?

– Не знаю пока, надо всё переварить и расставить по своим местам. Все точки над «ё», – ответила Ольга. – Я не готова пока... Вроде здорово всё было, необычно как-то, ярко, что ли... Но гнетёт, гнетёт что-то, а что, не соображу. Будто кошки скребут по душе. Утро вечера мудренее, хотя сейчас уже утро!

И она рассмеялась, уткнувшись лицом в его плечо, просунув руку ему между ног.

До дома пара добралась, когда солнце уже отвоевало себе небо от жиденькой облачности и полноправно завладело вниманием жителей просыпающегося Бутово. Когда приходилось вставать рано, Илья любил мимоходом глянуть за окно, понаблюдать, как народ тоненькими ручейками выдавливалось из душных после ночи квартир, подъездов в прохладу утренней свежести. Ручейки сливались в более крупные потоки. Те в свою очередь объединялись в речушки. Их перемешивало, затягивало водоворотом в огромные коллекторы входа метро, которые поглощали эти реки, казалось, уже безвозвратно. Но вечером поток

разворачивался вспять, вынося из чрева станции «Бульвар Дмитрия Донского» взбаламученные волны. Бабушки с украшенными пучками замученной зелени деревянными ящиками волнорезами рассекали толпу. На пяточке возле выхода из подземки завязывались торговые страсти, умиротворяющиеся безучастными с виду служителями правопорядка. Но сегодня была суббота, редкие одиночные подневольные шаршились по бульвару, мешая безальтернативным узбекам в рыжих жилетках. Илья распахнул окно и наслаждался терпкими ароматами ранней осени, заносимыми из близкого лесного массива. Сниженная ночным режимом и выходными днями автомобильная активность на кольцевой ещё не сдобрила природу своей «ложкой дёгтя». В голове вертелись сцены и накатывались волны переживаний прошедшей ночи. Они накладывались на усталость и некое подобие похмелья, вызванного ковровой бомбардировкой гормонов и метаболизирующих эндорфинов. Ольга подошла сзади и пристроилась, обняв и прижавшись к нему. Некоторое время они стояли так. Тем временем из спальни их сына вышла сонная няня, удивлённо глянула и скрылась в туалете, увидев поднесённый к губам указательный палец Ильи.

– Вика, мы только что приехали, вы, как проснётесь, идите в лес гулять, завтрак с собой возьмите, чтобы не будить нас.

Они ещё минут пять наслаждались свежим воздухом и уединением.

– Ну, пошли в койку? – спросила Ольга. – Меня срубает совсем... и хочется чего-то... Может, монетку бросим, спать или?..

– Нет. Не-е-е-е, сейчас только спать часов пять-шесть, не меньше, а там как фишка ляжет! Хотя и так понятно, как она будет лежать! О, и так понятно, как она с такой маньячкой может лечь. Всё, всем спать. Ты, кстати, помнишь, что у нас завтра самолёт? Ещё вещи складывать. Я Юрке говорил, что мы на недельку свалим в Египет понырять, он, может, тоже подтянется, я ему все координаты наши оставил: название посёлка, отель – всё. Всё, пошли уже... – Инин зевнул и увлёк супругу к кровати. – Вот теперь я твой до последней капли спермы... Но только потом, потом, а сейчас спать, спать...

Кричал, что он дайвер со стажем, что акулы млекопитающие, и он лично доил их не единожды...

Из рассказов бывалого дайвера

Внизу в утробе самолёта что-то надрывно заурчало, раздался необычный гул, потом шелест, и почувствовался лёгкий толчок. «Во, шасси выпустил, – подумал Илья, разглядывая проплывающий внизу унылый светло-коричневый ландшафт. – Всегда считал Сахару плоской песчаной пустыней, напоминающей большой пляж. А тут горы, оказывается!»

Самолёт накренился, огибая последний холм, и очень плавно плюхнулся на горячую от солнца бетонку хургадского аэропорта. Раздались традиционные аплодисменты лётчикам, без происшествий доставившим чартерный рейс Москва – Хургада на африканский континент. Прокатившись ещё несколько мгновений, воздушное судно взревело движками, гася реверсивным ходом остатки скорости, и стало вполне наземным. Прикинувшись большим автобусом, самолёт повернул направо и уперся в стоящего с флажком араба, одетого в чёрный технический комбинезон. Сразу наступила тишина, и образовалась духота. Однако через мгновение всё вокруг заходило ходуном, защёлкали пряжки вскрываемых ремней безопасности, захлопали полки над головами. Проходы наполнились изнемогающими пассажирами, уверенными в своём приоритете на выход таким форсажем событий.

«Делать нефиг – клубиться в проходе», – подумал Илья и демонстративно отвернулся к окну. Ольга прижалась щекой к его плечу, чтобы тоже разглядеть чего-нибудь в загадочном, незнакомом мире, начинающемся за иллюминатором. Опыт подсказывал: продержат ещё минут десять, можно никуда не спешить, без них всё равно не состоится оплаченный трансфер до гостиницы.

– Господи, хоть бы двери открыли, дышать нечем, здесь же дети! – громко причитала немолодая женщина, поправляя на плече сумку, чем снесла очки с не успевшей отвернуться девочки, зажатой между ней и дышащим перегаром молодым человеком, увенчанным золотой цепью, сваренной из обручальных колец, и в звездато-полосатых шортах, или то были такие трусы для купания.

– Небось, был бы самолёт американский или немецкий, уже давно бы всех выпустили, сразу бы дверь открыли! – не унималась возрастная девушка.

– Ага, ещё до посадки... В воздухе, чтобы никого не стошнило, – проикало перегаром лицо детинушки и покраснело то ли от тяжести цепи, то ли от духоты, а может, от осознания удачности шутки.

«Во избежание... просим вас не покидать...» – традиционно гундело в динамиках.

– Ну да, сейчас – не покидать! Дык это же чартер и из России, а они – не покидать, совсем уже ориентиры потеряли, – усмехнулся Инин. – Во, загадку

только что придумал: человек рассеянный писает в бассейн, что это такое?

– Наверное, русский турист в Хургаде, – без улыбки ответила Ольга.

– Ну почему же только в Хургаде, нас много на каждом километре и в каждой стране. А отдых-то начался, вон, видишь, лесенку катят?

«Экипажу открыть левую переднюю дверь», – забулькало по громкой связи, и в салон ворвался раскалённый дух Сахары, сдобренный парами авиационного керосина. Дышать стало окончательно невозможно.

Немолодой египтянин с распечатанными на табличке фамилиями москвичей встретил их в фойе. Гид был одет в костюм с галстуком и белую рубашку. Он заботливо отнял у Ольги её сумку и попросил прощения за задержку, вызванную необходимостью встречи ещё одной молодой пары россиян, их попутчиков и соседей по гостинице. Когда все собрались, Мухаммед, как звали гида, повёл подопечных к микроавтобусу, неся Ольгину сумку и отгоняя лиц бедуинской национальности, нацеливающих на чемодан Ильи.

– Помогать, бакшиш, – твердили они, вцепляясь во всё, до чего только могли дотянуться, будь то чемодан больше их размером или дьюти-фришный пакет с купальником. – Один доллар, хорошо!

– Я вижу, вы впервые в Египте, будьте внимательны, – показал гид в сторону толпы оборванцев. – Чемодан, большую сумку не утащат, не принято. А вот маленький багаж, очки, кошелек могут и потырить!

– Во как! Хороший русский! МГИМО или Лумумбовка? – удивился Илья.

– Нет, в России ещё не был, деньги коплю! – засмеялся Мухаммед. – Кстати, моё имя запомнить очень легко, здесь, может быть, процентов девяносто Мухаммеды, такие традиции. Я в Каире учился, университет, русская литература, филология. А настоящий язык учу с туристами. Я много хороших слов знаю!

И с детско-арабской непосредственностью он перечислил несколько известных русских народных выражений, тщательно выговаривая каждую букву, приглядываясь, какой производит эффект.

– Ну, с таким словарным запасом хоть посланцем в Москву!

– «Арабелла» – очень хорошая гостиница, очень мало русских, одни немцы, – продолжал тот, опять же наблюдая реакцию на его слова. – Я работаю с русскими много, такие, как вы, не любят большие компании. Русские не любят

отдыхать с русскими?

– Понимаешь, много русских на квадратный километр – это не всегда гут, нам русских в России хватает, а отдыхать...

– Вам в «Арабелле» будет хорошо, вы сами на немцев похожи, красивая гостиница, арабская архитектура, территория большая, рестораны, шопинг, много чего делать. В городе гулять немного места, базар и так... Вот и весь город – справа море, слева пустыня, ха.

Несильно вслушиваясь, Илья разглядывал вечеряющий пейзаж пустыни за окном их микроавтобуса, зачем-то отгороженной от города несколькими рядами колючей проволоки, как будто рукотворно обвешанной различным мусором, полиэтиленовыми пакетами, обрывками бумаги, использованными памперсами и прокладками. Окружающая реальность представлялась какой-то сказочной, а может, игрушечной. Как будто на безжизненных, просоленных берегах Красного моря предприимчивые египтяне воздвигли огромные, в натуральную величину декорации сувенирного городка дурить наивных европейцев. И обнесли эту резервацию колючкой, дабы белые дикари не шаршились по пустыне и не мешали своими советами и назиданиями жить привычной, сложившейся тысячелетиями жизнью. «Интересно, зачем эта проволока? Кто от кого отгородился, пустыня – от машин и людей или город – от верблюдов и кочевников?»

«Арабелла» встречала отдыхающих несуразной аркой при въезде на территорию и просторным ресепшеном с улыбающимися «Мухаммедами».

«Да, „хотелище“ впечатляет», – Илья разглядывал бедуинские прибабасы на витрине у стойки и схему распространения территории гостиницы по рифу, на котором она была построена. Толстый Мухаммед-ресепшионист заполнял их бумаги на номер, болтая с худющим Мухаммедом-рум-боем.

– Ваш рум ногами тяжело и далеко с вещами, – сказал Мухаммед-гид, показывая на чемоданы. – Ваш корпус D, туда ходит автопоезд. Я помогу.

Он, крикнув худому что-то по-арабски, с его помощью покидал их пожитки в последнюю из трёх вагонеток пытящего и воняющего соляркой дизелька. В первых двух уже сидели какие-то пенсионеры германской наружности, ожидая отправления. Они, видимо, тоже только что прибыли. Илья с Ольгой пристроились на двух остающихся свободными деревянных сидушках.

– Во, блин, угораздило нас. В алиманскую гостиницу попасть. Я уже не уверен, что это лучше, чем с соотечественниками, хотя они тут все уже на ладан дышат,

вряд ли буянить сильно начнут.

– В какую гостиницу, не поняла?

– Да тихо ты, чего так кричишь? Они же понимают это слово. Алимания по-другому и есть Германия на каких-то европейских языках, тихо.

– Вообще-то, ты тарабарщиной изъясняешься, я молчала.

Видимо, было уже поздно, внимание на себя они успели обратить. Немцы попутного направления немного притихли и смотрели на русских пришельцев с некоторой озабоченностью и беспокойством. Пауза длилась пару секунд. За это время Илья напряг весь свой умственный потенциал, чтобы перелопатить имеющийся у него запас иностранных слов, найти среди них немецкие, отфильтровать нужные, удостовериться в их правильности и уместности в подобной ситуации. Со строевым языком Стефана Цвейга у него никогда не было большой дружбы. Посещаемые страны всё больше пользовались языком английским. Лишь однажды, несколько лет тому назад, на Кубе они столкнулись с группой германских биатлонистов, проводящей сборы на острове Свободы. Видимо, то была не самая олимпийская команда, потому на морозе практичные немцы решили сэкономить и отправили их тренироваться в тропики. Что даже с учётом всех транспортных издержек дешевле, нежели в Европе. А наличие снега – вещь второстепенная, ведь на дворе двадцатый век, нанотехнологии и тому подобное. Там, на кубинском острове Варадеро, у россиян сложилась неплохая компания. В процессе отдыха широкая русская душа захотела более близкого интернационального общения. Они вызвали на волейбольный матч немецких стреляющих лыжников, учредив призовые в виде одного ящика пива. Выбор вида спорта был неслучаен. Среди русских не наблюдалось лыжников, зато оказался один мастер спорта по волейболу, и имелся в распоряжении мяч. У германцев, слава богу, не нашлось большого количества роликовых лыж, потому от марафонского забега отказались с общего согласия. Вся игра сводилась к тому, чтобы не дать мячику коснуться земли при первой подаче соперника. Далее вступал в дело единственный русский профессионал, отчего игра продлилась недолго и закончилась с разгромным счётом в нашу пользу. Естественно, праздновать победу сдвинули столы в ресторане и усадили за них обе команды вместе с болельщиками и сочувствующими в виде местных девушек. Тогда Илья был ещё на «ты» с алкоголем. После ящика пива последовал напиток из русской традиции. Далее – местный ром в бутылках с газетной этикеткой. Компания перебралась на берег океана. Далее Илья ничего не помнил. По рассказам Ольги, ранним утром следующего дня он был передан ей на руки у дверей гостиничного номера незнакомой пожилой кубинкой по пояс голый с гостиничным полотенцем в комплекте. Поэтому немецкий язык не был

усвоен им в достаточной степени для культурного общения с потомками Гёте и Шиллера. Прямо скажем, словарный запас его был весьма ограниченным и составлял не более десяти-двенадцати слов. Илья набрал в лёгкие воздух, чтобы не запнуться и выложить одной фразой что-нибудь доброе и человеколюбивое, открыл для этого рот и произнёс, широко разведя руки:

– Гутен таг! – Лицо его озарилось улыбкой и гордостью осознания собственной эрудиции.

Инин знал перевод произнесённой им фразы, означающей «добрый вечер». Именно поэтому он никак не мог ожидать такого всплеска эмоций и подобной реакции. Скорее всего, немчура решила, что он дока в их строгой мове. Его слова сработали детонатором. Поднялся шум. Престарелые тевтонцы загалдели, их как будто бы прорвало. Они трещали, махали руками, показывая в сторону ресепшена, корпуса D, тыкали пальцами в ребят и их пожитки. Один товарищ, которого Илья про себя окрестил «пингвин гамбургский», совсем разошёлся. Он выбрался из своего вагончика, встал возле россиян и жестикулировал так, что слюни из его рта уже долетали до колен Ольги. Илья узрел в этом ментальное непонимание. Ему хотелось сказать этому заслуженному гражданину иностранной державы что-нибудь хорошее и успокаивающее, чтобы остудить ситуацию. Он опять напрягся мыслью... и губы его сами собой произнесли:

– Йа-йа, кемска волост.

Ольге показалось, что фраза из нетленной комедии материализовалась и огромной серой шершавой глыбой повисла над головами немцев. Наступила гробовая тишина. Слышно было, как ворочаются и скрипят мысли в этих головах, пытаюсь осилить смысл прозвучавшего на загадочном диалекте. Далее опять разразился гром. Дедушка Пингвин развопился совсем по-взрослому, слюни его забили фонтаном. С ресепшена и близлежащих пространств к ним стали подтягиваться заинтересовавшиеся шумом «Мухаммеды», среди которых присутствовал и их гид.

– Ну, наконец-то! Вот и международный скандал произошёл, – нарочито громко и спокойно произнёс Илья и, присев возле супруги, демонстративно упёрся взглядом в обувь европейцев, с показным интересом разглядывая её. Пусть теперь сами разбираются.

– Боже, Люлёк, ты только глянь на их тапки! – с неподдельным восторгом произнёс он, не обращая внимания на окружающий гомон нарастающей уже германо-арабской дискуссии вокруг. – Они все, вся группа в одинаковых стеклянных ботинках!

И правда, коллектив пенсионеров был обут в пляжные сандалии из прозрачного пластика. Это сейчас нас трудно удивить чем-либо, а тогда подобная обувь была невиданной диковиной. По крайней мере, ни сам Илья, ни его вторая половина не видали ничего подобного доселе. Потому все последующие дни отдыха были отмечены впечатлением от «алиманов в стеклянных ботинках». Подоспевшие «Мухаммеды» во главе с главным ресепшионистом в течение десяти минут уладили возникшую непонятку. Выяснилось, что группа ожидала оформления последней пары пожилых немцев, которые задержались, отойдя после ресепшена в туалет. А несведущие россияне заняли места во внутреннем гостиничном транспорте, которые товарищи застолбили для них.

– Вы уж извините, что так получилось, – немного заискивающе сказал Мухаммед и засмеялся. – Старые люди, они, наверное, Сталинград ещё помнят.

– Ага, устроил бы я этим «джедаям-масонам» тут Сталинград, если бы не пять часов в самолёте и четыре в Домодедово до этого. Устали мы что-то.

Илья решил не провоцировать далее старых людей. Они с Ольгой прогулялись до корпуса пешком, осмотрев гостиницу, заодно сэкономив на чаевых, так и не полученных Мухаммедом-рум-боем, который сопровождал их багаж и занёс его в номер, захлопнув дверь. Отдых воистину начался. А инцидент возле ресепшена оказался самым началом недельных российско-германских взаимоотношений в отдельно взятой стране арабского мира на берегу Красного моря, начало которым положил ещё Михаил Сергеевич Горбачёв. Это он разрушил Великую Берлинскую стену. С его лёгкой руки упразднили Советский Союз. Он открыл границы и дал толчок великой миграции загадочного существа под названием российский турист. Волны этих туристов и сейчас когда приливами, когда цунами накатываются на различные уголки мира, вспениваясь при встречах с другими волнами, иногда грозя непогодой, иногда озаряя ясностью приятельских отношений. Существо это формировалось с нуля, «изобретая велосипеды», набивая шишки как себе, так и окружающим, проникаясь и привнося своё. Впрочем, мы мало чем отличались от опытных прожигателей жизни на курортах. Хотя и узнать нас не было большой проблемой. По осанке, манере одеваться, походке, выражению лица, стилю общения, причём на русском языке независимо от национальности собеседника. По нарочито бездумным тратам, оправдываемым универсальным «а нам пох, мы на отдыхе...». Я уже молчу про шрамированные следы на левом плече от прививки против оспы. По множеству примет русского туриста даже не самый опытный взгляд мог распознать издали. В отношении традиций нельзя сказать, что мы многое добавили. Всё те же стандартные экскурсии. Всё те же ванны от грязевых до радоновых. И конечно, важнейшая составляющая понятия «отдых

на курорте» – пляж. Вечерние мероприятия также не отличаются от европейских стандартов проведения времени – ужин в гостиничном ресторане или на выезде. Даже количеством употребляемых крепких напитков мы не так уж удивляли старожилов. Однако тут новоиспечённый вид «руссо туристо» добавил немного своего к традиционным поглощениям блюд и залитию их алкоголем. Так как в большинстве мест отдыха на планете алкогольные напитки принято продавать к подаваемым бесплатно блюдам, если в вашей путёвке даже имеется опция бесплатного ужина, а цены на бухлянку в ресторанах непомерно раздуты, русское ноу-хау призвано было сократить эту статью расхода. Для чего купленная ещё в дьюти-фри радость переливалась в маленькие бутылочки, которые и брались с собой в ресторан, припрятанные в интимные места или складки на теле супруги. Первая порция выпивалась заранее, ещё в номере. Количество выпивки рассчитывалось из собственной нормы потребления. Пока заказывались блюда, готовились и подавались, осуществлялась возможность неоднократно выйти в туалет освежиться. В бытность свою человеком выпивающим, Илья даже специально заготовил для этих целей небольшую грелку. Сделана она была ещё в СССР и досталась ему при разборе тёщиной квартиры во время генеральной уборки. «Резиновое изделие № 6, об. 1 литр» – стояло на ней клеймо. Она прекрасно помещалась в надувную сумочку, полностью заполняя её объём и несильно выпирая, чтобы не вызывать подозрения. Сейчас нужда у него в ней отпала, но Илья не забывал брать «рашн трик» с собой, так, на всякий случай, вдруг Ольге приспичит или сгодится для возможных компаньонов. Этот принцип назывался у Инина «и бабки целы, и Вовки пьяны». Дальнейшее проведение досуга в постресторанный отрезок времени также не блистало разнообразием. Стандартный вариант с ночным купанием в местах культурных влѣк за собой попытки местных секьюрити прекратить процесс омовения путѣм выкрикивания страшилок про «биг шарк», которая появляется по ночам и лакомится исключительно россиянскими тушками, не испорченными на тот момент генно-модифицированными продуктами. В компенсацию за доставленное охранником неудобство осуществлялась попытка напоить его и заставить хотя бы послушать, а желательно и поучаствовать в исполнении задушевной классики типа «...По танку вдарила болванка...» и уже совсем нетленной «Эх, мороз, мороз». Далее перемещение к бассейну во исполнение просьб администрации не купаться на пляже. Импровизированное мытьѣ в нём заготовленных заранее фруктов. И отход или отполз ко сну. Последний пункт может иметь иную трактовку, но обычно она не удерживалась в памяти за частичной её потерей. И экономически грамотные работники индустрии отдыха всё это терпели и принимали как должное. Возможно, нам, россиянам, некоторые вещи прощались как новичкам или из чувства уважения к «загадочной русской душе», а может, банальная тяга

срубить бабла с офигевших и потерявших ориентиры, жадных до всего неизведанного и просто не считающих «заработанное непосильным трудом». То были первопроходцы и пионеры, когда заграничный вояж приобрёл статус, стал атрибутом достатка и успешности в жизни наравне с золотой цепью или мобильным телефоном.

Ничего из этого уже не прельщало нашу семейную пару, Илья был в полнейшей завязке, а Ольга никогда и ранее не отличалась в подобных забавах. Время на отдыхе летит быстро. В первые дни пребывания на египетском побережье Красного моря наши герои выполнили программу минимум, ради которой, собственно, и приехали сюда. Грех было бы проваляться возле бассейна или на пляже, находясь на берегу самого богатого в плане подводных красот моря. Семейная пара впервые сподобилась на поездку сюда. Но им было с чем сравнивать. Да, и этот аппендикс Индийского океана под названием Красное море они уже опробовали в качестве дайверов, только немного севернее, с территории Израиля. Тамошние воды, конечно, не столь богаты, нежели египетские, ибо Израиль владеет маленьким кусочком Красного моря в самом его «углу». А так как места те людные, тесные, и Иордания присоседилась, и Египет в пяти минутах езды, живность распугана, кораллы поотковыряны. Единственная достопримечательность Эйлатского залива, к которой допускают аквалангистов, – это потопленный египтянами во время очередной войны сторожевик. Здесь же, в Хургаде, даже ходить никуда не надо. В «Арабелле» можно было нырять, не отходя далеко от номера, так как гостиница располагалась прямо на большом рифе, уходящем обрывом в подводный каньон, и имелся немецкий дайвинг-центр.

Плотный график погружений не оставлял времени на вечерние зажигания. Они просто валились с ног от усталости. В своём кругу наша пара считалась продвинутыми ныряльщиками. Опыт и инструкторы позволяли им идти на погружение вдвоём, без группы, даже в ночь. По их графику необходимо было отнырять всю программу, полное количество допустимых по показателям здоровья погружений. И по количеству, и по глубине. Далее по нормативам запрещалось пользоваться самолетом в течение сорока восьми часов из-за азота в крови, чтобы не вышло из тела бутылки шампанского. Перепад давления может вызвать образование в сосудах пузырьков газа, определённое словосочетанием с психоделическим оттенком – кессонная болезнь. Именно это время они решили отвести на приобретение достойного цвета кожи, свойственного отдыхающему, дабы не возникало ни у кого в Москве подозрений, куда и зачем они уезжали. Приобрести загар, находясь на глубине и в гидрокостюме, не представлялось реальным даже под сильной солнечной радиацией этих мест. Как раз у них оставалось три дня для этого. А поездками

на пирамиды и в Луксор по стандартному маршруту пакетных путешественников они решили не заморачиваться в этот раз и оставить на будущее.

...Он попытался нанести моей голове телесные повреждения каким-то твёрдым предметом...

Из протокола

Инцидент с контрибуцией немецких человекомест во внутригостиничном арабском автопоезде уже стал забываться. Наученные опытом предыдущих выездов за границу и мимоходным наблюдением за небольшим гостиничным пляжем в этот раз москвичи сделали вывод, что места под солнцем лучше застолбить заранее, если не хочешь намять себе бока на полотенце, брошенном прямо на камни. Ибо тараканоподобность распространения немецких тушек по пляжу регламентировалась римским правом временной собственности на все места, которые могли способствовать принятию горизонтального положения этих тел. Другими словами, «кто первый встал, того и тапки», или кто первый занял, тот и молодец. Поэтому Илья, применив русскую смекалку, ещё до завтрака обратился к специально обученным «Мухаммедам», которые застелили специальными же полотенцами два приглянувшихся ему лежака за бакшиш в два доллара. Обретя после столовой добродушное состояние духа, сытые дарами шведского стола, наши дайверы вальяжно переваривали завтрак, прогулочным шагом направляясь к заправленным лежакам...

Ещё издали Илья не смог сопоставить картинку, которая запечатлелась в его памяти, с той, что он видел сейчас. Что-то изменилось. То ли количество лежаков изменилась. То ли была нарушена их конфигурация. А может, «Мухаммеды», ведающие порядком возле гостиничного бассейна и прилегающего к нему кусочка пляжа, изменили привычный порядок расположения столиков и топчанов. Ребята подошли ближе – нет, геометрия расположения пляжной мебели оставалась прежней. С одной поправкой, что на их честно застолблённых местах лежали совершенно посторонние тушки. Это и меняло привычную взаимосвязь вещей в мироздании. Более того, это аннулировало их русское ноу-хау в отношении организации собственного комфорта в данном месте, в данное время. Их ранний подъём ради завладения вожаделенной доской с подголовником, их номерки на руке, с которых были переписаны данные о номере, в котором они проживают – все эти приготовления к принятию воздушных и солнечных ванн, всё было безжалостно растоптано и

осквернено. Более того, эти топчаны, на которых возлежали посторонние тела, были застелены их полотенцами, подотчётными полотенцами, кои следовало сдать после использования. Сей факт больше всего раздражал и возмущал Илью. Каким же отношением к жизни и окружающим должен обладать тот хам и наглец... И тут в глазах его потемнело, возмущение перекрыло дыхание, в очертаниях тел и лиц он узнал...

– Оккупанты, джедаи-масоны хреновы, Лёля, ты только глянь, это же Пингвин гамбургский со своей Бакланихой! – восклицал он в перерывах между спазмами горла. – Ах они фрицы подлые!

В голове его всплывали некоторые сомнения и догадки. Мол, они могли не сообразить и решить, что в такой крутой гостинице изначально персонал заправляет полотенцами все лежаки, а ты уже сам ходи и выбирай подходящий тебе. Возможно, что им не объяснили правила: идти в каморку за бассейном и показать там ключ от номера или браслет на руке, и тогда тебе выдадут пляжное полотенце, запишут на номер и застелют свободный лежак. Но ведь они здесь уже неделю и как поступали раньше? Может, они первый раз пришли на море, предпочитая познавательный экскурсионный отдых?

Несколько раз вдохнув-выдохнув, чтобы успокоиться, Инин медленно подошёл к де-юре своим, но де-факто вероломно отторженным пляжным кроватям. Как можно более вежливо с подобием дружелюбной улыбки на лице Илья указал пальцем на себя, остановившуюся в нескольких метрах Ольгу, лежаки под немцами и полотенца.

– Сорри, полотенца, то есть, как их там, тавел и бэд дас ист наши... твою мать! – произнёс он.

Илья и сам уже не знал, откуда у него запало на подсознательном уровне, что указательным пальцем тыкать в людей неприлично. Он и сам не сообразил, что сначала он показывал на немцев и предметы мизинцем, а потом почему-то сам собой включился средний палец. А когда тот вступил в жестикуляцию, то мизинец автоматически вышел из неё. Видимо, подсознание не могло задействовать два пальца одновременно, ибо Инин и сам любил рассказывать анекдоты про «новых русских», сдабривая их характерной комбинацией пальцев. Он немного запутался и не совсем отдавал отчёт жестам, а руки его жили своей жизнью, усиливая доходчивость слов, запас которых просто необходимо было усилить. Получилось это несколько неуклюже и странновато. Больше всего в общении со стороны россиянина участвовал именно средний палец. Именно им он переводил внимание немцев с себя на них и потом на всю окружающую обстановку, иллюстрируя ситуацию и возможные пути её развития.

Возможно, немецкий дедушка и впрямь застал войну на Восточном фронте. И в русских речах уловил знакомые слова и междометия. А может, он даже побывал в плену, что являлось более серьёзной школой «великого и могучего». Скорее всего, сработал комплекс совокупности факторов в словесной и мимической форме, где торчащий средний палец руки оказался определяющим катализатором. Скорее всего, так и получилось. Немец воспринял ситуацию как посягательство на его честь и достоинство. Он покраснел, замахал руками. Фонтанчики слюней напомнили площадь перед Большим театром. «Сейчас произойдёт международный инцидент», – подумала Ольга, изучившая за много лет малейшие нюансы в настроении мужа, а вслух произнесла:

– Плюнь, сейчас скажем персоналу...

– Что скажем, что эти гамбургеры на казённые полотенца улеглись, которые за нами числятся? Или чтобы нам лежаки новые принесли и между ними втиснули?

– Не заводись, – сказала Ольга, понимая всю бессмысленность дежурной фразы.

– А я и не заводжусь! – Выражение его лица было жене знакомо и не обещало ничего положительного в ближайшее время. – О'кей, базара нет, полный цурюк, ауфидерзейн.

– А может, не надо, – обречённо, без энтузиазма в голосе озвучила глупую мысль Ольга.

Илья уже действовал в состоянии креативного аффекта. Не замечая ничего вокруг, с отвлечённой улыбкой, напевая мелодию «...И дорогая не узнает...», он удалялся от территории спорных лежаков в сторону воды. Отойдя метров на тридцать, он остановился, выбрал на берегу подходящий по размерам небольшой валун килограмм на десять. Прикинув вес в руках, он поднял его над головой, развернулся и, наращивая скорость, побежал в сторону успокаивающихся от чувства одержанной вроде бы победы гордых тевтонцев.

– Ахтунг, ахтунг, Покрышкин, гефахр инлюхт! – Глаза его блестели, на лице восторжествовало выражение, свойственное отъявленным мерзавцам из индийского кино. – Сталингра-а-а-ад...

Он бежал к обалдевшим немцам специально медленно, чтобы дать им время для манёвра и свалить с временно оккупированных территорий. И своего добился даже раньше рассчитанного им эффекта. Грузный Пингвин, схватив под руку свою вторую половину, выказал невероятную прыть и навыки ухода от погони. Они так ловко перемахнули через клумбу возле бассейнового бара и спрятались, выглядывая из-за спины ничего не понявшего Мухаммедика со шлангом в руках.

Илья, не добежав пары метров до мраморной плитки, определяющей разграничения между пляжем и бассейном, сделал вид, что сейчас кинет камень. Он отклонился назад на замахе и отпустил его за спиной, имитируя бросок. Но бабушка с дедушкой этого уже не видели. Ложный бросок вкупе с богатырским замахом, разбегом и впечатляющем саунд-треком произвел неотразимое впечатление. И не только на немцев, коих, слава богу, вокруг более не наблюдалось ни одного. Но и на соотечественников, немногочисленной группой расположившихся у бара на траве и оставшихся лежаках.

– Эх, чуть-чуть не добежал! – раздались одобряющие возгласы от стойки бара.

Инин тем временем спокойно, не обращая ни на кого внимания, встряхнул отвоёванные полотенца, перевернул их на другую сторону, застелил лежаки себе и жене. Лёг и надвинул на глаза козырёк бейсболки. Ольга сложила в пакет пожитки пенсионеров, засунула сверху книгу на немецком языке, упавшую с топчана, и положила на стоящий ближе к бару столик.

– Наш тавел, и бэд наш, мы его по-честному занимали ещё в восемь утра, – сонно произнёс Илья. – А в остальном всё о'кей и полный фройндшафт. Контрибуцию не берём, отнеси лучше их вещи в бар.

Илья и впрямь задремал, его разморило, сказывалась приятная усталость от активного отдыха за неделю погружений. Некоторый туман в голове присутствовал из-за перепадов давления. Шутка ли, по три-четыре погружения в день, включая ночные, при нормативе в два. Да и глубины были на пределе дозволенного. Отдыхать так отдыхать... В мысли его на грани яви и сна вдруг вклинилось постороннее присутствие, полной дисгармонией нарушающее его благостные фантазии и мечты. Он открыл глаза и увидел вокруг с десятков «Мухаммедов», один из которых был в полицейской форме, остальные – местные из отеля. Полицейский внимал переводчику, который объяснял ему суть претензий двух пожилых немцев к загорающему русскому. Илья опустил ноги на мраморную плитку и сел на лежаке, оценивая диспозицию. За неделю пребывания персонал гостиницы привык к нему и относился доброжелательно. Даже строгий толстый ресепшионист улыбался не должностной улыбкой, а вполне по-человечески. Он-то и жестикулировал больше всех, помогая стражу порядка разобраться.

– Сори, сэр, – обратился он к Илье по-английски. – Этот мистер и мадам утверждают, что вы собирались их убить. Я объясняю полисмену, что это какое-то недоразумение. Видимо, господа из Германии не поняли вас так же, как в прошлый раз, в тот день, когда вы заселялись. Я всё это объяснил полиции, сэр.

– Всё правильно, господа проходили мимо, шли в бар. Я делал здесь упражнения, которые прописал мне выполнять по утрам доктор. Дома у меня есть специальные грузы, а тут пришлось использовать камни с берега. Может быть, они это восприняли как угрозу их безопасности?

– Они утверждают, что вы прогнали их отсюда и забрали вещи.

– О май гад! Как им могло прийти такое в голову, – неподдельно округлил Инин глаза, беря под руку оторопевшего полисмена, мучащегося в чёрной служебной форме среди белоснежной праздности гостиничного релакса. – Давайте отойдём в сторону, я вам всё объясню. Я хорошо говорю по-английски. Здесь столько непонимания происходит у этих почтенных алиманов, что лучше...

Он повёл ничего не понимающего полисмена в тень, на удаление от собравшихся, одной рукой прихватив свою напузную сумочку, висящую на спинке лежака, и повесив через плечо. Намылившийся было увязаться с ними переводчик с ресепшена был остановлен жестом, который обозначал также, что с ним Илья разберётся позже. Собрание осталось возле лежаков в ожидании результата переговоров «при закрытых дверях». Ольга сидела на топчане, спокойно глядя на туманный остров, проглядывающий в дымке из моря. Время шло, ушедшие не появлялись из-за угла, куда удалились, увлекаемые виновником волнений. Немцы уже начали успокаиваться и притихли. Прошло минут пятнадцать. Наконец с противоположной стороны, из дверей, ведущих к центральному входу в гостиницу, тому самому, откуда неделю назад россияне пешком добирались к своим номерам, плюнув на занятый немцами автопоезд, появился Илья. Он был один с висящей через плечо сумочкой. И встречен был немой сценой. Инин прошёл через бар, взял оттуда полиэтиленовый пакет с оставленными вещами немцев и подошёл к удивлённому дедушке.

– Хер алиман, это вы забыли? – сказал он фразой частично по-немецки, частично на английском языке.

Пингвин гамбургский, ничего не понимая, взял его и так и остался молча стоять в недоумении.

– Всё, алес, шварцкоф, цигел-цигель, ай-лю-лю, Михаил Светлов, звиняйте, дядьки-тётки, кино закончилось. – После чего лёг на свой лежак, махнул рукой, чтобы не мешали и расходились, принял позу для загара и надвинул опять кепку на глаза.

– Чего ты с ментом сделал? – услышал он Ольгин голос.

– Чего-чего, «бритвой по горлу и в колодец», ну чего я с ним мог сделать. Дал ему сто баксов и навалился со всей дури морально, чтобы его огорошило. Он по-английски картаво говорит, половины не понял, что я ему развешивал по ушам. Да и не в этом суть, тут главное – напор и убежденность, ну и бабло, естно дело. Помнишь, ещё англичане говорили про арабов, что их завоевать тяжело, зато купить можно, как видишь, работает, эти подонки знали толк в Востоке. А с немчурой тоже как-то нехорошо вышло, чего-то я переволновался с ними. Старые люди, надо бы извиниться.

– Гутен морген, герр Шульц, гутен морген, фрау Бригита! – Илья отодвинул стул, усадил немецкую тётушку и помог удобней устроиться. Дядюшка присел рядом и поставил свою наполненную горкой тарелку на общий с россиянами стол.

– Гутен морген, ас-салям алейкум, за здоровье! – ответил он, натужно улыбаясь и слегка кривясь, как будто у него побаливала «после вчерашнего» голова.

– Ба, да ты, дед, болеешь головой, перебор вчера вышел? – засмеялся Инин и повернулся к Ольге. – Ну-ка, Лёлька, сгоняй, плиз, в номер, грелку свою притащи, лечить будем иноземца. Вот и сгодилась твоя нычка для благого дела. Сейчас мы вас подлечим по-нашему, по-россиянски.

Возрастная немецкая пара выглядела помято, и было отчего. Илья, собрав в кучу все свои гуманистические, актёрские и человеческие качества, вернее, лучшие из них, вчерашним вечером подкараулил огорошенных утренним инцидентом на пляже германцев с букетом нарванных на прибассейновой клумбе цветов с возгласом:

– Пардон, но чпокен-чпокен, но Сталинград, дружба-фройндшафт...

Он не стал сильно распространяться Ольге о том, какие ещё хорошие слова были подобраны им для немцев. Каким именно образом ему удалось уговорить их на примирительный ужин, призванный замять международный скандал, так неловко и глупо возникший на пустом месте. На каких живых струнах немецкой души сыграл, чтобы не омрачать заслуженный отдых и себе, и пожилой паре. Но ужин состоялся, и результат его можно было наблюдать на помятых лицах старых тевтонцев.

– Перестройка – хорошо, Путин – очень хорошо, Сталинград гуд, чпокен-чпокен – но хорошо, йа-йа! – расплываясь сморщенной улыбкой, произносил немец, опрокидывая пятьдесят грамм водки, заботливо налитой ему из Ольгиной грелки, которую она притащила из холодильника их номера.

– Йа-йа, рашн метод, ивнинг шнапс синдром капут, гут шнапс, из Москвы! – приговаривал Илья, которого передёргивало от воспоминаний о том ужасном состоянии, которое переживал немец, столь знакомом ему по былым молодецким забавам. – Мы сегодня ай-лю-лю, домой, Москоу.

Инин поймал себя на том, что опять указывает на них средним пальцем, видимо, вбитое с детства понятие, что показывать указательным пальцем на людей неприлично, трансформировалось в его подсознании в полнейшее табу. Психика – странная вещь, она просто заменила один палец на другой, отчего жест получился только более неприличным. Да, надо бы помнить об этом и контролировать себя. На Илью вдруг напало грустное и немного философское настроение, которое посещало его перед отъездом куда бы то ни было. Он поймал себя на мысли, что ему совсем уже не хочется уезжать. Что эти смешные пухлые немцы, мучащиеся похмельем с его подачи, милые и приятные люди. Со своим чуждым нам менталитетом и понятиями. Но они такие же жители этой маленькой, пока ещё уютной планеты, как и мы. Они простые стареющие люди со своими проблемами и страхами. И вот что странно, сколько бы ни ездили они с Ольгой по границам, сколько бы ни путешествовали, буквально везде встречают полчища этих алиманов. Такое ощущение, что все немцы из Германии уехали отдыхать. А кто тогда, как говорится, «в лавке остался», кто работает на знаменитых немецких заводах и куёт их экономику, если сами они на отдыхе за границей? Ох не зря он называет мерседес турецкой машиной, ох не зря!

Меня не было вчера, меня не будет завтра, такой я есть только сегодня... только сейчас...

Дзен-мысль

Возвращаться в Москву было тоскливо, но необходимо. Начиналась подготовка к самому главному, ответственному и финансовоёмкому во всех смыслах этого слова проекту. Инин терпеть не мог сие новомодное слово «ПРОЕКТ», но приходилось наступать на горло своей ехидности и не подкалывать народ, когда кто-нибудь из серьёзных вроде бы людей с умным, самоидентифицирующимся лицом выдавал: «Я тут серьёзным проектом занимаюсь – машину новую покупаю, но прежде следует осуществить проект по продаже старой». Если подобную мысль высказывал человек, стоящий с Ининым на одной или более низкой ступени социальной лестницы, тут ему могло перепасть столько ядовитого красноречия, что сей крутой термин им больше не употреблялся. С теми же, кому нахамить таким образом было опасно, Илья последнее время связываться

не спешил, наученный прежним опытом в «Росрадио» и так, «по жизни». В этом мире «допущенных к телам», в сфере которого вращаются большие деньги, следует не заводить врагов. Ибо они заводятся сами, как тараканы, потому что «святы бабки», «ухо надо держать остро», «сожрут и фамилию не спросят». Аналогия с мухами и продуктами жизнедеятельности вполне применима к деньгам и заинтересованным в приобщении к ним лицам.

До «проекта года», то есть празднования концерном Нового года оставалось не так много времени. Столбить площадки, а именно бронировать пафосные помещения для отмечания наступало «самое время». «Зарядить» артистов «по льготной цене» также следовало пораньше, если хочешь на них заработать. Так как чем ближе к дате, тем ставка выше. А в финансовых отчетах можно обозначить максимальную, «откатив» директору исполнителя некую сумму по договорённости. Это и есть «самый хлеб» администратора из мира развлечений «больших пацанов». С Новым годом Инин уже наработал большой задел. Сейчас его главной темой был день рождения Адольфыча, и не просто обыденная днюха в клубе или пафосном ресторане. Ведун возжелали отметить его небольшой компанией, зато в Марбелье, на Средиземноморском побережье Испании, недалеко от Гибралтара. Во исполнение лозунга «Любой каприз за ваши деньги» необходимо было арендовать виллу, зафрахтовать собственный самолёт компании или посторонний в зависимости от политической конъюнктуры. Не всегда было возможно использовать казённую технику, дабы не прослыть уездным князьком. Адольфыч предпочитал заплатить денег из своего обширного кармана, нежели создавать почву для слухов. И Илье такой вариант подходил больше всё по той же причине, что заниматься приписками «на стороне» значительно безопаснее в плане попасться на этом. Перспектива оформить себе командировку в Малагу для контроля ситуации на месте также являлась дополнительным бонусом. В общем, работы с Адольфычевой днюхой хватало, хотя ничего замороченного в этом не проглядывалось. Подобрать, как всегда, девчонок для гостей. В зависимости от количества артистов подобрать самолёт по размеру. Через знакомое английское агентство снять виллу подходящих размеров и инфраструктуры. Обеспечить все логистические нюансы и трансферы, включая внутренние и за границей.

Добравшись из Домодедово до своей квартиры в Бутово, пока Ольга разбирала их курортные шмотки, Илья включил компьютер. За неделю, что он отдыхал от интернета, могло накопиться множество писем. Инин читал заголовки, часть сообщений, которые он считал важными, оставлял для прочтения, снося в корзину то, что относил к спаму и необязательному для прочтения. Как всегда, было в достатке рекламных рассылок, пара деловых ответов на его запросы по

артистам и из модельного агентства. И редкое письмо от Вокакнахова. Юрка редко писал письма, проще было позвонить, да и виделись они периодически. Потому Инина немного взволновало это письмо, да и заголовок гласил: «Приглашение». Куда это он его приглашает таким официальным образом? В тексте русским по белому было написано: «Дорогой друг, приглашаем тебя и твою вторую половину на вечеринку, посвящённую нашей помолвке. В программе вечера – знакомство с родителями, дегустация коллекционных вин, сырный столик без ограничения подходов, белый танец. Начало 18.09 в 18:00. Ресторан „Т-клуб“. Юрий и Марина».

Первое, что колоколом бабахнуло в его голове, это не сам текст. Вернее, не смысл текста, а его стилистика. Вокакнахов никогда бы так не написал, Илья прекрасно знал образ его мышления и представлял, как бы тот изложил мысль. Письмо писала именно Маринка, он был в этом уверен, так как уловил в тексте «свою школу». Далее к нему пришло осознание смысла послания. И тут появилось странное чувство, будто его бессовестно обманули. Хотя при чём тут обман? Его просто не поставили в известность о том... А как они могли его поставить? Стоит только отлучиться. Как это у них всё решилось таким образом... без его ведома? А при чём тут вообще он? Нет, он-то тут как раз очень даже при чём! Хотя с другой стороны... Но ведь так же тоже нельзя, а как же он? Тут ему вдруг пришла в голову мысль: «Слава богу, что именно так получилось, как будто некий груз свалился с его плеч... Правда, теперь навалился на всю нижнюю часть тела и не даёт ему ни двигаться, ни даже дышать». Груз этот довлел над ним, и особенно в отношении к жене он вдруг почувствовал некую фальшь. Фальшь, возникшую где-то в груди. Фальшь, которой он никогда не ощущал до его встречи с Маринкой. Той Маринкой, которая была ему так близка... Но Ольга... Как она вписывалась в его новое состояние и качество? Новое качество человека, обзаведшегося любовницей. А ведь Ольга и не догадывается, что эта девчонка не являлась на тот момент, когда они «зажгли» в «Балчуге», девушкой Юрия, а была любовницей её мужа. И вот теперь... А может, так к лучшему? Хорошо, что так случилось... Хорошо, но как же плохо... плохо ему сейчас осознавать это. Какая же страшная и жестокая вещь – человеческое ЭГО. ЭГО мужика, теряющего свою женщину. Особенно если эта женщина уходит к его другу. Боже, а может, так и надо? Может быть, Маринка и хотела этого, а он, он был для неё стартовой площадкой, ступенькой к приобретению мужа, мужа-олигарха! Нет, такого быть не может, а если... Тогда он расскажет Юрке о том, чем на самом деле занимается эта женщина. Нет, о чём он думает? Как вообще ему пришли в голову такие мысли? Это же Маринка, его Маринка, женщина, от которой ему просто сносило башку. Это что же получается, теперь у неё помолвка с его единственным другом? Так выходит, что она становится женой олигарха. А может, так встали звёзды, и именно так

всё должно идти своим чередом? Такова его и Маринки карма. Карма или Судьба?

- Где ты там застрял? - Ольгин голос вышиб его из ступора. - Иди уже мойся, наконец, и давай поедим чего-нибудь, устала я от казённых харчей «олинклюзив». Каши гречневой хочется с маслицем сливочным. Уже поставила на стол.

- Ты глянь сюда, - Илья развернул монитор так, чтобы ей было видно письмо.

- Ба, поздравляю, когда это?

- Кого поздравляешь? В среду в шесть вечера на «Маяковке».

- Ну, ясно дело, не тебя. Тебя чего поздравлять, ты женат, да ещё на такой девушке. - Она навалилась грудью на его плечо, вглядываясь в экран. - Рада за Юрку, Марина - девушка хорошая, мне понравилась. Может, у него наконец всё наладится, должно же и ему когда-нибудь повезти, не всё тебе. Пошли за стол, ужин стынет.

- Ну да, ну да. Полудурок обрёл свою вторую половину...

Ночь он провёл напряжённо. Ольга разметалась рядом немного по диагонали их большущей кровати. Она выпила с устатку рюмку коньяка и сейчас всхрапывала сном праведника, впервые посетившего бордель. Илью же усталость, наоборот, взбодрила, видимо, вкуче с сюрреалистическими новостями из московской реальности. Мысли вокруг открывшихся обстоятельств одолевали его полусознательную голову. А сон всё не шёл, хотя думы уже притупились, и в них не было предыдущей ирреальности. Завтра он позвонит ей по дороге в контору и всё выяснит. «Наверное, это они с Юриком его прикалывают. Как говорит молодёжь, троллят, суки», - мелькнула в угасающем сознании спасительная мысль. Разум зацепился за неё, как за последнюю надежду в виде тонкой соломинки, и отключился спасительным сном.

Чай вскипел, а нет заварки, хрен созрел, а нет Тamarки...

Народное творчество

Утро и впрямь, как гласила известная реклама, не было добрым. Даже не помог хороший завтрак, приготовленный заботливой женой. Ольга проснулась

значительно раньше, потому что спать ей не мешали ни мысли, подобные тем, что бродили в голове её мужа, ни взбрыкивание эго, которое у женщин менее ранимо в сравнении с мужским. Да и отсутствие информации иногда более полезно для морального здоровья, нежели её избыток. Меньше знаешь – лучше спишь! Лозунг проверенный, и отменить его пока никому не удалось. Смену настроения мужа она списала на начало трудовой деятельности после отдыха, плюс ещё накопившиеся стрессы «до того» создали подобный эффект с её суженым. Тем более начиналась подготовка к дню рождения Адольфыча, лучше не сбивать мужа с панталыку домогательствами и расспросами. Утреннее настроение полностью отменило вчерашние позывы Ильи немедленно звонить Маринке, как только он сядет в машину и останется наедине с телефонной трубкой. Он не только плохо представлял себе их тёрки-разборки, которые не могли не возникнуть. Он ещё хотел потянуть время. Во-первых, надежда на розыгрыш хоть и казалась глупой, всё-таки оставалась. Во-вторых, ему нужно было время, чтобы свыкнуться с мыслью о безвозвратности предыдущего течения жизни. В-третьих, поменяться всё могло и у виновников всей этой замуты. Он просто не представлял, как ему надо себя вести по отношению к Маринке, Юрке, себе. Как теперь не ляпнуть лишнего ни при ней, ни при «жАнихе», ни при Ольге. Ведь им нужно будет ходить в гости друг к другу, присутствовать на свадьбе и так далее. Это всё не просто так, всё очень серьёзно может поменяться как в плане личных отношений, так и с точки зрения его трудовой деятельности. Ведь как ни крути, а Вокакнахов является его работодателем, если не сказать больше. И уж если быть честным, вся его работа – это способ найти вариант, как дать ему денег не просто так, а в виде заработной платы. Подобную работу может выполнять любой более-менее адекватный человек, минимально вхожий в попсовую тусовку. Даже не надо быть докой в мире шоу-бизнеса, это дело наживное, особенно при таких бюджетах. Хотя ценность его для «больших пацанов» как «своего человека» тоже нельзя списывать со счетов. Инин решил выждать время, не маячить перед участниками интриги, а спокойно и без эмоций прибыть в среду к шести часам вечера в «Т-клуб» и держаться отвлечённо, как будто ничего не произошло, и/или действовать по обстоятельствам. Ещё ему было любопытно глянуть на Маринкину мать, та почти ничего о ней не рассказывала. Но она явно была в молодости красавицей, если судить по дочери. Хотя сейчас это уже не имело значения, но некое садомазохистское чувство от осознания причинённой ему боли приносило странное, неведомое доселе удовлетворение, типа «я же догадывался» и «всё-таки бабы суки». Он даже вспомнил присказку: чем хуже, тем лучше. И в душе жалел именно себя, представляя преданной жертвой. Чему быть – того не миновать.

Вот и разбери вас, мужиков: не дала – сука, а дала – бл...

Пример мужской логики

Как ни старался Илья ехать плавно и аккуратно, знакомая до выбоин и трещин на асфальте дорога в центр, к улице Красина и дальше, в район Малой и Большой Грузинских, оказалась сегодня вдвое длиннее. Закончилось благостное для автомобилистов время отпускной вакханалии и беспредела, когда даже по Тверской можно было за полчаса добраться от Белорусского вокзала до Красной площади. Суета вечеряющей Москвы больше напоминала сказку Бианки про путешествие муравьишки, опаздывающего к закрытию муравейника в комендантский час. Чертыхаясь и отпуская эпитеты по поводу наплыва «чайников» в узких переулках Пресненского района, они добрались до стоянки ресторана. Инин не любил приезжать рано, если это не диктовалось должностной необходимостью. И сейчас экран мобильного показывал уже половину седьмого вечера. Приклеив на лицо глупую улыбку безмятежности и взяв под руку свою вторую половину, он вошёл внутрь ресторана. Махнув знакомому распорядителю, жестом руки и мимикой лица поинтересовался, в какую сторону направиться к ожидающей компании. Работник ресторана так же жестом указал направление и вызвался проводить. Но был остановлен. Это заведение Илья знал досконально и проводников ему не требовалось. Пройдя с Ольгой во второй зал, они подошли к занятому столику и приветствовали собравшихся. Юрка с Маринкой вылезли со своих мест, по очереди обнялись с вновь прибывшими. Маринка чмокнула Илью в щёку и на некоторое время задержала его руку в своей, пристально, но виновато глядя в глаза. Юрка обнял его и шепнул на ухо:

– Извини, потом объяснимся, извини, брат.

– Всё в порядке, не хотелось бы о работе, но я бы завтра...

– Потом, потом. Эй, народ! Ну вот мы практически все в сборе. – Он повернулся к опустившейся на соседний с ним стул Марине. – Маришина мама звонила, что уже подъезжает, сегодня пробки в центре какие-то сумасшедшие. Мы тут все свои люди, не будем выпендриваться и начнём потихоньку. Мы с Мариной собрали вас тут по довольно забавному поводу...

В зал вошла, высокая женщина с букетом белых цветов. Так как кроме их компании вокруг не было никого, она решительным шагом направилась к ним.

– О, наконец! – сказала Марина, и Юра встал, забирая цветы и передавая их специально обученному официанту поставить в воду.

– Вот и наша мама, прошу жаловать, любить её – моя обязанность, так как она уже может считаться моей тещей, за ратификацией еного дела не встанет. Кстати, сегодня мы раздадим вам и официальные пригласительные на свадьбу. Прошу, Татьяна, по правую руку от меня.

Илья перестал воспринимать происходящее в данную минуту как реальность. Это просто не могло быть реальностью. Это был какой-то бредовый спектакль, сюрреалистическая постановка обдолбанного гения. Тарантиновщина по-русски. Мало того что здесь и сейчас воплощался в жизнь бред, которого не могло быть по самой элементарной причине, потому что его просто не могло быть НИКОГДА. Так теперь даже вероятность того, что всё происходящее вокруг являлось реальностью, начинала стремиться к нулю. Это было сумасшествие, подтверждение которому Илья ощутил, наблюдая приближение этой высокой и худой женщины к их столу. Да она же ровесница жениху! Он вглядывался в фигуру, походку, черты лица, и его охватывало возбуждение пополам с ужасом. Он знал эту женщину. Он не мог сейчас сообразить откуда, но он её не просто знал... Боже, и тут его осенило. Точно... Его как обухом по голове... Илья чуть не вскрикнул от догадки, но сумел взять себя в руки. Нет, он не верил, что такое вообще возможно, что Судьба, Карма или Жизненный Путь (какие ещё там есть определения Жизни человека) могут выкинуть подобное. Но это было именно так. Это действие разворачивалось сейчас перед ним, специально для него. А персонажи вокруг – это статисты, призванные оживить и приукрасить интерьер. Обставить всё так, чтобы фарс выглядел реалистично. Он не верит в совпадения, это выстроенный сюжет. И подтверждение тому усаживалось сейчас на стул рядом с его единственным другом, объявляющим о помолвке с его, Инина, любовницей. В тот момент, когда Юра только назвал имя матери Маринки, сомнения уже заворочались в его голове. А вот узнала ли она его? Вот ведь, он же видел Маринкину фамилию, когда брал билеты на Волгу. Но ему не пришло в голову сопоставить. Не самая редкая фамилия в России. Да и как такое могло уложиться в его голове. Эта женщина, Татьяна, которая является матерью Марины, оказалась его одноклассницей Татьяной Ивановой. Сколько же лет они не виделись? Пожалуй, больше двадцати. Точно, в памяти Инина всплыли его проводы в армию. Господи, это было даже больше чем двадцать лет назад. Пьяные приставания, точно, они ведь заперлись с ней в комнате тогда, и только через два часа до них достучались. Потом они потерялись, и он даже не искал её. Забыл. Вернувшись из армии, закрутился, новые девчонки, пьянки-гулянки. О Татьяне забыл. Потом работа в театре, не до старых ностальгических переживаний. Одна жена, вторая, о каких юношеских влюблённостях может

сохраниться память? Илья с испугом украдкой глянул на Марину и поймал на себе взгляд Татьяны. Перевёл взгляд на неё и обомлел. Понятно, она тоже узнала его. Первой реакцией было подойти, но что-то останавливало, и он продолжал разглядывать старую знакомую, пряча оторопь за тупой улыбкой. У неё не было поползновений к более близкому общению. Она пригубила из фужера и продолжила упрямо смотреть ему в глаза. И тут Илья совсем прозрел. Адреналин ухнул давлением в голову так, что уши заложило. Он опять посмотрел на Маринку и снова перевёл взгляд на Татьяну, та поднесла к губам фужер, улыбнулась и еле заметно кивнула головой. «Это пипец какой-то!» – пронеслось у Ильи в голове. Точно, и по годам сходится, и похожа на него, только обаяние материно. Теперь пазл сложился полностью. Татьяна – мать Марины, а отец-то он!

– Я так подумал, что сегодня можно и развязать, – обратился Илья к Ольге, наливая полный фужер вина.

– Ты уверен? – перепуганно спросила она.

– Вполне.

– Что-то не так? Не нравишься ты мне сегодня, вернее, твоё настроение.

– Нет, всё в порядке, просто устал, напиться мне необходимо.

Он махнул залпом фужер, встал, подмигнул Ольге и подошёл к Маринкиной матери приглашать её на танец.

– Ну, привет, а ты тут каким боком? – спросила Татьяна, когда они начали одиноко топтаться под негромкую музыку.

– Я тут, можно сказать, друг семьи, правая рука жАниха, свидетель на будущей свадьбе и просто дурак. Вот завтра пойду закажу себе ленту через плечо с надписью, с одной стороны – «СВИДЕТЕЛЬ», а на спине – «ДУРАК». Причём на букву «М».

– Какая у тебя интересная самоидентификация. Ну, ты уже понял всё, как я погляжу. Я её одна растила, только мои родители помогали и то, когда Марусе уже лет пять исполнилось.

– Почему меня не нашла?

– Я и сейчас не ищу, это ты сам нашёлся. Снился ты мне недавно. Не такой, как сейчас, а каким я тебя тогда запомнила, худее, но лохматее. Это твоя жена

или?.. – она указала взглядом на Ольгу, которая что-то обсуждала с молодыми, в некоторой озабоченности поглядывая на танцующих.

– Да, Ольгой зовут. Я в общей сложности три раза женился.

– Похоже на тебя!

– Что будем делать?

– С чем? – сделала вид Татьяна, что не понимает. – Ах, с Маришкой? Так пусть замуж выходит, или у тебя есть тому возражения? Жених завидный, богатый, разведённый... Друзья у него вон какие славные.

– Я про нас с тобой, вернее, об отцовстве... Короче, не стоит Марине сейчас ничего рассказывать. Может, позже.

– И в мыслях не было, я представила себе, что может быть, если откроется правда.

– И что же будет, по твоему мнению?

Татьяна задумалась, видимо, подбирая слова, чтобы выразить мысль.

– Я подумала, что не стоит Марине знать про её отца. Нет и не было никогда, в смысле погиб в Афганистане. Ушёл в армию и пропал без вести, всё, эта тема закрыта. Представляю Юрия, узнай он, кто его тесть, вот умора! Нет уж, не тронь, не взбаламучивай, оно и не завоняет, поросло и заросло! А ты молодец, неплохо выглядишь.

– Стараюсь, работа такая. Может, ты и права, – Илья давил в себе чувство облегчения, что выход из положения лежит в том, чтобы положение это не усугублять. И вроде к тому складывались предпосылки. – Пожалуй, так будет лучше всего, правда, может очень сильно изменить наши взаимоотношения, возможно, что и безвозвратно. Об этом кто ещё знает?

– О чём? Про тебя, что ты отец? Кто же может об этом знать, только ты и я. Причём я уже двадцать лет, а ты последние три минуты. Поэтому молчи и не говори никому, папаша. Ну, вот и музыка закончилась, спасибо тебе.

Илья поклонился даме, сделал рукой подобие реверанса и нетвердой походкой направился к своему месту. По дороге он хлопнул Юрия по плечу, подмигнул Маринке и громко пропел:

– Кто может сравниться с Татьяной моей... Да, хорошая у тебя, Юрка, тёща, где таких берут? Ах, ну да, в Чертаново! Эх, где мои семнадцать лет...

– Ба, голубь, да ты нажрался уже. Оля, ты чего с мужем сделала? Ты почему за ним не следишь? Во орёл, молодость вспомнил! – опешил Вокакнахов. – Может, спать его положим? Тут есть шоу-рум мебельной фабрики в соседнем зале, там как раз пусто и диванчики. Пойдёшь туда, работник?

Илья и впрямь был пьян, не до такой степени, чтобы идти прикладываться на выставочный диван, но машину явно придётся оставить на стоянке. Несколько лет завязки очистили организм от метаболитов этилового спирта. Тело забыло его, потому воздействие одного фужера вина было сопоставимо с выпитой бутылкой. С одной стороны, он понимал, что попортит людям праздник, отчалив домой, но и распугивать народ своим пьяным базлом и красной рожей было ещё менее гуманно. Тем более что ему очень хотелось остаться одному и подумать. Подумать над пресловутым, «мать его», смыслом жизни. Ведь она, жизнь, менялась не на шутку, и ком этих изменений нарастал, грозя обернуться лавиной. Илья взял сигареты и вышел в прохладу улицы. Увязавшуюся было супругу он попросил не бросать компанию, объясняя ситуацию тем, что ему ещё необходимо сделать несколько звонков и посидеть в одиночестве подумать. Вторую сигарету он прикурил от бычка первой. Никотин активным кислородом ошпарил мозг, придав ему рассудительность, но отнял силы, отчего Инина начало подташнивать. Оформившиеся мысли не могли скоммутироваться воедино, потому не давали целостной, законченной картины происходящего. Итак, что он имел на сегодняшний день? Ситуация, как она представляется с его стороны: есть он, есть его жена Ольга, его единственный друг, его, Ильи, любовница или подруга. Вернее, всё это было так до недавнего времени. Жена не в курсе его любовных походов с подругой. При этом друг в курсе всех перекрёстных связей, кроме... И тут появляется Татьяна, мать его... Тьфу, чёрт! Мать его любовницы, а по совместительству и его бывшая зазноба... А ещё по следующему совместительству мать его дочери. Блин, дальше ещё забавнее. То, что было между ним и Мариной, по-научному называется инцест. А кто об этом знает? О нём не знает никто, вернее, только он сам. А о том, что она его дочь, знает только опять же он и её мать, то есть Татьяна. Но Татьяна не знает, что он ещё... Короче, что он с ней трахался, блин, и чего теперь с этим делать. Кто знает об их связи? Только Юрка, он сам и ещё его собственная жена Ольга. Но она знает только часть, то есть ту часть, в которой сама принимала участие. Теперь о том, что же знает Юрка. Он в курсе дел об Ининском сексе с его невестой, но не в курсе, что Инин – её отец. А Татьяна не знает, что он спал с собственной дочерью. Но ведь он и сам об этом только что узнал. Блин, какое-то индийское кино пополам с порнографией! Даже представить невозможно, что произойдёт, если Маринка узнает, кем является он для неё. Необходимо оставить всё без каких-либо изменений, чтобы все знали только то, что знают, и не получили большей информации. И самое главное, полное табу на раскрытие

факта его родства и Маринки. Сей момент должен быть исключён. Ему необходимо «уйти в тину». И похоже, что их с Юрой дружбе, истинной мужской дружбе по-любому приходит конец. Смогут ли они теперь спокойно смотреть друг другу в глаза? Дай-то боже, чтобы остались нормальные отношения.

Ситуация действительно поменялась. А может, так только показалось Илье. Со своим непосредственным шефом ему не приходилось вести дела последние две недели. Новых вводных относительно дня рождения Адольфыча не поступало. А возникающие вопросы решались «в рабочем порядке» между Ильёй и секретарём Ведуна, Викой. Юру отвлекать поводов не случалось, и сам он не отвлекался на звонки другу. Ольга чувствовала перемены в муже, но пойдй разбери капризы этих мужиков в период кризиса среднего возраста. Разве предугадаешь, по какому поводу у них случаются депрессии и срывы. Работа, деньги, «косьба капусты», бег по замкнутому кругу за положением, статусом и снова, и снова. Лишь маршруты разные по уровню. Но суть неизменна. А потом срывы, больнички, диабет, ожирение, онкология. До определённого возраста даже не задумываешься. Пока не грянет. А грозы у нас бывают масштабные, с ураганами, громом и градом.

Рутинные приготовления, включающие в себя кастинг девчонок для высоких гостей, подбор самолёта и тому подобное, подходили к концу прощальным взмахом улетающей в Испанию компании. Сам Илья от поездки отказался. Слетал в Малагу заранее, чтобы на месте отрегулировать все нюансы мероприятия. Оставил распоряжения и деньги русскоязычным ответственным, нанятым для надзора за исполнением прихотей богатых москвичей. В зоне вылета VIP-пассажиров частными самолётами аэропорта Внуково пообщался с коллегами – адъютантами бугров, входящих в империю Адольфыча. Среди гостей были два председателя известных в мире банков, один член Государственной думы, два губернатора нефтеносных районов Севера и прочие «братья по оружию». Юрий, пристально взглядываясь в глаза друга, похлопал его по плечу, посетовал на то, что давно не встречались из-за всеобщей занятости. Илья, пожелав всем удачного полёта и весёлого провождения времени, посадил отъезжающих в поданные автомобили, шепнул девчонкам пару наставлений, подсаживая их вслед за их арендаторами, и вздохнул с облегчением. Чуть морозный воздух подмосковного солнечного утра середины октября был свеж. На небе не предвиделось ни облачка. Настроение у Инина было приподнятое, определённое завершением большой и ответственной работы. Он уже стал привыкать и, похоже, даже привык к новому качеству положения как своего, так и участников событий последнего времени. На сегодня у него осталось последнее дело, по исполнению которого он может окончательно расслабиться,

послать всех по известному в России адресу, отдохнуть и немного «потупить» в безделье. Сегодня надо ещё заехать в модельное агентство, передать Светлане денег за девушек, которые он только вчера сумел получить в «чёрной кассе». И всё, на ближайшую неделю он свободен. Может, махнуть опять на Красное море понырять? Только теперь уже на Синай, в морской заповедник «Рас-Мохаммед», побережье Хургады они с Ольгой уже знают. Там было здорово и красиво, однако продвинутые дайверы уверяли, что Шарм-эш-Шейх по красоте и экзотике типа потопленного немцами английского транспорта превосходит все культовые нырятельные места.

Деньги Инин оставил дома, чтобы не таскаться с огромной суммой в аэропорт. Девчонок по его линии зафрахтовано двенадцать штук. Цена из расчета тысяча долларов за сутки использования каждой. Умножаем на семь дней эксплуатации, итого получается восемьдесят четыре тысячи окочивавшихся американских презиков. С такой суммой в кармане не очень комфортно рассекать по Белокаменной. Тем более что поставка уже осуществлена, как говорится, «товар отгружен», и Светлана закрыла глаза на незыблемое условие предоплаты, изменив постулату о «стульях» до их использования. Потому ему надо было кровь из носу избавиться от казённого бабла как можно раньше. Далее жить целую неделю автономно, ни от кого не завися. Илья терпеть не мог долги, особенно чужие.

Инин мотанулся в Бутово. Забрал завернутый в газету «Правда» «кирпич» из «котлет» долларов. Положил его в полиэтиленовый пакет и будто с «тормозочком» еды отправился на Знаменку завершать расчёт.

– И почему все дуры такие блондинки?

– Они притворяются, они на самом деле умные,

но так проще жить, выдавая себя за дуру.

– Тогда зачем они красят корни волос в тёмный цвет?

Из разговора пьяных мужчин

Хозяйка, мамка и просто «свой парень», блондинка Света приняла его, как обычно, хорошим чаем. Он передал ей свёрток, сделал дежурный комплимент, посетовал на свой возраст и собрался было уже уходить, как она остановила его.

- А как ты насчитал семь дней работы у девушек?
- Как-как? По календарю, естественно, – Илья достал мобильник и вывел календарь на экран. – Давай по новой. Мы же вместе всё подбили, все расчёты у меня в компе есть.
- Хороший администратор никогда не посчитает в чужую пользу. Я потом календарь взяла, смотрю, а мы с тобой лоханулись, какая у девок работа в последний день, они в девять утра вылетают из Испании, на борту разве что в полёте отсосать, – с улыбкой заметила Света. – День приезда, день отъезда считаются как один день! Ты будто за границу никогда не выезжал по туристической путёвке.
- Получается, я лишнего с бугров взял?
- Что, возвращать надумал?
- А как? Поделим, что ли? Как делить будем? Поровну или по-честному? – засмеялся он.
- Я девицам выдала из расчёта шести дней, у меня с ними такой именно договор на оказание услуг и составлен. Они в ведомостях за деньги расписались. Какие вопросы?
- Предлагаешь «снять пену» и раздербанить?
- Нет, я свою долю имею, мне чужого не надо, это твой навар.
- Фигасе, вот так двенадцать штук зелени, как с куста? Неожиданно, сюрпрайз!
- Это твои проблемы, что хочешь, то и делай, хоть обратно папикам своим раздай. – Она забрала причитающееся и отдала ему обратно свёрток с излишком. – Но вряд ли нормальный человек понесёт бабло мимо кармана, к тому же боссы твои уже забыли обо всём с такими подругами. Им на эти деньги... с прибором, на обед столько же тратят.
- Ну, значит, заработал, не возвращать же, в самом деле!

Они с Ольгой так и не поехали отдыхать в эту неделю бездеятельности. Хотя, как говорили тогда в попсовой тусовке, «бабки есть, чего ж не брать». Но ни настроения, ни энтузиазма не подобралось на этот бытовой подвиг. Опять тащиться несколько часов, сменяя машину на самолёт и далее автобус. Менять часовые пояса, жрать олинклюзивскую дрянь в гостинице и приходиться после в

себя ещё целую неделю, ставя клизмы и щадя желудок разгрузочными диетами. Всё это навевало тоску и совсем не сочеталось с настроением Ильи. Тем более что эпидемия торжеств и дней рождений только входила в стадию своего обострения. По возвращении высшего командного состава из Испании планировался юбилей управляющего азербайджанским филиалом концерна. День рождения Маринки. А там и до ноябрьских рукой подать. Между ними и Новым годом ещё двух «генералов» угораздило родиться. Сам главный праздник мира тоже не ограничивался только «генеральной пьянкой» головного офиса. На Илье лежало бремя организации торжеств в филиалах. На халтуры времени даже не оставалось, хотя запросы уже начали поступать, и он переадресовывал их друзьям-коллегам из сторонних контор в знак корпоративной солидарности. Мало ли как обернётся жизнь, возможно, и они отблагодарят его когда-нибудь. Так что отрываться от Москвы было просто некогда. Юрий с Мариной не звонили уже несколько дней с момента возвращения первого. Сам Илья не проявлял инициативы. Он даже не представлял, как пройдёт их встреча, потому и не форсировал события. Хотя и так было понятно, что деваться ему некуда, и общение состоится. А пока он просыпался с мыслью, будто вот именно сегодня и настанет час X. Хоть и тяжело ему будет смотреть на счастливую пару, а придётся, никуда не денешься.

Юрий позвонил ему в обеденное время.

– Здоров! Слушай, что там за фигня произошла с девками на Адольфычевой днюхе?

– Привет. Не понял. С какими? – Инин вдруг отчётливо увидел лицо друга с трубкой возле. Адреналин ударил изнутри в темечко, отчего защекотало в ноздре и слегка потемнело в глазах. На самом деле он сразу понял, о чём идёт речь. Он уже неделю думал именно об этом.

– Мне Михайлов звонил, он со своей девицей сошёлся сильно, денег даже ей дал сиськи врезать. Она ему странные вещи говорила, – Юрий сделал паузу, ожидая ответной реакции, но Илья предусмотрительно молчал. – А ты мне ничего не хочешь сообщить по этому поводу?

– Дык по какому же? – Илья продолжал «включать дурака», выигрывая время, необходимое для подготовки ответа. А сказать ему было нечего в своё оправдание. Он даже не был в курсе случившегося разговора и сути подозрений или претензий к нему. Хотя вроде бы в чём его вина? И что одному из гостей, Сергею Михайлову, человеку, занимающему положение, соответствующее вознаграждению в десятки миллионов долларов в год, могла сказать

проститутка с оплатой услуг в штуку за день? И как он это воспринял? Видимо, без всеобъемлющей веры в человечество, раз позвонил Юрию, другу и покровителю организатора получившейся накладки. Но дело сейчас не в этом. Дело в том, что из сложившегося положения надо искать выход. Вернее, не искать, а найти. Необходимо так представить случившееся, чтобы выглядеть жертвой или дураком, на худой конец. А может, и нет пока поводов для мандража? Чтобы свести все нюансы к одному знаменателю, ему и требовалось время.

– А я догадываюсь, там с денежкой какая-то непонятка вышла. Я сам на днях только вошёл в курс дела, и то не до конца. Мне Светлана из модельки звонила, просила подъехать с бухгалтерией разобраться, что-то там не так посчитали. И с девчонками расплатились некорректно. Я разберусь.

– Давай-ка, а то негоже так. Звонит Сергей, говорит, что я в контору друга привёл, а он – сутенёр. Девочек нам поставляет и на них наваривается. Я что, тебе денег мало плачу?

– Ну, тогда уж не сутенёр, а бардельеро, – попытался скрыть за шуткой волнение Инин.

– Да нет, если выяснится, что ты помимо тех бабок, что я тебе плачу, ещё свой процент на блядах накручиваешь, то это будет знаешь как называться? Во-во, крысятничество – это когда с баблом своих набебекивают.

– Ты чего, Юра, я и сам не понимаю, что там происходит, это подстава какая-то. Дай мне разобраться, и я тебе завтра всё отрапортую.

Илья прервал вызов и опустился на край кровати, рядом с которой его застал звонок. Его потряхивало, чувство надвигающейся неминуемой утраты пробежало колющим холодком по позвоночнику, спустилось в область таза и противной щекоткой наполнило отяжелевшие ноги. Что же делать, нечасто в жизни его обуревало подобное ощущение безысходности и безнадеги. Он набрал номер бандерши.

– Привет. Узнаёшь? Это Инин из «Ониойла».

– Да, привет, как у тебя дела? – послышалось в трубке. Голос был Светы, но в тоне его появились странные нотки, которых Илья не ожидал услышать. А может, ему показалось, и он во всём видит подвох и заговор? Светлана явно была в курсе. Она знала, она ожидала его звонка. И сейчас будет наигранно удивляться услышанному от него.

– Помнишь наш последний разговор? Мне мои бугры вопрос задали по поводу лишней штуки с каждой девки.

– А, ты про деньги! Так я же тебе сказала, что там лишние были, и вернула тебе. Ты что, их не раздал обратно?

– Ты хорошо помнишь наш разговор?

– Илюша, у меня дел по горло, я не могу заикливаться на каких-то мелочах, разговорах, бабках-дедках, девках-мальчишках. Я занятой человек. По бухгалтерии всё проведено чики-чики: выездная сессия, модельный показ, квитанции, подпись в приходнике-расходнике, кстати, там твоя подпись стоит. «Сдал-принял, подпись-протокол». Глянь в свои бумажки, сколько ты там денег внёс в кассу агентства? Илюша, если помнишь, я тебе говорила: хоть обратно их раздай. А тебя, похоже, жабка придушила. Жаба-то, она раньше нас рождается. Думать надо. Я тебе в этом деле не помощник. Изыскивай вариант, как выкрутиться и деньги вернуть. И... опасайся коллеги, который теми же делами заведует, что и ты, только у председателя вашего нефтяного банка. Есть там такой Алексей, – и она повесила трубку.

Интересная информация, видимо, не просто так ею обронено слово про этого хлюста, что вечно пытается перехватить у него организацию главного, всеионского Нового года. Илья мельком видел его и во время подбора спецконтингента для днюхи Адольфыча, и во время проводов компании в аэропорту он присутствовал. Они с Ининым ласково друг другу улыбались и здоровались, но неприятное чувство всегда оставляло осадок на душе после встречи. Хотя последний год не предвещал пакостей с его стороны, так как Илья являлся безоговорочным и необсуждаемым авторитетом в корпоративках. Так, по крайней мере, он думал до сегодняшнего дня. Что же ему теперь делать? Наверное, надо всё-таки принести деньги, отдать их Юрке и сказать, что там, в агентстве, намудрили, а он разобрался, и вот результат в сумме двенадцати тысяч долларов США. Главное, чтобы не «осталось осадка», как в анекдоте про украденные ложки, которые потом нашлись. Ну, дай-то бог, дай-то бог.

– Юра, я только что со Светой разговаривал из агентства девичьего, она тоже не в теме по поводу денег, сейчас разберётся, там сумма немалая набежала, двенадцать штукарей, я к ней завтра доберусь, разберусь, потом к тебе с баблом приеду.

– Боюсь, что поздно уже. Эта девица Михайловская сама инициировала разговор со Светой. И его, Сергея, а впоследствии и меня с ней. Она такой шорох тут развела, что все девки, которые с нами летали, закипишили. Кстати, Светлана

на тебя все стрелки перевела. Говорит, что ты ей предложил вариант как боссов на...

– Я?! Вот сука. Да как так можно, я же с ней... только что говорил... Сейчас перезвоню.

Это что же получается? Илья «взял голову в руки», надо всё тщательно обдумать. Выходит, что его и впрямь подставили. Света с этим, как его, Алексеем из «Нефтебанка». Нет, тогда зачем она ему рассказала про Алексея, как-то нелогично. А может, она просто ему сказала про этого хмыря, чтобы от себя отвести подозрения. Получается, всё-таки заговор. Паранойя! Его решили убрать с «тёплого местечка», подставив перед начальниками в столь деликатном деле. Теперь он в глазах бугров вор, крыса, сутер! И даже если принести им деньги, в любом случае он себя скомпрометировал. В любом случае тот самый осадок никуда не денется даже при возвращённых бабках. А может, идти в несознанку? Стоять до конца, что ничего не знал, не видел, не получал и не сидел. Да, только этого ему сейчас не хватало! Сейчас самая пахота и косьба баблища на корпоративках. Хотя всё идёт к тому, что страда пройдёт без него. Пожалуй, это конец... Конец всего... Ну, по крайней мере, его карьере в «Ониойле», его дружбе. Хотя дружба-то тут при чём. Он ведь не хотел этих денег. Как же вышло, что он их таки взял? Какой бес его попутал? Ясно какой – по имени Света. Даже если он принесёт эти сраные бабки, что изменится? В лучшую сторону ничего! Без работы уже остался, останется и без бабок. Если рассуждать хладнокровно и реалистично, то жизнь его изменилась радикально и кардинально, и сделала она это в тот момент, когда он клюнул на эти деньги. Жаба?! Похоже, что это он полный мудака, который на пустом месте за какие-то вонючие двенадцать штукарей зелени просрал всё: и карьеру, и дружбу, и Маринку... Господи, ещё и это! Как же он сумел с этими деньгами забыть про главный удар. Маринка вообще отступила на второй план. Да пожалуй, уже и нет смысла возвращать те деньги. Для чего? Для самоуважения? А семью кормить? Одним самоуважением сыт не будешь. Вот так вот, бывает, жизнь оборачивается... не всегда передом.

Илье вспомнился их давний разговор с Юрием. После выпитых с устатку двухсот грамм виски язык его развязался, и он сквозь пьяные слёзы занялся самобичеванием. Вокакнахов поведал, как он отказал сотруднице, у которой случился развод, и та осталась одна с двумя детьми. Она просила прибавку к зарплате. Сумма, о которой шла речь, была смехотворной – эквивалент пятидесяти долларов. Это для Юры она была смехотворной. А для подавшей прошение, видимо, нет. Начальник отказал ей без объяснения причин. Тогда, в кругу друзей на пьянке, он мотивировал отказ тем, что нельзя давать

работникам расслабляться и создавать прецедент. Эдак все начнут клянчить прибавку и почувствуют вольницу. А потом это скажется на их трудовом процессе, дисциплине. Юрию очень хотелось помочь сотруднице, но из политических соображений он запретил себе подобные шаги. Что и послужило причиной его испорченного настроения и желания напиться. Это он, собственно, и сделал в компании близких друзей, истратив на ресторан две с половиной тысячи американских денег. Две с половиной тысячи, это же в совокупности равняется более чем четырём годам запрашиваемой прибавки к зарплате. А он пропил эту сумму за четыре часа. Вот такое он бесчувственное животное, плакался нетрезвый друг! Есть все основания считать, что друг уже бывший. И эти двенадцать тысяч, скорее всего, деньги на которые самому Инину и его семье придётся жить какое-то время. Нет, естественно, сбережения у него были. И квартира в Москве, и японский джип-паркетник – вещи ликвидные. Но и они когда-нибудь заканчиваются. А дружба, карьера, тёплое, непыльное место, связи – всё летело к чертям. Не говоря уже про Марину...

Он долго мучился, но всё-таки сумел застрелиться из лука...

Из книги рекордов

Привыкать к новому образу жизни и осознанию себя в этой жизни в новом качестве было невероятно тяжело. Теперь в тот влекущий мир народившейся крутизны ему нет дороги. Там он никому не нужен. Потеря уважения в глазах прежних знакомцев и друзей отрезала огромный пласт его бытия. Так прошла зима. Илья, наверное, пару-тройку раз выходил из дома. Мир за окном казался проекцией плохо реставрированной плёнки старой совковой кинохроники. Каждое окно в квартире представлялось экраном, транслирующим эту тягомотину чёрно-серого кино. Косые линии дождя расчерчивали реальность до состояния унылой графики, ненужного, бессмысленного существования. Стимула жить не было. Даже любимая женщина казалась воплощением надоевшей обыденности. День начинался с ожидания вечера, вечер – ночи, когда можно было остаться наедине со своими страшными мыслями. Вся жизнь сводилась к пассивному ожиданию смерти. Первые суицидные мысли стали посещать его к весне. Единственное, что предохраняло от рокового шага, это его Ольга и сын. Илья представил себе их существование без него, без его поддержки. И это удерживало его в окружающем мире. Юрий не звонил. Марина тем более. Илья не то чтобы понимал их, некое садомазохистское чувство предательства и брошенности грело его душу. «Чем хуже – тем лучше». Он

представлял себе гипотетическую встречу со своими уже бывшими близкими людьми. Когда-нибудь, через несколько лет. В далёком уголке земли. Они, приехавшие туда на отдых в роскошную гостиницу, и он, загрубевший на солнце, опустившийся иностранец, зарабатывающий на жизнь случайными подработками. Ему виделось то прозрение, с которым они кинутся к нему. Их раскаяние в совершённом. Их попытки искупить свою вину перед ним. Но наступало утро... серость бытия этой реальности развеивала ночную иллюзию.

Весна на всё под нашим солнцем действует пробуждающе и отрезвляюще. Первые оттепели и в мозгах размораживают угнетённые серостью процессы. Недаром в медицине есть понятие межсезонных обострений. Вот и Инин, проснувшись как-то в середине марта, вдруг явственно понял, чего же ему необходимо сделать, предпринять. В течение всей сознательной жизни с тех пор, когда он начал самостоятельно отвечать за свои поступки, он принял на себя одно мистическое обязательство – ни в коем случае не ездить на отдых в Индию. У него много чего было связано с этой страной. Он панически боялся её. Боялся, что, попав однажды, не сможет выбраться и останется там навсегда. Это было связано с его детскими страхами и суевериями. В своё время Илья жил с родителями в посольстве в городе Дели. Именно в Индии он встретил три своих дня рождения. Дни рождения отсчитывали те года, что формируют человеческую личность. Поэтому с Востоком у него было связано немало.

Илья посмотрел на улицу, и настроение на какие-то секунды приобрело его прежний оптимизм. Солнце заглянуло в окошко, пробившись между грядками облаков и надстройкой соседней крыши. Он обернулся к Ольге, смирившейся с настроением мужа, но жёстко переживавшей за его психическое здоровье. Он не стал в деталях объяснять ей всех нюансов произошедшего между ним и Юрием. Лишь описал саму суть случившегося в свете подлости нравов, творящихся в подобных конторах, и грызни за тёплые места.

– Я знаю, что нам надо сделать! – Ольга аж вздрогнула от неожиданности. – Надо поехать куда-нить отдохнуть!

– Во как, – воскликнула она с удивлением и облегчением.

– Не произноси, пожалуйста, при мне это выражение. Словосочетание «во как» мне напоминает прошлое, так начинается фамилия сама знаешь кого.

– Прости, не задумывалась, так что ты предлагаешь?

– Гоа! Поехали в Гоа на разведку? У меня возникла мысль. Надо съездить на разведку, там ведь куча русских живёт. Страна дешёвая. У нас с пенсионного фонда проценты каплют, сбережения кое-какие имеются. Может, бизнес

замутим. А нет, так и без него прожить можно, если не выпендриваться. В России не получится по доходам, а в Гоа – запросто. Ребёнка там в школу и отдадим, если что.

– Ты в своём уме? Ты себе отчёт отдаёшь? Давай так, если ты серьёзно и в здравом уме это сейчас произнёс, то сядем после завтрака и всё обговорим. Сыну через три года в школу, до этого я ещё понимаю, можно хоть у чёрта на куличиках... Но потом? Как ты себе представляешь его образование в стране третьего мира?

– ОБРАЗОВАНИЕ, слово-то какое мерзкое, как будто образом тебя каким-то одаривают. А если точнее, то в голову человеку вдалбливают, внедряют ОБРАЗ. И в соответствии с этим образом и живи. За тебя уже решили, какие образы надо втемашить в твою слабенькую головку, у самого-то ума нет понять...

– Ты чего разошёлся, уймись, ребёнка разбудишь, философ... Спиноза в таблетках... Иди сюда, обниму и приголублю, тихо... тихо...

– Вот они, наши индусики, вот они, наши гоанцы! – Юрий Иванович в своих строгих парадных шортах и а-ля пробковом шлеме, как у Пуговкина из «Операции „Ы“» («подарок из Индии»), настолько непривычно выглядел на фоне прибрежного ресторана с крышей из пальмовых листьев, что казался пришельцем из параллельного мира.

Впрочем, оно так и было. И даже не из параллельного мира, вынырнул этот персонаж прошлой жизни. Он, как привидение, материализовался во влажном сумраке душного мартовского вечера на берегу Аравийского моря. Настолько не сочетался его образ с окружающей реальностью, что напрашивалось подозрение в применении фотошопа, сработавшего в утомлённом жарой мозгу. Вот если бы закрасить море и подставить обрывистый берег Волги, вместо багрянца облаков после традиционного заката пририсовать теплоход на фарватере, вот тогда получится Юрий Иванович Серов в полной гармонии. А сейчас его присутствие походило на абсурд, будто Мэдрик Джонсон перепутал площадки и вышел на лёд, причем с клюшкой, но в своей баскетбольной форме.

Они обнялись.

– Да, Юр Иваныч, вот кого рад видеть, так это тебя! – Илья аж прослезился. – При этом как же чудно тебя тут видеть!

– Олюшка, иди и тебя обниму! Ба, ну ты просто красавица! Сколько лет не виделись? – Серов целовал семейку Ининых. – А ребёночек ваш где?

– Он у нас теперь большой, сам по себе, у них вечеринка в школе сегодня, привет вам передавал, говорит, что помнит, как вы его «Рафаэлло» в кабинете у себя угощали. – Ольга с большим уважением относилась к Юрию Ивановичу. – Как у вас-то дела? Надолго в наши края?

– Ой, мы на три дня сюда. Замучились! На вот глянь, проспекты какие отпечатали для выставки. – Губернатор сделал утомлённое лицо. – Со мной ещё бригада дармоедов. Мы область на выставке в Дели представляли. Всем кагалом я своих и привёз связи налаживать. Договоров хорошо так назаклучали. Вы-то как, мы чего, у нас делишки. А вот как вы до жизни такой дошли? Ох, завидую я вам! Ох, завидую! Теплынь, море, солнце, бананы!

– Мы нормально, как видишь, худеем, – Илья всё никак не мог привыкнуть, что перед ним стоит материальное воплощение прошлого. – Живём в деревне на берегу, но купаться раз в месяц получается.

– Это как же так?

– А лениво, идти надо до пляжа метров пятьсот, времени нет. К тому же там мокро и солоно, нам и без моря тут хорошо, – вставила Ольга. – Тут всё по-другому, человеку, не знакомому с этим образом жизни, не понять. И впрямь времени не хватает. Меня спрашивают, чем я тут весь день занимаюсь, а объяснить сама не могу. Встаём рано. Пока по быту дела поделаешь. Я йогу преподаю два часа в день. Обед. Сиеста минут сорок. Туда-сюда, и день прошёл. На сансет, то есть на закат сходили, там ужин. И впрямь времени не хватает.

– Так ты йог? То-то я смотрю, ты помолодела на десяток лет! – воскликнул Юрий Иванович. – Ты там у нас случаем не научилась жить в обратную сторону по времени? Такое ощущение, что молодеешь год от года.

– В Индии всё возможно, – ответил за неё Илья. – Я сегодня весь день под впечатлением от твоего звонка. Откуда телефон взял? Его, кроме моего брата, в России никто не знает.

– Отгадай с трёх раз? У нас руки длинные, от нас хоть в Антарктиду сбегай, ан не скроешься. Шучу, шучу. Юрий дал.

– Какой? – не понял Инин.

– У нас с тобой много знакомых Юриев на двоих? Я ему звякнул, когда на выставку собрался, хотел с собой зазвать. Он-то меня замучил приглашениями,

обижается, что не еду. Он не смог со мной, а дал твой телефон и рассказал, что ты тут на Гоа обитаешь. Ну, не знаю, откуда взял, может, они с братом твоим дружат.

– Интересно! Интересно! Не НА Гоа, а В Гоа, Юр Иваныч, не на острове живём. Скорее всего, у брата и взял. А куда он приглашал, а ты не ехал? Ну-ка колись, Юр Иваныч.

– Ну ты даёшь. Я знаю, что у вас там разжопка какая-то вышла, но без деталей. Это сколько же лет вы не знаете? Он уже два года как «надоело жить в Рязани и отплясывать кадрили, милый, сделай обрезанье, и уедем в Израиль». Уехал он с женой в Монако. А ты что, и впрямь про Израиль подумал? Он же с Кавказа! Живут в самом, как его, Монте-Карло, а дача у них в Провансе, недалеко. Тебе, кстати, Мишутка наш, Хохол, приветы слал. Вот кто точно до тебя доберётся, так это наш гарный хлопец. Глянь, глянь, какого он тебе сала прислал. И просил выяснить, как тут у вас с женским полом? Ты же его знаешь! – Юрий Иванович выкапывал из безразмерного чемодана гостинцы с далёкой родины. – А, вот буженинка в вакуумной упаковочке с нашего Урюпинского мясокомбината, со спеццеха! Я за ней прям глаз да глаз... Как в отель прибудем, так сразу всё в холодильничек, чтобы до тебя всё свеженькое доехало, вот...

– А с какой женой? – загадочно спросил Илья, прекрасно понимая, о ком идет речь, но из мазохистских побуждений жаждущий услышать имя.

– Ну ты даёшь... С Мариной, естественно!

Они сидели за столиком возле вытащенной на берег рыбацкой лодки. Пластмассовый стол глубоко зарылся ножками в песок, как и стулья, на которых сидели за ним гости. Посередине догорала свеча под стеклянным колпаком, освещая разорённые тарелки с очистками креветок, пустую бутылку водки и початую – семилетнего рома Old Monk. Коренастый официант-непалец сонным видом напоминал о позднем часе, предлагая им задуматься о всеобъемлющем человеколюбии, сидя на стуле ближе к кухне ресторана, который в Гоа называется шек. Время и впрямь было позднее по местным меркам – одиннадцать часов вечера. Чудной месяц, как неваляшка, перекатился, изобразив из серпа пиалу. Так он выглядит в тропических широтах. Он оставлял осколочную дорожку на ряби воды при полном штиле. Ни единого порыва, воздух вязкой влажной массой обволакивал сидящих за столом. Собеседники устали, они наговорились за эти часы, прошедшие с заката. Но расходиться не хотелось. Впечатления навалились на них тяжёлым, утомительным грузом, когда усталость отнимает силы, но не даёт возбуждением расслабиться. Собеседникам

было что рассказать друг другу о событиях, произошедших за то время, что они не виделись.

– Да, вот это история, – зевнул Юрий Иванович. – Мне давно в голову такая вещь пришла, но никак не могу её до конца додумать. Видишь, как по жизни получается, пили в древности самобродное пиво, бражку, медовуху, и не было никакого алкоголизма. Так на Востоке курили свою дурь, опиум, там, или как оно называется? И не страдали наркоманией. Но человечеству мало этого показалось. Надо всё усовершенствовать, всё сконцентрировать, чтобы и транспортировать было проще, чтобы малым количеством довольствоваться с большим эффектом. И что получилось? Получились крепкие напитки, которым организм не смог долго сопротивляться, цивилизация начала спиваться. С опиумом та же история. Появился концентрат в виде героина, и всё, процесс стал неуправляем и развивается сам по себе. Так же и со счастьем, оно тоже должно быть дозированным, не следует его концентрировать, иначе получится боль...

– И не говори... Так я и не рассказал Маринке тот старый анекдот про попа в публичном доме... Но это уже немного другая история...

Постскрипtum

Читать книги надо фильтруя, ибо чем больше читаешь, тем сильнее замешиваешь в своей голове кашу. Возникает уверенность, что ты таким образом познаёшь жизнь и проникаешься её описанием. А на самом деле это лишь описание отношения автора к тому, что он считает жизнью, и это описание внедряется в твоё сознание уверенностью в истинности той ерунды, которую описывает автор. Твоё восприятие жизни может очень отличаться от написанного и от жизни также. И люди, упомянутые здесь, и события – всё это могло иметь место и происходить на самом деле. А могло и пригрезиться автору в его воспалённых видениях. Хотя дыма без огня не бывает.

Удачи и РАВНОВЕСИЯ!

